

1961 ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1961

1961

ДЕНЬ

ПОЭЗИИ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА

1961

ДЕНЬ
ПОЭЗИИ

Главный редактор

Г. А. САННИКОВ

Редколлегия:

С. А. ВАСИЛЬЕВ, И. И. КОБЗЕВ (составитель),

В. Л. КУЛЕМИН, М. К. ЛУКОНИН, М. Д. ЛЬВОВ,

М. Д. МАКСИМОВ (зам. главного редактора),

М. А. СВЕТЛОВ, М. Р. СЛОБОДСКОЙ, Б. А. СЛУЦКИЙ,

Я. В. СМЕЛЯКОВ, С. В. СМИРНОВ, В. Д. ФЕДОРОВ

ЧИТАТЕЛЮ

Это стало традицией: ежегодно в начале осени проводить в Москве и других городах нашей родины День поэзии.

К этому же времени каждый год издается новый поэтический сборник с привычным названием «День поэзии».

В нынешнем году сборник выходит в период, когда вся наша страна новыми трудовыми победами встречает XXII съезд родной Коммунистической партии.

Русские поэты Москвы и других городов — участники сборника — своими стихами стремятся откликнуться на самые актуальные, самые волнующие темы современности, воспеть трудовые подвиги народа, глубину духовного богатства советского человека.

Как и в предыдущие годы, в сборнике печатаются стихи наших зарубежных друзей — прогрессивных поэтов мира.

Читатель найдет здесь также первые публикации неизвестных строк поэтов, которых уже нет с нами, но чьи стихи звучат и сегодня.

СТИХИ
ЭТОГО
ГОДА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЗАКОН

(Поэма)

Эту повесть много лет назад
Рассказал мне дворник Калистрат.

Может, оттого, что я не раз
Представлял себе, как это было,
В памяти моей простой рассказ
Так воображенье закрепило.

* * *

...Шел двадцатый, как преданье, год,
Шла зима — без срока и без края.
Волга выла мукой голых орд,
Высохшие руки простирая.

Из конца в конец потрясена,
С грозной верой в ленинское дело,
Призванная партией страна
Напрягала силы до предела.

С окнами, затянутыми льдом,
Коченел в сугробной дреме дом.

По привычке Калистрат с метлой
Выходил к воротам утром ранним.
Мимо шли солдаты. Ветер злой
Бил о стену жгучий клич: «Долой!» —
Уцелевший на плакате рваном.

К небесам прощально устремлен,
В зачердачье, позабытый всеми,
Умирал ученый астроном —
Патриарх десятка академий.

В саркофаге ледяных простынь,
Снежнокудрый, словно изваянье,

Отплывая в черный гул пустынь,
В вечное миров колесование, —
Он глядел, как сквозь миллионы лет
Белый гость с неведомых планет.

— Ты меня уж, Калистрат, зарой —
Крыс тут много... А насчет футляра —
Вон часы столовые с резьбой,
Гроб и время — венчаная пара.

Да смотри, не проворонь трубу —
Это мне из Оксфорда подарок.
Может, обменяешь на крупу
Иль еще там на какой приварок.

Нынче уж сюда являлся тип
Из посольства — рыжий, краснолицый,
Хам и откровеннейший полип,
Сманивал, как девку, за границу.
Ко всему прикидывал цену,
Обещал за письма ветчину.

Вот, брат, как... А в морду дать
по-русски
Недостало сил... Совсем уж прах... —
Он, дрожа, обтер ладонью узкой
Пятна гнева на худых щеках.

— Я ведь, в сущности, весь век один.
В тридцать лет жена себя убила.
Дочь зачем-то в Индии... А сын
Пишет фарсы и торгует мылом.

С высоты Плеяд или Тельца
Факт иль случай вряд ли самый
важный,

А, однако, вот у врат конца
Худо, брат, без спутников... и страшно.

Помню в Петербурге разговор
С Достоевским. У отца был вечер.
Я вспылил, сказал, что «Бесы» — вздор,
Что смирение — подлость и увечье
И что лепет о Христе живом
Служит злу и направляем злом!..

Гости всполошились, потекли,
Сокрушив кордоны домочадцев,
Старика ж, пришедшего венчаться,
Заколдобило, как на мели.

«Не спешите, господин студент! —
После с ним припадок был
в столовой. —

Не спешите, подойдет момент,
Вспомните и вы святое слово!

Женитесь, а милый сердцу друг,
Без измен, без клятвы над постелью,
Ночью склянку яда выпьет вдруг
Иль уйдет в монашескую келью.

Дети разбредутся кто куда —
По ничтожным целям, без дороги.
Не спешите прежде!.. Вот тогда
И завоюет, как зверь, о богел!»

Знаю ведь — случайно так сошлось,
Все ж нет-нет, а вдруг накатит ночью...
С богом мы не поделили кость,
Воем оба, изодрались в клочья...

Будто в поле занесен пургой,
Сладко и покорно засыпая, —
Вот и все... тепло... тепло... покой...
Луг какой-то, птица голубая... —
Калистрат клонился, костенел,
Но, внезапно потрясен ознобом,
Снова видел в раме на стене
Череп Галилея крестообразный.

— Бог — продукт безверия людей
В собственную сущность... Или
проще —

Образ их несознанных страстей
Быть вселенским центром воли и мощи.

Думаю, усилия всех наук,
Всех искусств и философских сводов
Есть лишь поиски своих же рук —
Абсолютной власти над природой...

Ранних сумерек кошачья мгла
Ластилась у стен, ползла на полки;
Иней мерк, шептался по углам,
Осыпая синие иголки.

— Вон она, — старик, ты встань сюда, —
Дочь моя красавица... Гляди же,
Не спугни ее, она всегда
Здесь восходит, чтоб ко мне поближе...

Слышишь песенку ее, старик:
Тинь-тинь-тинь... зень-зинь — как дождь
хрустальный...

Девочка... Она из этих книг
Любит делать хижины и пальмы.

Глухо рассмеявшись в темноте,
Астроном вдруг погрозил кому-то.
— У меня ее украсть хотел
Бес в визитке... заявлялся утром...

Да обжегся только... Не с руки!..
Эй, старик, ты — кто? Кругом враги...
Стой! Ведь я тебя скорей убью!..
Впрочем, в Индии она... за князем...
Я всегда, всегда тебя люблю,
Деточка, цветок зеленоглазый!..

Завалюсь бессильно головой
В обжигающий сугроб подушек,
Он смолкал, недвижимый, восковой,
Уж казалось — навсегда потухший.

В небе так же пламенел Персей,
И, не зная ни любви, ни бреда,
В равнодушной, ледяной красе
На престол всходила Андромеда.

Плыл, сияя чешуей, Дракон,
Так же лился свет тысячелетий,
Утверждая лишь один закон —
Тьмы и смерти для всего на свете.

Утром, с темным батожком в руках,
Старый дворник миновал ворота
И, перекрестясь за поворотом,
Двинулся куда-то в снежный прах...

Снова мерк суровый свод небес,
И неслышно ночь спускалась наземь,
Снова звезды лили дикий блеск,
Режущий, как по стеклу алмазом.

Но сегодня торжище светил
Было злобным, безобразно-алчным.
Астроном, собрав остатки сил,
Как монах, зажег фитиль невзрачный
И, раскинув на столе тетрадь,
Написал, растерзанный, смятенный:

«Умираю... Некому сказать...
Как анчар — один во всей вселенной!..
Господи, неужто правишь ты?..»
.....

С башмаков обив налипший снег,
Вслед за Калистратом по ступеням
Вдруг вошел поспешно человек,
Подав руку и назвался: — Ленин.

Посреди немыслимой зимы,
Голода, сиротства, бездорожья,
В ночь, когда все книги, все умы,
Веры все, дела казались ложью
И ты сам был только жалкой тлей,
Сброшенной со стебля мирозданья,
В этот час, нависший смертной тьмой,
Он вошел как жизни оправданье.

Размотав на шее старый шарф,
Он присел на стул с кроватью рядом
И, сосульки с бороды отжав,
Улыбнулся чуть усталым взглядом.

— А ведь мы — знакомые, да, да!
Я, по крайней мере, помню явно

Лекции в Париже, — вы тогда
Потрошили Беркли преисправно!

Ленин поднял сползший на пол плед
И поправил огонек пугливый.
Где-то вскрикнули, и крику вслед
Сухо грянул выстрел торопливый.

— Грешен, думал — за границей вы.
Нынче многие из «левых» даже
Убрались подальше от Москвы —
Нет комфорта, пролетарий страшен.
Безопасней издали любить,
Да к тому ж и платят там за это —
На «спасенье» мира от Советов
Можно верный капиталец сбить.

Он поднялся, напряженный, темный,
И, шагнув к заснеженной стене,
Стал внезапно, как судьба, огромный,
В львиных космах прянувших теней.

Торопливой кистью каганца
Полночь, очарованная втайне,
Рисовала облик мудреца,
В меч перековавшего страданье.

А как будто речь его тогда
Не топорщилась ничем сверхзначным
И, картавясь, как в лугах вода,
Вся до дна была проста, прозрачна.

И в бескрайнем торжестве снегов,
Сквозь пожары, кровь и злую замять
Явственно — каким-то взором снов,
Сердцем, изумленными слезами —
Вдруг увиделась — светла стократ —
Родина — Россия, отчий клад.

И все ближе, в огненном кругу,
Всеми злобами неволь травима,
Шла она, босая на снегу,
Шла сквозь боль и труд неодолимо.

И неправдой стали тьма и страх,
Одиночество, глухая гибель, —
В глубине груди и на устах
Что-то сдвинулось, подобно глыбе.

Николай АСЕЕВ

ЗА КУБУ!

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

За Кубу голос подымите,
Поэты разных стран:
Не дайте наймитам бандитам
Осуществить их план!

За Кубу подымите голос,
Поэты всей земли,
Чтоб небо в громах расколось,
Чтоб сор с земли смели!

Встань, Африка, в защиту Кубы
Сестрой, плечо с плечом,
Чтоб не сомкнуться силе грубой
В союз меча с бичом!

И Азия, встань с Кубой вместе,
Австралия, в ряды!

Чтоб не считать себе бесчестьем —
Такой беды следы!

Она вам не чужая, Куба, —
В ряду родных людей.
Капитализма метят зубы
Вонзиться в горло ей.

Здесь равнодушных больше нету,
Народов совесть есть.
Любому в свете континенту
Близка свободы честь.

За Кубу голос подымите,
Поэты всей земли,
Чтоб смылись наймиты бандиты,
Как сор, с лица земли!

БЫЛО ВСЕ ПОЭЗИЕЙ

Было все поэзией. Заря
вновь всходила, жизнь земле даря.
И увидали рыбаки,
как гуси солнце пьют с реки.

Я вслушивался: вот пшеница
с рассветом снова расшумится.
Но тихо каждый колосок
глядел — и только на восток.

Я, как героев будущих стихов,
встречал в пути знакомых пастухов.
На лошадях, в рассветной синеве,
они большое гнали стадо.
Коровы грузные шли по сырой траве,
а я себе шептал, что мне запомнить
надо,

как, оставляя по росе следы,
остановилось стадо у воды,

как шумно с ведрами, сойдя
с грузовиков,
доярки сели около коров.

И брызнули в стихи: рассвета синева,
и струи молока, и свежий запах сена,
что долетал с лугов, и вдохновенно
я повторял любимые слова,

что «вот она, родная сторона,
с своим зеленым, благодатным летом.
И вновь душа поэзией полна.
Да, только здесь могу я быть поэтом».

ВЁСНЫ

Не без причин порой берет досада,
что мало вёсен в памяти сберег,
что сделать многое еще не смог,
а то, что сделал, то не все, как надо...

Но еще будут вёсны впереди!
О, кто же вновь услышать не захочет:

летят на землю первые дожди,
и в небе первые грома грохочут...

И вновь луга, и пашни, и леса
до слез волнуют. Открываю дверь я.
Иду глядеть, как буйствует гроза,
как, став под дождь, блаженствуют
деревья..

Евгений АБРОСИМОВ

(1912—1943)

* * *

Прохожу я, словно день, высокий.
Говорят (я слышу!) те, что ближе:
— Вот
на свете
самый одинокий,
Потому —
другие много ниже. —
Прохожу.
Не замечаю просто.
Пусть болтают.
Будто и не слышу.
У меня друзья
такого ж роста,
А иные
даже
чуть повыше.
Облака
в далеком небе тают.

Высоко
луна плывет,
двурога.
Чудаки!
Они того не знают,
Что на свете
нас, высоких,
много.
Каждый голос
на земле
нам слышен,
В каждый стон
готовы сердцем влиться.
Мы —
как маяки для тех, что ниже,
Чтобы им
в пути не заблудиться.
Хорошо на свете быть высоким —
Никогда не будешь одиноким.

* * *

Хорошо быть сильным и могучим.
Хорошо быть
облаком летучим,
Что несется,
с ветерком играя,
Мир чудес
и сказок
озирая.
Хорошо быть ветром:
ветру воля —

По лесам шуми,
гуляй по полю,
Волны дыбь,
качай звезду ночную,
Залетай
то в Вологду,
то в Чую.
Хорошо быть озером,
в котором

Отразились
 синие просторы,
И цветы,
 и травы,
 и избушка.
Над избушкой
 дым, как завитушка.

Хорошо быть всем —
 и тем и этим, —
Много есть чудесного на свете.
Но всего прекрасней
 быть поэтом
И писать стихи
 хорошие
 об этом.

ДОМИК ДЕРЕВЯННЫЙ

В молчанье вечном трудно жить:
Согнулся домик
 деревянный.
И озеро пред ним лежит,
Как зеркало,
 как круг стеклянный.
Ему недавно журавли,
Когда над крышей пролетали,
Про города,
 про корабли,
Про все на свете
 рассказали.
В ответ
 он ставнями скрипел,
Качал трубой,
 гремел запором,
Рвануться
 и
 пойти хотел!..

Но остановлен был
 забором.
И вдруг
 послышалось ему
На ветровом осеннем свее:
— Ты там не нужен никому!
Тебе там место
 лишь в музее. —
«Ужели никому? Нигде?»
Взглянул оконными глазами
На отражение в воде,
Взглянул в последний раз
 и замер.
Теперь метель над ним кружит.
Согнулся домик деревянный.
И озеро пред ним лежит,
Как зеркало,
 как круг стеклянный.

СЫН

С той минуты, как ушел,
как за ним кровать и стол
прибрала в последний раз,
эта мука началась...
Тик-тик-тик-тик...
Засыпала лишь на миг,
просыпалась и опять
начала повторять
вслед недремлющим часам,
вслед каким-то голосам —
тик-тик-тик-тик...
В доме жил один мужик
да и тот ушел бродить,
не вернется, может быть.
Где он лазит по лесам —
на себя стирает сам?
И придет ли он домой?

И найдет ли он покой?
... Не звенят часы, не бьют,
жадно-жадно время пьют —
тик-тик...
Задави под сердцем крик,
не зови, не зови,
часы останови,
все равно не воротить
осужденного бродить...
Землю мерить — сыновьям.
Ждать их дома — матерям.
Ждать — стареть,
ждать — сесть,
ждать — и с завистью глядеть
на чужих внучат...
А часы стучат-стучат —
тик-тик-тик... . . .

ЧАСТУШКИ

Проста ты, жизнь, в частушке,
заманчиво проста...
Поют, поют подружки —
баян давно устал.
Размашисто и чисто,
то порознь,
то вдвоем,
поют про гармониста,
поют про тракториста
и — мало ли о чем.

«... Мальчишка с вечерки
до дому проводил,
мальчишка для девчонки
слов не находил...»
... Поют за словом слово,
да так,
что ясно всем —
у них самих такого
не было совсем... . . .

ПОЛНОЧИ

Полночами летними у фабрики
я любил встречать свою жену...
..Женщины уже снимали фартуки,
повернувшись лицами к окну,
выходили стайками и группами,
позднюю усталость затая...
Шутками веселыми и глупыми
их встречали парни и мужья.
Нет,
мы вздорили не в эти полночи.
Не грустны,
не слишком веселы —

были эти полночи безоблачны,
умиротворяюще светлы.
Мне они остались как предание
промелькнувших
полуночных стран,
мне они достались как приданое,
не вместившееся в чемодан,
в новый дом не унесенное —
в запыленную страну.
В полночи бессонные
я любил встречать свою жену...

НА ВЕЧЁРКЕ

1

В круг влетела — запела:
«Уезжаешь — не забудь...»
Под кофточкой белой
ходуном ходила грудь.
Пела,
пела,
пела,
разметнув объятье рук,
на парня не глядела —
взглядывала вдруг.
Била,
била,
била

в пол гремучим каблуком,
и манила, и любила
при народе,
не тайком.
Пела,
пела,
пела...
Слушал парень, сжав виски,
а гармонь редела
по-мужски...

2

«Я жила бы — не тужила,
кабы милый был,
я бы милого любила,
как любила бы...
Посмотри ты на других,
они какие дохлые...
То у них,
сё у них —
позовите дохтора...
У других одни названья
под одежей кроются,
подойди к окошку бани —

посмотри, как моются.
А потом глянь на меня —
я вся тебе послушная,
обожжешься без огня:
я —
самая
лучшая...
Речку дождиком смутило,
конь из речки пил.
Ах, как бы я тебя любила,
кабы ты был...»

ДОЖДЬ

Он хлынул, светлый, проливной,
Аж зазвенел в реке;
Овсяный, ягодный, грибной,
С гремящей медною трубой
И в радужном венке.

Ловили бабы в ведра дождь,
Купали косы влагой гроз,
Чтоб волос тучным был, как рожь,
Чтобы, как лен, кудрявый рос,
Чтоб были свежими уста...
В дожде таится красота!

НАШ ДЕВИЗ

Если ты еще не знала,
Так узнай:
 большой мороз
По-якутски называют
Очень нежно —
 «шепот звезд».

Там, в ущельях Оймякона,
Индигирская зима
Объявляла вне закона
И сводила нас с ума.
Как нас вьюги заметали!
Как терзали нас ключи

По ущельям Берентала,
По распадкам Бахапчи!

Ты запомни настоящий,
Нами созданный девиз:
«Если жив еще —
 борись.

Полумертвый —
 продвигайся!
Смерть увидишь —
 не сдавайся,
А настигла —
 не страшись!»

ИСТОЧНИК СВЕТА

Все сделанное человеком
рассказывает нам о нем,
отмечено не только веком,
не только годом —
каждым днем.

Полны душевного горенья,
приходят к нам из прошлых лет
его труды, его творенья,
как звезд умерших длинный свет.
Душа чужая — не потемки,
а электрический разряд.

И вы, далекие потомки,
когда оглянетесь назад,
поймете ль, жмуясь от сполоха,
пронзающего толщу тьмы,
что это светит та эпоха,
которую творили мы,
что это бьет источник света
из сердца каждого из нас,
откуда первая ракета
взлетела в космос в первый раз?

„ДА“ И „НЕТ“

Если было б мне теперь
восемнадцать лет,
я охотнее всего
отвечала б: «Нет!»

Если было б мне теперь
года двадцать два,
я охотнее всего
отвечала б: «Да!»

Но для прожитых годов,
пережитых лет,
мало этих малых слов,
этих «да» и «нет».

Мою душу рассказать
им не по плечу.
Не спрашивай меня,
если я молчу.

* * *

У багряного знамени
Ветер колышет огонь кумача —
Вышитый шелком
 портрет
 Ильича.
Воздухом Родины дышит,
Жив он!
 Не верю, что вышит!

УТРО

Тряхнул петух своей короной
И брата вызвал на дуэт.
И тут же гулкие бидоны
Позолотил слегка рассвет.

Над фермой
Плыл туман молочный,

И, как разрезанный арбуз,
Вставало солнце
Зрелым,
 сочным,
Таким,
 что чувствуешь на вкус.

ДИСК

Внимательно к нему ты приглядишь
И положи его в заветный ящик,
Блестящий, вороновокрылый диск,
Звучанья дивные таящий.

И сделай так, чтобы он их изверг,
Чтоб все эти адажио и скерцо
Рванулись и метнулись вниз и вверх,
Бросаясь в уши, в мысль
и в сердце!

И вот скользит бесшумная игла,
Переведа мелодии на краски,
И вся канва как будто расцвела
Орнаментом восточной сказки.

И ты читаешь, как узор ковра,
Все, что поют они, друг другу вторя,
Про нашу жизнь, про завтра и вчера,
И радость слез, и слезы горя.

Она скользит, бесшумная игла,
И видишь ты, как среди волн
воздушных
По цветнику проносится пчела,
Сбирая дань с цветов послушных!

Как птицы небо крыльями метут,
Как солнечные кружатся пылинки,
Как белый лебедь оплывает пруд
Долгоиграющей пластинки!..

Вот так живые звуки — соловьи,
Как бы на волю вырвавшись из клетки,
Меняют очертания свои,
И выраженья, и расцветки.

И, так смотря на быструю иглу,
Ты ловишь взлеты радости и гнева,
И слышишь волн певучую игру,
И видишь небо, небо, небо!

Вперед по кругу! Дальше — и насквозь!
Гремите, флейты! Нежно, контрабасы!
До высшей точки...
И оборвалось!..

И вот он, диск, — кусок пластмассы!

Он никуда не манит, не зовет...
Но где-то сердце в нем живое бьется!
Спасибо вам, Апрельевский завод!
Благодарю, чудесный Моцарт!

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЯ

Строитель! Это гордо
Звучит, мои друзья!
Одна из самых лучших
Профессия моя.

Я строю на Урале,
В сибирской стороне,
Я строю в Антарктиде,
Где звезды светят мне!

Я строю в зной и в холод,
Работа нелегка,
Я строю не на годы,
Я строю на века.

РОДИТЕЛИ

В жизни многое перевидали
Постаревшие наши родители,
И в карманах у них нередко
Валидоловые таблетки.
Что же с ними такое случилось?
Ничего... Просто рядом старость...
Но порою, ничем не отмечен,
Наступает внезапно вечер
И людей собирает, как праздник,
Самых близких и очень разных.
Навсегда они связаны годами,
Пусть холодными и голодными,
Двадцатыми годами давними,
Ныне ставшими легендарными.
Они говорят как хочется,
Называют друг друга без отчества,
Просто «Женька» и просто «Колька», —
Сколько шуток и смеха сколько!
Артистку народную старую
На диван сажают с гитарой,

А известного всем министра
В магазин снаряжают быстро.
Не одну тетрадку заполнишь
Бесконечными их «а помнишь?...»
Время мчится, не удержать его, —
И объятья, рукопожатья.
С земляками министр простится,
Завтра ждет его за граница,
И, спускаясь кряхтя по ступенькам,
Генералом становится Женька.
Расстанутся друзья. На вид они
Поседевшие и солидные.
Только если сквозь время и трудности
Пронесли они дружбу юности,
Если хочется напевать им,
Как и раньше: «Вставай,
проклятьем...» —
Значит, молодость их не померкла,
Как бы ни возражало зеркало!

РАЗРЫВ

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово —
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье —
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.
Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче — конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, — решили,
Все, что раздела ждало, — разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло разделиться.

Там, за стеною, в ребячем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конец!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

— Милый! — подавленными голосами
Молвили оба. — Мы вот что хотим... —
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

— Мы расстаемся... совсем...
окончательно...
Так нужно, так лучше... И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль папой будешь ты жить?

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось,
Никак не делилось на мать и отца!

В любви излишен, друзья, совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает — любить или нет,
И где сходиться, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме
Прошу только вспомнить, увидеть
глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

ГАЗИРОВАННАЯ ВОДА

Вот к будке с газированной водой,
всех автоматов баловень надменный,
таинственный ребенок современный
подходит, как к игрушке заводной.

Затем, самонадеянный фантаст,
монету влажную он опускает в щелку
и, нежным брызгам подставляя щеку,
стаканом ловит розовый фонтан.

О, мне б его уверенность на миг
и фамильярность с тайною простою!
Но нет, я этой милости не стою,
пускай прольется мимо рук моих.

А мальчуган, причастный чудесам,
несет в ладони семь стеклянных граней,
и отблеск их летит на красный гравий
и больно ударяет по глазам.

Робея, я сама вхожу в игру
и поддаюсь с блаженным чувством
риска
соблазну металлического диска,
и замираю, и стакан беру.

Воспрянув из серебряных оков,
родится омут сладкий и соленый,
неведомым дыханьем населенный
и свежей толчеею пузырьков.

Все радуги, возникшие из них,
пронзают нёбо в сладости короткой,
и вот уже, разнеженный щекоткой,
семь вкусов спектра пробует язык.

И автомата темная душа
взирает с добротой старомодной,
словно крестьянка, что рукой холодной
даст путнику напиток из ковша.

Александр БАЛИН

* * *

В резерве клецки я хлебал —
Ржаное тесто,
 кипяток, —
А наши бабы жгли хлеба
И уходили на восток...
Нет, не считал я,
 сколько дыр
Проткнул на поясном ремне...
Да,
 много утекло воды,
Да,
 все случилось на войне.
Но пусть пройдет еще сто лет
И горе выгорит дотла,
Мне не забыть горящий хлеб

И бабьи щеки,
 как зола.
Не потому,
 что голодал
В резервном танковом полку,
Не потому,
 что в холода
Плыл на бревне через Оку.
Что ж,
 можно плыть и без бревна, —
На то,
 товарищи,
 война,
Баланду я ль один хлебал?
Но коль уж бабы жгли хлеба —
Крутые были времена!

ХИЩНИЦА

На комод уселась к нам
Глиняная птица
И глядит по сторонам:
«Чем бы поживиться?»

Будто круглые очки
У нее глазищи,
И глотает пяточки
Птица вместо пищи.

Опустил монету,
Был пятак — и нету!

Стала хищная сова
Предъявлять свои права.

Я хотел купить значок
Другу к именинам,

Звяк! — остался пятакочок
В животе свином.

Даже деньги на автобус
Я в совиную утробу
Для чего-то опустил,
Опустил и загрузил.

А сова глядит, хохочет,
Изогнула нос крючком.
Для нее теперь охочусь
Я за каждым пятакочком.

Завтра мамино рожденье —
За подарком не бегу,
На подарок нету денег —
Их в копилке берегу.

Я разбил эту сову,
Хорошо опять живу!

КАКОЕ НАД НАМИ НЕБО?

Какое над нами небо —
Высокое или низкое?
Какое над нами небо —
Далекое или близкое?

Когда дорога туристская
Приводит к вершинной цели,
То небо бывает близкое
И низкое в самом деле.

Когда самолет взмывает
В небо с аэродрома,
То близким небо бывает,
Как стены родного дома.

Когда со скоростью света
Ракета уходит в воздух,
Мы знаем — эта ракета
К нам приближает звезды.

Но ежели ты без срока
В безделье живешь и в покое,
Ты видишь небо далекое
И бесконечно чужое.

Ты зря упускаешь время,
Займись-ка лучше делами,
Чтоб видеть вместе со всеми,
Какое небо над нами.

ПАРИЖСКАЯ ЛЕГЕНДА

Эйфель умер в Эйфелевой башне,
среди железных балок и стропил,
был в той башне дом его всегдашний,
он в своей бессмертной башне жил.

Скромная железная квартира,
пышному Парижу не в пример,
но ее на все квартиры в мире
не сменял бы старый инженер.

Оттого, что яростней влюбленных
был неукротимо он влюблен
в эти девять тысяч
устремленных
им
в зенит
тугих железных тонн.

Лежа ночью в старческой постели,
слушал башню, детище свое, —
как болты в ее скрещеньях пели,
в грубых сочленениях ее...

Так он жил, одной подвластен теме,
строгий свой благословляя кров,
как поэт во вздыбленной поэме,
среди навеки выкованных строф.

Был внизу Париж — столпы и крыши,
но в зенит вонзалася мечта.
Дел земных и радостей превыше
стариком владела высота...

Повернись ко мне лицом весенним,
синий город... Что же ты молчишь?..
Вдоль уснувшей набережной Сены
я иду и слушаю Париж.

Спят сады. Спит Лувр. Спят франки
в сейфе...

Но у всей планеты на виду
в светлый лоб целует старый Эйфель
юную вечернюю звезду.

Герман БЕЛЯКОВ

* * *

Я не стану у соседей спрашивать:
как, мол, в этом домике живут?
Знаю, что начнут они

«раскрашивать»

даже незатейливый уют.

«Размалюют» так —

хоть плачь, хоть смейся.

А зачем мне делать им визит?

...Вон она,

история семейства,

на веревке бельевой висит.

Синие

застиранные маечки

на морозе превратились в лед.

Видно, у хозяйки этой
мальчики.

Видно, у нее не счесть хлопот.

Расвели на фартуке ромашки,
молоко простынок растеклось...

Только ни одной

мужской рубашки

на веревке этой не нашлось.

Скромно здесь.

Но все-таки уверен —

и у них по праздникам пирог...

Я еще не постучался в двери,

но уже

переступил порог.

ПИОНЕРЫ

В чаще горн пионерский запел
Всею грудью, всей звонкою медью.
Я не вытерпел, не усидел,
К пионерам собрался немедля.

Рдели галстучки на лугу,
Быстро бегали детские глазки.
И старик одуванчик в кругу
Вдохновенно рассказывал сказки.

Вылетала на ступе Яга,
Начинала свой промысел мерзкий.
И отряд был готов на врага
Опрокинуть свой гнев пионерский.

Подступала к костру темнота,
Крались тени зловещей ватагой.
Но светилася доброта
В пионерских глазах и отвага.

— Ах, какой вы хороший народ! —
Говорил я ребятам весь вечер. —
Наш огонь, наша дерзость живет
В вашей вольнице человеческой.

Бил в ответ барабан мне тугой,
Он подчеркивал маршевость песни.
Такт его уловил я ногой
И пошел с пионерами вместе.

ПУШКИНСКИЙ БУЛЬВАР

Выхожу я утром рано
Да на Пушкинский бульвар.
Там сидят два ветерана,
Я пройду — ведь я не стар.

Мне еще не мемуары
В тихой комнате писать.
Мне про шумные бульвары,
Про живое рассказать.

Весь бульвар — собрание красок.
И на нем в такую рань
Демонстрация колясок,
Мамок, бабушек и нянь.

Человечество катают,
Кормят кашей, молоком,
В долг дают ему и знают,
Что оно отдаст потом!

Всходит красная гребенка,
Словно солнце, в волосах.
Молодая мать ребенка
Подымает на руках.

Соской тешится мечтатель,
Сам зрачками даль сверлит.
Там, как первый воспитатель,
Пушкин бронзовый стоит.

МАТЕРИНСТВО

В природе есть одно единство,
Которое ее роднит.
Она лелеет материнство,
На нем неизбежно стоит.

Вот эта яблоня у тына,
Что сломится того гляди,
Оцепенела и застыла
От счастья, что на ней плоды.

Вот эта серая кобыла,
Пасущаяся у прясла,

Ни на минуту не забыла,
Что жеребенка принесла.

Глаза от радости слезятся,
А уши ревностно строги.
Еще бы! Рядом здесь резвятся
Четыре родственных ноги!

А ты, кукушка, что кукуешь,
Тревожа пасмурный рассвет?
Уж не о том ли ты горюешь,
Что малых деток рядом нет?!

Майя БОРИСОВА

**НА СМОТРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

На сцене
 что-то вытворяли:
Здесь все кого-то
 повторяли,
Ветрами моды их мотало
То к мексиканцу, то к Монтану.
Надюша, тихая Надюша —
Доярочка из Фомина —
Пищала с резвостью натужной,
Что, мол,
 «Мари всегда мила...»
А в ней свое
 смеется, плачет,
Чему бы вырваться,
 пеща,
Да песенка тесна,
 как платье
С чужого, узкого плеча.
И вдруг
 раздольно, непокорно,
Всем веяньям наперекор,
Цветной, счастливою подковой
Упал на сцену
 русский хор.

Как были сброшены котурны!
Как грим заморский
 с лиц сползал!
Какой исконною культурой
Повеяло
 в оживший зал!
А сапоги, как самовары,
Бросали блики в потолки,
И ликовали сарафаны,
И лучезарились платки.
Была нарядам тем
 не в тягость
Обветренность упругих щек,
Рабочих рук литая тяжесть
И русский
 незавитый шелк.
На сцене
 было все
 как надо.
С глазами радостней зари
Певцам подтягивала Надя,
Забыв
 про милую Мари.

БРИГАДИР

Его не назначают,
Как с прочими бывает,
Его сама бригада
На должность выбирает.
Ему по доброй воле
Вверяют люди судьбы,
И если он ошибся —
Они ему и судьи.

Зато не облачают
Они любого кряду
Высоким полномочьем —
Доверием бригады.
И зря иной кичится
Чинами и мундиром:
Кто не был бригадиром —
Тот не был командиром.

КРИК

Я никогда не видел шею
без головы,
я никогда не рыл траншеи,
не падал в рвы,
я никогда не видел поле
в пыли атак.

Но я
кричу
всемирной болью:
— Не будет так!

Константин ВАНШЕНКИН

СОЛДАТЫ

В земле солдат намного больше,
Чем на земле.

Перед Москвой, над Волгой, в Польше
В кромешной мгле
Лежат дивизии лихие
И корпуса.

А сверху дали голубые
И небеса.
Лежат бригады, батальоны
И тыщи рот.

А сверху по траве зеленой
Проходит взвод.

Иная ждет его дорога.
Встает рассвет.
Солдат в земле и так уж много
За много лет.

И лейтенант бросает: — Шире,
Гвардейцы, шаг! —
И песня грозная — о мире! —
Звучит в ушах.

БРАТЬЯ

У огня примостившись ловчее,
Застывали над книгой. А мать
Говорила им: — Ну, книгочен,
Ладно, хватит глаза-то ломать!..

Умывались и чистили зубы,
Аккуратно стелили постель
И ложились они, книголюбы.
А за окнами пела метель.

Беспорядочно снега круженье,
Пробивается месяц на миг...

По ночам снилось им продолженье
Поздним вечером читанных книг.

Под полотнищем алого стяга
Прносились — шарахалась мгла!
И нещадная к знаниям тяга
В них уже с малолетства жила.

Звуки ветра протяжны и тонки...
Вижу я из далекой Москвы
Эти русые две головенки,
Эти светлые две головы.

СТАРЫЕ СЛОВА

Хотя вошли в права
И формулы и термины,
Но старые слова
Народом не потеряны.

Над речкой синий дом,
Где добрый друг мой — лодочник.
Все просто в доме том,
Не штопор там, а пробочник.

Сидим уже давно,
Закусываем ситником.

Пью белое вино
Не рюмкой, а лафитником.

Сидим, слегка хмельны,
Средь разговоров искренних,
И смотрит со стены
Не календарь, а численник.

И верьте, в этом всем
Нет никакого вызова
Машинам за окном,
Экрану телевизора.

Иван ВАСИЛЬЕВ

(1910—1938)

* * *

Не добраться к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла,
Все равно в этом гиблом, пропащем
снегу

Я тебя дорисую хоть дымом, хоть
пеплом.

Я над теплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставляю в прическе —
и все же

Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье
похожа!

Но вернуться к тебе ни за что не хочу,
Потому что, подвластен дремучему
краю,

Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на Север дорогу себе выбираю!

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжьем,
Царство рыбы и птицы! Ты будешь
со мной!

Мы любви не споем и признаний
не скажем.

Звонким лугом и синим огнем селезней,
Чешуей, чешуей обрастай по колено,
Чтоб глазок петушинный казался красней
И под рыбьими перьями ширилась пена.
Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос, не доносило.
Чтоб огнями, и тьмою, и рыжей волной
Позади, за кормой, убегала Россия.

1932

ДЖУТ

(Старая степь)

По свежим снегам — в тысячи голов —
На восток табуны идут.

Но вам, погонщики верблюдов,
Холодно стало от этих слов:

— В пустыне властвует джут. —

Первые наездники алтайских предгорий
На пегих, на карих, на гнедых лошадях
Весть принесли, что Большое Горю
Наледью синей легло в степях.

И сразу топот табунный стих,

Качнулся тяжелый рев —
Это, рога к земле опустив,

Мычали стада коров;
Это кочевала беда, беда

Из аула в другой аул:

— Джут шершавый корою льда
Серединную степь стянул. —

А степь навстречу пургой, пургой:

— Ой кайда барасы, ой-пурмой! —

А по степи навстречу белый туман:

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ХОРОШО!

Путь пролег, во весь размах
солнцем озаряем.
Хорошо на двух крылах
плыть
 над вольным краем,
видеть землю с высоты
всю,
 как на ладони,
узнавать ее черты
в стали и в бетоне,
любоваться красотой —
добрыми дарами,
небывалой силой той,
что раскрыта нами.
Как на землю ни взгляни,
до чего ж красивы
водоемы
 и огни,
пажители
 и нивы,

стрелы-просеки в лесу,
стройки на увалах!
До чего же им к лицу
пламень флагов алых!
Хорошо,
 мой верный друг,
с облаками споря,
снизить скорость,
 сделать круг —
и Москву увидеть вдруг
в праздничном уборе!
Вот он,
 город мой родной,
честь и упование.
У меня
 с моей Москвой
длится сорок лет с лихвой
первое свиданье.

ПАМЯТНИКИ

Я памятники в городе люблю.
Один сидит. Другой изваян стоя.
Поднявшись, конь копытом бьет змею.
Тот книгу держит. Тот — копьё героя.

С детьми уселись няньки в их тени,
И голуби у ног их ищут проса.
В отличие от людей хранят они
Какой-то жест.

Одна навеки поза.

Все больше их. И скромны, без затей,
И важные, царят они над миром.
Все гуще чаща каменных людей.
Кто с яблоком в руке. Кто с нивелиром.

А кто со свитком...

Я меж ними брел,
И чувствовал себя я виновато.
Тот что-то создал. Этот изобрел.
Тот даже город основал когда-то!

ЧАС

С утра до ночи день распределен:
Работаем, мотаемся, читаем.
Но час один я выделяю — он
Меж прочих мной особо почитаем.
Час размышления! Священный час!
Над переносьем сходятся морщины...
И у других я замечал не раз

Задумчивость без видимой причины.
Работай, ум! Трудись, пока я жив!
И счастья мне не надобно иного!..

Брожу, в карманы руки заложив,
Наморщив лоб,
Нахохлившись сурово.

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!» — и задержать попробуй.
На плечи смело руки положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.
Когда уходит женщина, «Молю!
Куда? — скажи. — Куда ты?» — Без
ответа
Посмотрит лишь. Сквозь зубы:
«Не люблю!» —

Произнесет. Что возразишь на это?
Когда уходит женщина, вперед
Зайди! Она и не поднимет взгляда!
...Когда ж уйдет, то, свесившись
в пролет,
Кричать: «Прошу, вернись!» —
уже не надо...

* * *

Художник, воспитай ученика.
Сил не жалея его ученья ради.
Пусть вслед твоей ведет его рука
Каракули по клеточкам тетради.

Пусть на тебя он взглянет свысока,
Себя на миг считая за провидца.
Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

РУБЛЕВСКОЕ ШОССЕ

Мимо санатория
Реют мотороллеры.

За рулем влюбленные,
Как ангелы рублевские!

Фреской благовещенья,
Резкой белизной,
За ними блещут женщины,
Как крылья за спиной!

Их одежда плещет,
Рвется от руля,
Вонзайтесь в мои плечи,
Белые крыла!

Улечу ли?
Кану ль?
Соколом ли?
Камнем?

Очи. Небеса.
Красные леса.

СИРЕНЬ „МОСКВА — ВАРШАВА“

Р. Гамзатову

11.III.61

Сирень прощается, сирень —
как лыжница,
Сирень, как пудель, мне в щеки
лижется!

Сирень заревана,
сирень — царевна,
Сирень пылает ацетиленом!
Расул Гамзатов хмур, как бизон.
Расул Гамзатов сказал: — Свезем.

12.III.61

Расул упарился. Купе не спит.
В купе купальщицей сирень дрожит.
О, как ей боязно!

Под низом

Колеса поезда — не чернозем.
Наверно, в мае цвeсть «красивей»...
Двойник мой, магия — сирень, сирень!
Рисковый гений!..

Из всех одна

На третьей скорости цветет она!
Есть сто косулей —

одна газель.

Есть сто свистулек — одна свирель.
Несовременно цвести в саду.
Есть сто сиреней.

Люблю одну.

Ночные гроздьа гудят махрово,
Как микрофоны из мельхиора.
У, дьявол-дерево!

У всех мигрень.

Как сто салютов, стоит сирень.

13.III.61

Таможник вздрогнул: — Живьем?
В кустах?! —
Таможник, ахнув, забыл устав.
Ах, чувство чуда — седьмое чувство... .

Вокруг планеты зеленой люстрой,
Промеж созвездий и деревень
Свистит

трассирующая

сирень!

Смешны ей — почва, трава, права... .

P.S.

Читаю почту. Сирень мертва.
Нужны ей — почва, вода, трава.

3.VI.61

В МИХАЙЛОВСКОМ

Я в осени весь. Я — Михайловское.
Горят мои сосны, смыкаются.

В лице моем, мутном как зеркало,
Смеркаются лоси и пергалы.

Природа — в реке и во мне
И где-то еще, извне.

Три красные солнца горят.
Три рощи, как рюмки, дрожат.

Три женщины брезжут в одной, —
Как матрешки, одна в другой.

Одна меня любит, смеется.
Другая в ней птицей бьется.

А третья — та в уголок
Забилась, как уголек.

Она меня не простит.
Она еще отомстит.

Мне светит ее лицо,
Как со dna колодца кольцо.

РОЗЫ

Ветерки в степной ковыли
Катят солнце под откос.
За окном, обросшим пылью,
Куст расцвел целинных роз.

Тракторов гремят обозы,
Мчится гуд грузовиков.
На земле целинной розы
Белый бархат лепестков!

В сердцевинах пышных влага,
Стебли хрупкой высоты.

Собралась парней ватага:
— Вот, действительно, цветы!

Дождь промчался по совхозу,
Где-то струнами бренчат.
...Хоть одну б такую розу
В общежитие девчат!

Даже Маркс о розах этих,
О хлебах в дождинках рос
Говорил в своем столетье:
Коммунизм — когда на свете
Много хлеба, много роз.

ДИРЕКТОРША

Поселок. Дымы норовят в облака.
Деревья вдоль улицы длинной.
Куда ни оглянешься с грузовика,
Повсюду видна боевая рука
Директорши степи целинной.

В конторе у двери ее — теснота.
Вхожу, говорю наудачу:
— Директорша что, занята?
— Занята.
— Наверно, опять заседает с утра?
— Да нет, — отвечают мне, —
плачет.

Дел-то по горло:
то людям жилье,
То в город мотайся, то в поле,

То ливни...

Да вы обождите ее,
Минут еще десять, не боле!

И тут же вздыхают:

— Нелегкая жизнь...
Расстроилась, с кем не бывает?
Зато отгорюет, тогда уж держись! —
...Звонки телефон обрывают.

А та все грустит в кабинете своем,
И ждут терпеливо, кто шел на прием,
Без тени усмешки, без злости.
И видно в окно, как под хмурым

дождем
Бушует раздолье колосьев.

ПРОМЕТЕЙ

У богов среди бела дня
я, мужчина, не крал огня.

И за кражу, когтист и зол,
печень мне не клевал орел.

Захватив над природой власть,
я огня и не думал красть.

Просто молния, как стрела,
в дуб иссохший, дымясь, вошла.

И чтоб в стуже согреть меня,
мать взяла черенок огня,

посадила его в золе,
и костром он пророс во мгле.

Жизнь дыханием дав ему,
пела мать про тепло в дому,

про любовь, что на целый свет
излучает добро и свет,

и следила, чтоб не зачах
одинокий ее очаг. . .

В мире истина есть одна:
Прометей не он, а — она.

МАЯКОВСКИЙ, КАКИМ ЕГО ПОМНЮ

1

Я знал его. Живого! Не того,
Кто в бронзе над толпой автомобилей
Обрел во «многопудье» торжество.
А эту площадь мы переходили,
Бредя Москвою, спорили, шутили.

Дыханья не перевода с утра,
Он жил: строк сварка, рифм сцепленье.
Неразлучимы труд и вдохновенье.
И об руку с поэзией — игра!

Не Гулливер, но все же выше всех.
В плечах воистину косяк сажень.
И двухаршинный шаг. Смотрел я вверх,
Когда с ним рядом шел. И помню смех,
И помню бас, что был тупицам страшен.

Брал за сердце, лавиной грохотал,
Аудиторий стены раздвигал
Горлан поэт, шагавший «левой» с нами.

Но дома, снизив голоса накал,
Умел он говорить полутонами.
Не сам ли думал о полутонах,
Когда писал он «Облако в штанах»?
И все же был он подлинным мужчиной
И рыцарем. Не разгадать причины
И самым близким людям — почему
Была любовь недоброю к нему...

На выступленье «Двадцать лет работы»
Не много литераторов пришло.
Была зима. На улице мело...

* * *

Мы — в «Комсомольской правде»
тех времен...

Пришел в Черкасский переулок он,
Сосредоточенный и угловатый,
Почувствовав, что враг еще силен.
Кто этот враг? Не только бюрократы,
Что, в импозантных креслах развалясь,
Дабы прикрыть свой карьеризм и грязь,
Надели френч, как рыцарские латы!

Он рылся в «письмах с мест» и находил
Весть от селькора в каплях крови
алой —

Следы обреза и кулацких вил;
Он от рабкоров принимал сигналы
И вчитывался в строки на клочке
Бумаги в саже и в машинном масле;
Не думал он — на вечность ли, на час ли
Свой фельетон напишет...

В «Литстралицу»

Заглядывая, Уткину и мне
Наказывал он, глядя строго в лица, —
Не реять в поднебесной вышине
Академической важной птицей:
— Поэзия — не соловьиный сад.
Сейчас не до лирических рулад,
Дай срок — мы к лирике вернемся
«чистой». —

Он не бряцал на лире — бил в набат
Но долгу сердца, долгу коммуниста.

2

И дома вновь скептическое: — Что ты?
Пойдешь? — Пойду, конечно... —
Что влекло

На выставку, на вечер? Право, я
Поэту не был другом закадычным,
Домашним собеседником привычным.
И путь его и колея моя
Проложены почти одновременно,
Шли рядом, а сомкнуться не смогли.
Но был он ведь поэтом всей Земли,
И если должником, то у вселенной!
Ездой в Незнаемое столько веж
Расставил он, Грядущего глашатай.
(Да, на голову был он выше всех!)
В искусстве слова столько непочатой
Он поднял целины своим стихом!
Я так сказать могу еще о ком?

В костюме модном, скроенном
в Париже,
(И галстук в тон), и в ладных
башмаках

Владимир Маяковский был мне ближе
Иных божков-дружков... В его руках
Поэта, не гнушавшегося швабры,
Чтобы конюшни Авгия скрести,
Перо работало во славу храбрых, —
Да быть Отчизне в здравье и в чести!
И радостно, и больно мне от чести,
В тот вечер выпавшей: я с Маяковским
вместе
Прошел вдоль экспонатов — с ним,
двоим.
Не хвастаюсь — все только по причине,
Что люди, бывшие в высоком чине,
Забыли в тот великий день о нем.

3

В последний раз я повстречался с ним
В печальный день — в почетном карауле.
Как странно — Маяковский недвижим!
И сердце, остановленное пулей,
И пальцы скрючены — не взять пера,
И губы не раскроются для слова.
Его, его — такого молодого! —
Не увлечет ни дело, ни игра.
Запомни губы, сжатые навеки,

И эти опустившиеся веки,
Надбровья эти выпуклые, лоб.
И вот — последний путь, выносят гроб.
Он слишком для кого-то был велик.
Бодали те его с упорством бычьим.
Так пусть сегодня он подавит их
Своим посмертным бронзовым величием.

КОЧЕВЬЯ

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника *И. Игина.*

Бесконечные дали
Каждым летом зовут.
Голос предков едва ли
Проявляется тут.

Просто травы, деревья,
Белый свет, зелена
На просторы кочевья
Соблазняют меня.

В добрый вечер со светлой
Я прощаюсь Москвой,
Чтоб сменить быт оседлый
На быт кочевой.

Чтоб бродить по дорогам,
По лесам, по горам,
Словно в древнем далеком —
Нынче здесь, завтра там.

А живу я в двадцатом.
На помине легки
Кибернетика, атом,
Полупроводники.

Велики достижения,
Всякий транспорт знаком,
Все же способ движенья
Мой любимый — пешком!

По дорогам брожу я
В незнакомом краю
И Отчизну большую
Постигаю свою.

Восхищаюсь, волнуясь
И шагаю вперед,
И прошедшая юность
Мне навстречу идет.

ЗАСЛУГА КОМПОЗИТОРА

Был с музыкой опубликован текст,
И подхватил его один оркестр,
Потом другой, потом еще, еще...
Ведь музыка звучала хорошо!..
Глядишь — весь город песенку поет.
И возгордился жалкий виршеплет,
Хвалиться стал: — Имею я права

На звание народного поэта.
Народ поет меня, мои слова,
Мне премия положена за это!..

Не в меру автор текста был кичлив:
Народу полюбился лишь мотив.

ТОВАРИЩАМ ПАРОДИРУЕМЫМ

Старался следовать природе я
Не как обидчик и задира.
Не обижайтесь, что пародия —
Не дифирамбы, а сатира!

ПАРОДИЯ НА МИХАИЛА ЛЬВОВА

СТАНУ Я ПЯТИЭТАЖНЫМ

Майский день.
Двадцатый век.
Вот он с гордостью в очах,
«Двухэтажный» человек —
Дочь несет он на плечах!

М. Львов

Майский день. Двадцатый век.
С умилением в очах
Двухэтажный человек —
Дочь несу я на плечах!

И, гоня сомненья прочь,
Противостою врагу.
Коль у дочки будет дочь,
Трехэтажным стать смогу!

А у внучки будет внучка —
Это будет самым важным, —

Стану я главней и лучше:
Стану я пятиэтажным!

Стукнет мне сто сорок лет —
Появлюсь с ней на параде.
Люди спросят: — Что за дед? —
Я отвечу: — Я поэт
И не дед, а прапрапрадед!

Стихнет улицы движенье,
Прекратят машины бег —
Вам почет и уваженье,
Пятиэтажный человек!

ПАРОДИЯ НА АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

РАЗГОВОР С МОНАХОМ

Тебе б не четки
И не клубук —
Тебе б четкой
Дробить каблук!

А. Вознесенский

Я построил Троице-Сергиевскую лавру,
Мечети Герата и храмы Гавра.
А ты, молодой и красивый в рясе,
Дерзать и творить не желаешь разве?

Тебе б отбивать
ногами четку,
Тебе б целовать
губами девчонку,

Тебе бы руками
 вертеть баранку,
Тебе б над лугами
 лететь спозаранку! . .
Ты мог бы в восторге
Парить по параболам,
Ты мог бы на стройке
Работать прорабом! . .
Ты мог бы, смиренный и скромный инок,

Коснуться глазами всех книжных
 новинок,
Вдохнуть все горячее и летучее,
Ты мог бы поэтом стать в крайнем
 случае! . .
Тогда бы свое ты прославил имя,
Тогда б ты забыл монастырские стены! . .
Монах посмотрел и сказал: — Вестимо,
Зело борзо и зело отменно!

ГРАЧ

По борозде шагает грач
за трактором весь день.
И прыгает за ним, как мяч,
не отставая, тень.

Грача грачиха дома ждет
и четверо грачат.

Он червяков им наберет
и вновь летит назад.

— Ох, много, — молвит, — много дел! —
И тень несется вскачь.
Не от работы почернел,
а от заботы грач.

СЫНУ

Я был тише, пожалуй,
Ты — смелее, горластей...
От меня убежало
Неспокойное счастье.

Ты, наверно, догонишь,
Доглядишь и дослышишь.
Подрастай, мой детеныш,
Голубеныш мой, выше!

Залезай мне на плечи,
Подымайся, Серега, —
Вся семья человечья
Станет выше немного.

Помню голос суровый,
Шрам от сабли,
морщины...

Многим
плечи отцовы
Были первой вершиной...

Чахнет дождик осенний,
Склизки стали ступени...
Ты — мое восхождение.
Ты — мое продолженье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернуться, вернуться —
В апрель окунуться,
В пернатое детство
Прийти.
Вернуться —
Как будто проснуться
И вновь очутиться в пути.
Здесь столько когда-то открыто,
Здесь столько когда-то забыто...
Жила она в доме на Красной,
Сияющей и распрекрасной,
Мечтательной и неземной,
Как будто с планеты иной.
Свой искренний стих неуклюжий
Впервые я ей посвятил,
Не помню, но что-то, немея,
Я ей о весне говорил
И птицей над нею парил,
Ботинками бухаясь в лужи.
Влюбленные в дали,
Мы много ходили,
Мы много видали
И многое нашей отчизне отдали.
Вернуться, вернуться —

В апрель окунуться
В пернатое детство
Прийти.
Вернуться —
Как будто проснуться
И вновь очутиться в пути.
Любимая, прежняя, где ты?
Другие ребята,
Другие поэты,
Словно пилоты,
Уходят,
Уводят в ночные полеты,
Как реактивные самолеты,
Строку за строкой
Умелой рукой.
А я?
Я — такой же...
Ну, может, постарше,
А в чем-то моложе,
Такой же
Медлительный и неуклюжий,
Я крыльями в небе,
Ботинками в луже...

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

ВЕЧНЫЕ ЛЮДИ

Меня в Крыму судьба свела
С бойцами старого закала,
О ком я слышал без числа
И с кем встречался очень мало.
Годам немалым вопреки,
Они поют, танцуют даже,
Буденновцы, большевики
С пятидесятилетним стажем.
И мы, из нынешних ребят,
Со дня приезда в санаторий
Живем, поем со всеми в лад,
Играем в шахматы и спорим,
С друзьями Щорса в домино
Стучим, с оглядкой вначале,
И пьем подпольное вино,
Не разрешенное врачами.
Но есть для нас неловкий миг,
Рубеж, когда, куда ни денся,
Нельзя уйти от нас самих:
Мы только мальчики, младенцы.

На пляже, весел и здоров,
Увидишь вдруг на человеке
Следы этапных кандалов,
Не вытравимые навеки.
Услышишь вдруг, как инвалид
Года последние итожит,
А о работе говорит,
Что без нее дышать не может.
И, на минуту присмирив,
Стоишь, в руках сжимая шляпу...
С утра прибой рычит, как лев,
Тугие разминая лапы.
И я на берег выхожу,
Скользя и прыгая на грудах,
На скалы вечные гляжу
И думаю о вечных людях —
Кому и годы нипочем,
Кто с юных лет живет на свете,
Как эти глубины, — плечом
Проламывая встречный ветер.

БЛЮСТИТЕЛЬ ПОРЯДКА

В белом-белом кителе
с солнечными пуговицами,
в белой фуражке,
 в белых перчатках —
вы, наверно, видели? —
ходит вдоль улицы,
ходит вокруг площади,
 заглядывает на сквер
представитель власти,
 блюститель
 порядка —
милиционер.

И я по панели
иду належке.
Закуриваю «Дели»,
мну пачку в руке.
Не зная покоя
по-маяковски,
делаю кое-
какие
 наброски.
А пачку пустую —
раз! — на мостовую.
К околышу
 алому
белую перчатку
учтиво приставил
блюститель порядка:
— С виду вы культурны,
золото на папиресе.
Видите — урны!
Зачем же наземь бросили?
Поднимите пачку.
Разве так можно!

Улицу пачкать
нельзя,
 не положено.

Он идет по улице
в белом-белом кителе.
Солнечные пуговицы.
Вы, конечно, видели.
Заходит в «Гастроном»,
внимателен,
 пытлив:
не торгуют ли вином
и водкой вразлив?
За что-то у киоска
смущенного подростка
отечески журит.
— Я больше не буду, —
подросток говорит.
В кино у кассы
народишу масса.
— Где же милиция?
Смотрите, что творится...
— Успокойтесь, граждане.
Я здесь,
 иду.
Не надо толпиться,
станьте по одному.
А вы, ребята,
за кем стоите?
Не нарушайте
 порядка,
очередь займите.

В эту сторону и в ту —
машин
 поток.

Вдруг подносит он ко рту
роговой

свисток.

Рассыпался горох!

Я и то чуть не оглох.

А шофер не услышал...

Прямо в стенке ГУМа,
как шкафчик, ниша.

В нише — телефон.

Взял трубку он,
отвернулся от шума:

— Это ты, Абросимов?

Задержи полуторку

22-08.

Тормоза

шалают. —

И в людскую сутолоку
снова бросил взгляд.

Направился на сквер
мой милиционер.

А тут

клумбы цветут.

Детишки прыгают.

Люди на скамейках.

Кто увлекся книгою,
кто наводит «лейку».

Подтянул перчатки,
поправил планшет.

Все в порядке,
нарушителей нет!

Встретил у фонтана
другка-ветерана,

в точности такого,
как сам,

постового.

Переговорили

они,

перекурили...

Со мной

не возиться им,
не спорить,

не ругаться,
не таскать

по милициям,
не вручать квитанций.

Не сорю,

не плюю,
водкой

не пахну.

Я порядок

люблю,

как чистую рубашу.

В телефонной будке

больше трех минут

не держу я трубки,

если люди ждут.

Скажем,

я

в метро иду —

Госбюджет

не подведу:

леденцами монет

угощаю

автоматы,

всегда

беру билет,

не езжу

без платы.

Опускаюсь

степенно

на эскалаторе,

по правилам,

не сажусь

на ступени,

стою

справа,

ни тростей,

ни зонтов

не сую

в щели...

Я решительно за то,

чтобы все умели

быть в почете и чести.

Белые кители,

солнечные пуговицы!..

Вы, наверно, видели,

как пошли со сквера

вдоль по улице

два

милиционера?

ЗАТЕМ!..

Мир прекрасен. О чем тут спор!
Зелен, звонок, жарок, богат.
Только труден с ним разговор
И не всё только в масть да в лад,

И не мускул, а душу рвешь,
И притом не свою одну,
Чтобы вырастить в поле рожь,
Чтоб ракетой достать Луну,

Чтобы к женщине той, своей,
Стать в любви, что ближе родства,
Чтоб на детских руках ветвей
Возносилась до звезд листва.

Мир прекрасен — о чем и речь! —
В летней сини и в стыни зим,

Только надобно сердце жечь,
Чтобы в нем восходить и с ним,

И работа — хоть мышцы рвись!
И душа без гнилых заплат,
И объемлющий ширь и высь
И не в шорах пристрастий взгляд.

Да зачем и жизнь не сполна,
С жалким грузом обид и ссор?
Не затем и дана она,
Чтоб, как воблу, пускать в засол,

А затем, чтоб желать и брать
Все — от женских ласк до светил,
Чтобы строить и воевать
До конца своих лет и сил!

Игорь ГРУДЕВ

* * *

Сторицей платит
 за труды
Плотина
 над рекой моей:
В горсть схватит
 серебро воды,
А сыплет —
 золото огней.

СВАДЬБА

Посуду нам дарили
из тонкого стекла
и много говорили,
что нас судьба свела,
что жить совсем не просто,
чтоб я любил семью...
И предлагали тосты
за спутницу мою.
И вдруг мой тесть заплакал
(с чего это — спроси):
— Не пропивай зарплату,
домой ее носи.
Не собирай компаний,
умей деньги беречь... —
Шутили гости: — Саня,
к чему такая речь? .. —

А тесть не унимался:
— Я их добру учу,
я сам без денег маялся,
а дочке — не хочу...
Запомни это, Юрка! —
Он встал из-за стола,
и зацепилась рюмка
из тонкого стекла,
рассыпалась на части —
в такое торжество!
Кричали гости: — К счастью! —
...А нам — искать его.
А нам всего по двадцать,
нам по-иному жить:
нам всей земли богатство
уже принадлежит.

Помню, ночью мы двинулись в бой.
Был отчаянный бой,
Я собой заслонил лейтенанта —
Просто с ним обменялся судьбой,
Как велели мне долг и команда.

Шесть осколков вонзились в меня,
Искусали меня,
Из огня я калекою вышел.
После этого страшного дня
Ничего об Анри я не слышал.

На конгресс профсоюзов в Марсель
Я приехал в Марсель
Как земель золотых представитель.

Выйдя в уличную карусель,
Лейтенанта Анри я увидел.

Нес Анри на плече малыша,
Своего малыша,
Не спеша, как папаше прилично.
Я стоял перед ним не дыша,
Но глаза он отвел безразлично.

Сын скулил, а папаша, любя,
Гладил сына, любя,
Теребя его русые пряди:
— Будешь плакать — отдам я тебя
На съедение черному дяде.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНЬЕ

Не ходи, не ходи по ночной Касабланке!
Эти белые камни таят
В тайне ровных квадратов,
Как в жесткой облатке,
Для тебя приготовленный яд.

Если ты из Парижа,
Смотри же, смотри же,
Не блеснул бы кинжал за спиной.
Пусть не знают здесь, кто ты, —
Эти старые счеты
Не с тобой, а с твоею страной.

Если ты из Мадрида,
Хотя бы для вида
Мавританскую феску надень.
До сих пор не забыта,
Может вспыхнуть обида,
И не встретишь ты завтрашний день.

Коль послал тебя Лондон,
Ты бы лучше не шлёндал
По приморским проулкам кривым.
За грехи твоих предков
Отвечают нередко.
Не уйдешь от кастета живым.

Все равно, ты из Мюнхена иль
Амстердама,
Берегись, европеец!
Учти

То, что эта земля слишком долго
страдала,
Чтобы дать тебе ночью уйти.

Спят и волны и звезды, но камни
проснулись.
Непокорная эта страна
Зачеркнула французские прозвища
улиц,
Им арабские дав имена.

А под вязью шрифтов — боевые
плакаты,
Где рифмуется «мир» и «Алжир».
А шаги, как сахарского взрыва
раскаты,
Обличают пришельца во лжи.

Только черных ресниц беспощадные
иглы
Мечут ненависть из-под чадры.
Ты заблудишься здесь — и возмездье
настигло,
Ночь темна, стилеты остры.

И свобода и время загладят обиды,
Здесь забудут, кто был господин.
Но пока не ходи, не ходи, не ходи ты
По ночной Касабланке один!

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

По углам
Блистают экспонаты,
Убранные
В бархат и броню.
Дремлет
Оружейная палата,
Рыцари
В венецианских латах,
Так сказать,
Ржавеют на корню.

Спят знамена
С песенной славой
И ключи
От многих городов.
Пушки, что гремели
Под Полтавой, —
Нынче им положено
По праву
Отдохнуть
От праведных трудов.
...По углам

Блистают экспонаты,
Подходи, гляди
Во все глаза!
Школьники,
Студенты и солдаты
Голосами
Наполняют зал.
Дни летят,
Бессонны и крылаты,
Горизонт

Весною раскален.
Мы недаром
Покорили атом,
Чтоб в войне
Он не был
Применен!

Дремлет
Оружейная палата,
Давний дым
Немеркнущих времен.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В краю
Заснеженных стволов,
Где бродит ветер чащею,

Я встретил
Первую любовь,
Большую, настоящую.
И вот храню я голоса
Весенних птиц
Над озером,

И васильковые глаза,
И клен,
Одетый росами.

Храню
Осенний звон берез,
Тропиночку лесную.
И всю тебя —
От первых слез
До первых поцелуев.

ПУСТЬ!

Пусть я рыжий, пускай я сивый, —
Не грози мне, судьба, бедой.
Наплевать, что я некрасивый,
Ненарядный, немолодой.

С удовольствием в дождь и ветер
Я встречаю свою зарю.
Хорошо, говорю, на свете,
Замечательно, говорю.

Хмурый сердится, как ведется:
Слишком весел, мол, борода!

А мне что же: душа смеется,
И взгрустнется коль — не беда.

Руки, ноги, глаза имею.
Человек я. Ни тяп да ляп.
Делать дело свое умею,
Да и песенку спеть не слаб.

Ничего, что лицо не ало,
Было чем бы лишь дорожить.
А коль так-то, дай бог, пожалуй,
И еще сто годов прожить.

Юлия ДРУНИНА

* * *

Пусть много дружб хороших в жизни
было —

Но для меня всех ближе та братва,
Что даже полк уже считала тылом
И презирала громкие слова.
Нет, это ложь, что если грянут пушки,
То музы, испугавшись, замолчат.
Но не к лицу солдату побрякушки,

«Шикарным» ритмам не купить солдат.
Их модной рифмой не возьмешь
за сердце.

Что им до виртуозной чепухи?
Коль ты поэт, такие дай стихи,
Чтоб ими, словно у костра, согреться.
А для того, чтобы других согреть,
Необходимо самому гореть.

ТАНКИ В ПУСТЫНЕ

Наши танки ночуют
Там, где тропы варанов,
Где под ветром кочуют
Караваны барханов,
Где небесною тропкой,
Обещая туманы,
Путешествуют робко
Облаков караваны,
Где, огни забирая
Из вселенских предместий,

Протянулись без края
Караваны созвездий...
Но барханы отпрянут
От шеренги железной,
Облака поотстанут
И созвездья исчезнут,
Лишь путем многоверстным
Мчатся, выровняв фланги,
Караваны упорства —
Раскаленные танки.

ФОТОАППАРАТ „ЗОРКИЙ“

Я знаю: жизнь ко мне добра.
И зла. Но зла не помню.
Я встану в семь часов утра,
Запас надежд пополню.

Уже я вижу поутру:
Днем будет дождь и ветер.
Я тряпочкой глазок протру,
Мой глаз предметный третий.

На ремешке через плечо
Ношу повсюду «Зоркий».

Меня на площади влечет,
Не тянет на задворки.

Воздушный шарик в облаках,
Цветы, пока не сникли,
Смех с ямочками на щеках...
Нужны мне эти снимки

Не просто так. В такие дни,
Как бурный, черный этот,
Я вспоминаю, что они —
Запасы света.

Евгений ЕВТУШЕНКО

СПУТНИК В ДЖУНГЛЯХ

Мы подарили
спутника модель
вождю деревни маленькой —
Виннела.
Затихла танца пестрая метель.
Модель в руках вождя
чуть-чуть звенела.
И «Широка страна моя родная...»,
неизъяснимо добро и светло
людей,
дома и джунгли осеняя,
над слушающей Африкой текло.
Вождь был в венке старинном золотом
на голове коричневой чугунной.
О чем он думал?
Может быть, о том,
что устарел он,
а венок —
к чему он!
Тогда он спутник сыну отдал бережно,
курчавому мальчишке лет пяти,
а сам пошел один песчаным берегом,
не разрешая близким с ним идти.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

И под луной,
оранжевой как манго,
весь —
к таинствам возвышенным порыв,
глядел на спутник
африканец маленький,
кофейные глазенышки раскрыв.
Вождь шел один
и растворился смутно,
в века невозвратно уходя,
и тонко пел
над Африкою
спутник
в руках у сына старого вождя...

ЦЕПИ

Вот что я видел в ганском селе,
рассказывать долго не стану я.
Грудой лежали они на земле,
цепи невольничьи старые.
Цепи лежали у древней реки,

у целомудренной шири.
Все —
молодые и старики —
их переплавить решили.
Не то чтобы здесь не хватало руды —

это скорее для символа!
И барабаны,
 всем этим горды,
дробь у реки
 так и сыпали!
Смерть вам,
 заржавленные кандалы!
Пробил час долгожданный.
Пусть из вас будут
 мотыги,
 котлы,

а после —
 тракторы Ганы!
Африка,
 воздух свободы вобрав,
себя барабанами будит.
Старые цепи идут в переплав,
новых цепей
 не будет!

Гана

ДЕРЕВЬЯ

Гале

Ботинки по-свинцовому грузны,
На тротуарах снег вконец затоптан.
И, разбухая, бревна у заборов,
Как боровы, валяются в грязи.

Но, гордо и возвышенно довлея
Над обнаглевшей грязью мостовых,
Стоят в снегу девическом деревья,
И грязь сама боится тронуть их.

Да, снег был прав, он не напрасно
 падал!

Они над этой грязью всем видны.
И ветви их, пушистые, как панты,
До звездной синевы вознесены.

Они собой весь город освещают,
Как будто грязи сдавшийся уже,

И дымчатостью линий сообщают
Младенческую дымчатость душе.

Вокруг все грязью отягощено:
Колеса, боты, даже настроенья.
А им как будто это все равно.
Они — из чистоты самой строенья.

У снега вроде тоже тяжесть есть,
Но в них такая молодость и легкость!
И легкость их — не хрупкость
 и не ломкость,

А мужество спокойное и честь.

Отягощенность светлая не давит —
Она живыми делает живых.
Она одна-единственная дарит
Возвышенность над грязью мостовых.

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Этот день мы славою оденем,
Радостью могучей обовьем.
Мы ему обязаны рождением
Всех побед
В родном краю своем.

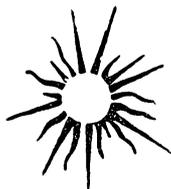
Не весна ли вестницею стала
Ослепительных октябрьских гроз?
Родине
Бессмертное начало
Молодой апрельский день принес.

Не его ли самым первым часом
Был тот час, что, землю награда,
Озарил затем победу к л а с с а

Именем
И знаменем вождя!..

Эту мысль веками не измерить,
Эту жизнь не уложить в года.
Нашим кровным
Ленинским бессмертьем
На земле цветут сады труда.

День весенний
Радугой оденем,
Соловьиной песней обовьем...
Мы ему обязаны рождением
Всех надежд,
Которыми живем.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

ДЕВОЧКА

Едет женщина с девочкой,
С Танечкой-лапушкой,
От бабушки с дедушкой
К дедушке с бабушкой.
Я сочувственно охаю:
— Трудно в поезде с крохою! —
Только мать удивляется
Так, что бровь округляется:
— Да единые суточки —
Разве долго для Танечки?
Вот я выну из сумочки
Сахарок и стаканчики.
Вы попробуйте — ряженка,
Повкусней простокваши.
Ну какая вам разница —
Пить свое или наше?
Завтра выглянет солнышко
Рано-ранехонько.
Засыпай, моя донюшка,
Засыпай, моя крохонька.
 Как над речкою тихою,
 Баю-баю,

Аист жил с аистихою,
Баю-баю... —
После сказки про аиста,
Убирая стаканчики:
— Не дадите ли адреса
Нашей маленькой Танечке?
Может, вырастет деточка
И в столице поучится.
Может, знатная девушка
Из Танюши получится
И пошлют на экскурсию
Танечку-вишенку
За работу искусную,
За пенье, за вышивку.
Мамку с хутора выманит —
И приедем к вам с Танею.
Не узнаете вы меня,
Старую, старую... —
Шутит шутками горькими,
А уж смех наготове,
И арбузными корками
Вот-вот выгнутся брови.

ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

Ворота
 вам
 вымазывали дегтем,
Анафему
 кричали вам попы, —
Вы отступали,
 защищаясь локтем

От яростно гогочущей толпы.
Летели комья грязи
 вам вдогонку,
Вы были хуже всех,
 чернее всех.
Вам сватали дрянного мужичонку, —

Он куплен был,
 чтобы прикрыть ваш грех...
Но, притерпевшись к дикости расплаты,
Вы вспоминали в темени ночной
Любимого,
 забритого в солдаты...
Погибшего...
 Ушедшего к другой...
Вставал отец, разгневанный и босый,
И, полоснув вожжою по лицу,
Волок вас
 за распущенные косы

К навеки ненавистному венцу.
Сухие пальцы сдавливали горло:
— Гулящая! Заставлю! Проклянута! —
Устало, нераскаянно и гордо
Вы плакали в безвыходном плену.
Но, прбклятые свахами и богом,
Вы все равно останетесь в веках,
Прекрасные
 в своем величье строгом,
Безгрешные —
 с ребенком на руках.

Василий ЖУРАВЛЕВ

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

Вслед за зимою дельною
апрель в начале повести
морзянкою капельною
выстукивает новости:

«Свет вспыхнул
электрический
там, где Памир снижается».

«Уже корабль магический
к Венере приближается...»

В часы зимы свержения,
все рассчитав заранее,
так хочется в свершения
преобразить желанья.

Не потому ль все гуще мы
под облаками грузными
даем полям могущество
морями кукурузными?

О САДАХ

Не найти
ни яблони, ни вишни
ни в яру, ни около реки...
Дорогие, как же это вышло,
земляки мои, трудовики?

Как же
вдруг пришли такие были

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

Не потому ль в неближние
спешат в края долинные,
как молодость, подвижные
романтики целинные!..

Кипенье настоящее
повсюду разгорается.

И солнце работающее
особенно старается,
вступив в соревнование
с девушками да с парнями.

Идет весна дерзания
навстречу съезду Партии.

на полузаглохшие пруды,
чтоб в краю садов
вдруг позабыли
про свои тамбовские сады?

Для того ль
настойчиво узорил
предок наш

луга за кругом круг?
Для того ль анисовые зори
восходили прямо из яруг?

Для того ль
антоновки под вечер,
выражая жизни полноту,
словно электрические свечи,
разливали свет и теплоту?

Для того ль
Мичурину
усталость

не давала роздыха в пути,
чтобы ныне
вдруг такое случилось:
яблока в Тамбове не найти?!

Не найти
ни яблока, ни вишни,
здравым рассуждениям
вопреки...
Дорогие, как же это вышло?
Земляки мои вы, земляки!

В МОЕМ КОЛХОЗЕ

Как в моем колхозе
под Тамбовом
величаво,
в сарафане новом,
подобравши прядей серебро
под косынку
цвета барбариса,
поутру проходит
Василиса —
секретарь
партийного бюро.

А за нею
В Солнечную балку
жирные,
с ленцою,
вперевалку,
белые, как белые снега,
утицы выходят на луга...

Ой, не потому ль
со всей округи —
от Воронежа и от Калуги
до Тамбова —
ото всех сторон
слава подступает
к Василисе!..
И бывает,
по десятку писем

ей приносит за день
почтальон.

Птицеводы
даже из столицы
просят
достижением поделиться,
практике колхозной
научить...
А порою

ухажер дотошный
намекает
строчкой осторожной:
«Карточку нельзя ли
получить?..»

И она под вечер,
после чая,
на запросы
с толком отвечая,
пишет о своем...
И, наконец,
сообщает с грустью
по секрету:
«Фотографий,
к сожаленью, нету...
Мне шестой десяток,
молодец».

Анатолий ЗАЯЦ

ПРАЗДНИК

Загорланит лес грациным хором —
Тишина уходит ввысь, дрожа.
Будят нас бессонные шоферы
Трелями сирен у гаража.

Вздогнут хаты, эхо повторяя,
А у складов, рослы и ловки,
Грузят парни, мышцами играя,
Четырехпудовые мешки.

После дней бессолнечных и грязных
Он пришел, блистая новизной,
Многоцветный, радостный как праздник,
Первый день весенней посевной.

И ударил
Древней, неумемой,
Дикой волей солнца и воды
Прямо в лица запах черноземный,
Белый дым духмяной борозды.

Запеваю голосом высоким, —
Да, я хмелен, что ни говори,
То ли от березового сока,
То ли от калиновой зари,
То ли от мелодий журавлиных,
Что текут над пашнями, звеня.

Ах, Галина, слышишь ты, Галина,
Не гляди так дерзко на меня!
Что же делать, если все не спето,
Если песни эти душу рвут?

Как нелепо:
День такой в газетах
«Посевной кампанией» зовут.
Я ему б нашел иное имя.
Из конца в конец страной идет
Этот день с глазами голубыми,
Этот день, что кормит целый год...

Вера ЗВЯГИНЦЕВА

НЕТ, НЕ ЗАМЕНИТ НИЧТО

Я в Ионическом море купалась,
Мрамор Акрополя трогала я,
В сердце зменным укусом осталось
Утро Стамбула — отрава моя.

На Арарат я глаза проглядела
И под Эльбрусом рвала барбарис,
Как на качелях, душа то и дело
Кверху взлетала и падала вниз...

Но почему-то мне снится и снится
Маленький, пыльный, глухой городок,
Снятся ночей воробьиных зарницы,
Мартовский тонкий, непрочный ледок,

Снятся ряды трехкоконных домишек,
Сизый дымок из соседней трубы,
В соснах на горке ватага мальчишек,
Шлепающих босиком по грибы,

Запахи сена и черного хлеба,
Невдалеке тарахтенье телег,
Зеленоватое, бледное небо
И у костра над речонкой ночлег,

Да в огороде у старого дома
Заросль гороха — ребяческий рай,
Все, что до боли сердечной знакомо, —
Весь мой простой, средневожжский
мой край.

Нет, не заменит ничто никогда мне
Первой любви моей к милой земле,
В юности канувшей, в юности давней,
Все еще тлеющей жаром в золе.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

СОЛДАТСКИЕ СТИХИ

Молодой поэт признался гордо:
— Я солдатских не люблю стихов. —
У меня перехватило горло,
Я наговорила резких слов,
Гневно разбранила эту фразу...
Кое в чем была и неправда, —
Никогда я не умела сразу

Подбирать разумные слова.
Слишком уж мне дороги иные
Именно солдатские стихи —
Горькие, правдивые, земные,
Без цветной мишурной шелухи.
Слишком тяжела мне молодая
Нелюбовь к суровой простоте.

СКАЗОЧНАЯ ЭРА

В раздумье над Москвой-рекою
По набережной я иду...
Хочу протянутой рукою
Достать с небес одну звезду...

Доверчиво к звезде на елке
Ручонкой тянется дитя,
Ее лучи стеклянно-колки,
Манят, обманчиво блестя...

Светла до белого накала,
Закутана в прозрачный газ,
Венера ярко засверкала,
Хотя закат и не угас.

К ней вестник наш междупланетный,
Как солнечный метеорит,
И телескопам незаметный,
Все ближе свой полет стремится.

Родной планете слово правды
Шлет старшая сестра — Земля,
Что прилетят к ней космонавты
Земного чудо-корабля.

А младшая сестра — Венера —
Шлет ярко весть Земле-сестре,
Что солнцем сказочная эра
Восходит в золотой заре.

ДЕВУШКА В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

В шапке беленькой, в шубке беличьей,
Она сразу в глаза бросается:
Так рассеянно и доверчиво
Пассажирам всем улыбается.

На колени какому-то дедушке
Она варежки положила,
И уже рассеянной девушке
Улыбаются пассажиры.

Она добрая и красивая,
Из-под шапочки волосы пышные.
Я не выдержал и спросил ее:
— Вы стихи, скажите, не пишете?

А она все так же приветливо,
Все какими-то мыслями занята,
Повернулась ко мне и ответила:
— Да, пишу,
а откуда вы знаете?

Вера ИНБЕР

РУКА ЛЕНИНА

В его тетрадах и блокнотах,
В заметках беглых от руки,
Мы о космических полетах
Не обнаружим ни строки.

Полеты в космос... До того ли!
И где бензин? И где металл?
Сто тысяч тракторов (всего лишь) —
Вот он о чем тогда мечтал.

Все меньше рационы хлеба,
Не дышит ни один завод.
Разруха. Тиф. Тут не до неба —
Земля, земля к себе зовет...

Но он сумел таким горючим
Снабдить Советскую страну,
Чтоб ей поднять в небесных кручах
Космическую целину.

Чтобы туда, за грань эфира,
Впервые нам направить путь,
Куда от сотворенья мира
Не удавалось заглянуть.

И вот теперь навеки Ленин
(Хоть необычен жест такой)
Войдет в сознание поколений
С протянутою ввысь рукой.

ВСТРЕЧА

Я вышел в дальнем городке,
Где нет перрона даже.
Под мышкой плащ, рюкзак в руке —
Вот вся моя поклажа.

Аукнув, поезд взял разбег,
И стало так угрюмо.
Сидел на корточках узбек,
Он торговал изюмом.

Я подошел к нему:
— Привет!

У вас трамвай тут ходит? —
А он ни слова мне в ответ,
Руками знай разводит.

И вдруг как будто из земли
Мальчонка вырос черный.

Лицо скуластое в пыли,
И очень уж проворный.

— Вам что? В гостиницу! Якши.
Идемте, это рядом. —
И улыбнулся от души,
Меня измерив взглядом.

Мы шли бок о бок не спеша.
Я слушал говор детский.
И я влюбился в малыша
И в городок узбекский.

Сады безудержно цвели.
Ни грохота, ни гуда.
И плыло облако вдали,
Точь-в-точь как горб верблюда.

ДАЛЬ

Над полями
В осенней сквозной позолоте
Катерина Вострова
Стоит на омете
И глядит далеко
За луга и затоны
Из-под низких бровей,
Из-под жесткой ладони.
Если по полю прямо
Пройти до заката,
По траве,
По жнивью,
Через горы Карпаты, —
Там река есть такая
Дунай,
У Дуная
Овдовела она,
Уроженка степная.
Много стаяло зим.
Много выцвело весен.
Вот и осень пришла,
Сорок первая осень,
Подпалила сады,
Подсинила долины...
На ветру на широком
Стоит Катерина,
И в глазах,
Если б кто
Заглянул под ресницы,
Синеватая грусть
Молчаливо таится.

Рядом девки поют
Про молодку-сосенку.
Ну и пусть, что поют.
Хорошо им, девчонкам!
Все они за подружку
Ее принимают:
— Тетя Катя, споем?—
И она подпеваает.
— Тетя Катя, пойми...—
И в смешном нетерпеньи
Все секреты свои
Отдают на хранение.
Отдают.
И совсем невдомек озорницам,
Что ей тоже,
Ей тоже ночами не спится.
Ночи длинные,
Вдовьи
Бессонные ночи.
Их одной не согреть
И не сделать короче.
Даже годы бессильны,
Бессильна усталость.
Ведь в душе
Еще много улыбки осталось
И тепла
Ясноглазого
Бабьего лета...
Но кому это нужно?
Не надо об этом.

КРЕМЛЬ

Когда-то, мальчиком, прильнув к отцу,
не раз входил я в гулкие ворота
и сразу становился тих и кроток:
я был с Величием лицом к лицу.
Святые стены русского Кремля,
его палаты, строгие соборы
к минувшей славе обращали взоры,
в глубинах вечных дум полудремля.
Пусть жизнь летела тройкой по стране,
здесь в каждом камне чувялось былое,
протекших лет и доброе и злое, —
народа путь.
И жутко было мне.

И вновь я через много лет в Кремле.
Его соборы и палаты те же,
но будто вихрь промчался чистый,
свежий,
морщины сгладив на его челе.
Все тот же он, как в прежние года, —
красив и стар.
Не мог же стать моложе,
но полон жизни он, как никогда,
до новой, до всесветной славы дожил,
и зорче ныне очи старика:
ему видны грядущие века.

Василий КАЗИН

НАШ ВЕК

Ну кто его крутого нрава
Не испытал уже из нас?
Да мне ль не доставалось, право,
И незаслуженно подчас?

Но будь он крут и в большей мере,
Но хоть и руку б мне отсек,
И то б не колебнулся в вере,
Что он — несущий счастье век.

Несущий с широты российской
Свет Октября — вперед, вперед,
Как из страны в страну несет
Бегун тот факел, факел тот,
Чьей пылкостью всей олимпийской
Чтим подвиг мы,
Геройства взлет.

ПАМЯТИ ДЯДИ

Сорок лет уже прошло без мала,
Как, себя же пьянками сгубя,
Умер ты, но, мученик подвала,
Дядя мой,
Я не забыл тебя.

Нет, не самых ты был честных правил,
Сам же хвастал во хмелю, что с рук
Не одну на рынке пару сплавил,
Пару утюгом прожженных брюк.

Ну, а все ж, поджуливавший брючник,
Я любил тебя, кто в лад со мной
Пел, как Ванька — ключник
и разлучник —
Князя разлучил с женой.

Пусть и зло нам, что во время оно
Князь казнил его, но пели всласть,
Да к тому, господ-то свергнув с трона,
Взяли Ваньки власть.

Засветил и твоему подвалу
Он, Октябрь. И, под его огнем
Как поэт рожден, спервоначалу
Спел я так о нем,

Что нарком учености серьезной
Похвалой почтил, позвав на бой —
Помнишь ли? — на бой религиозный,
Ну, куда мы двинулись с тобой.

Поп и сам нарком!
И кто на бой их
Не рвался? И до него за час
Мы — в Политехнический. Обоих
Пред трибуной посадили нас.

И на бой, а именно на диспут,
К нам, забывшим здесь и все углы,
С записями, вытащив их из-под,
Из-под широченнейшей полы,

Ведь сгнила же она, стерва рама!
Тыркался сменить ну тыщу раз.
Управдом же в шею гнал упрямо, —
Знать, на взятки, гад, горазд.

И ярился ты, оратор бражный,
Не одной рукою, а двумя
Вскидывал, с трибуны двухэтажной
Своего обидчика грома.

Просто страх нас брал, на это глядя:
Вдруг оступишься ногой,
Вдруг, грехом, сорвешься, дядя,
Насмерть разобьешься, дорогой.

Страх и управдому. Не пришлось бы,
Глядь, и самому тут влипнуть в грязь.
И, снижая злость свою до просьбы,
Сам вскричал:
— Да слазь ты, Семка, слазь!

Слазь, не безобразы! Да ладно,
Раму
Завтра заменю. —
И, дядька мой,

С крыши ты попятился, как в яму,
В свой подвал, домой.

Так-то вот и завладел ты рамой,
Пусть чудно, но вымучил ее.
Только, дядя, с этой рамой самой
Мы уж в прах смели жилье.

Ой, и заглянул бы к нам на стройку
И узнал бы, какова Москва, —
Посильней, чем у тебя в попойку,
Закружилась бы голова.

И порадовался б:
Как же стала
С Октябрем она, Москва, сильна,
Сколько вытянула из подвала
К солнышку она!

И коль был бы ныне жив ты, брючник,
И тебя бы, дядька мой,
И тебя б не обошла, родной,
Кто в подвале в лад со мной
Пел, как Ванька — ключник
и разлучник —
Князя разлучил с женой.

ФОТОГРАФУ

В толпу людей, в искусство вросших,
Пришел и ты на торжество,
Как опытнейший копировщик
Геройства века своего.

И кто ж указан из стоящих
Сверкать на снимке? Вон и он,
Действительно из настоящих,
Достойных времени имен.

А вон и тот, смотри, кто, живо
Улыбку бросив, в разговор

Свою особу всем на диво
Пред объективом подает.

Карьеры деятель отпетый,
Как руки, мысль держа по швам,
Но, возмнив себя ракетой,
Пошел он, юркий, по верхам.

И, диво этакое взлета
В объект почета обратив,
Ну, будет ли, искусник фото,
Твой объективен объектив?

Чтоб объектив был объективен,
При равнодушии его
Ты сам будь в поисках активен
Героя века своего.

И, может быть, тут, в зале, дико
Забившегося в задний ряд,
Не прогляди, не прогляди-ка,
Лови его в свой аппарат.

Лови, быть может, в нем
и странность —
Наплаканную за года
В лице туманность. Глянь туда:
Еще с неясностью следа,
Уже не века ль сквозь туманность
К нам пробивается звезда?

Михаил БАРУННЫЙ

В ПУРГУ

Пушай идти трудней стократно,
Когда пурга колотит в грудь,
Но с полдороги ты обратно
Смотри не вздумай повернуть.
И если кровь твою остудит
В ревущем бешенстве пурга
И уж тебе казаться будет,
Что жизнь твоя не дорога,
И если, кроме хлебной корки,
Процементированной льдом,
Лишь горсть истершейся махорки

В твоём заплечнике пустом,
И если, сломленный ветрами,
Ты упадешь зубами в снег...
Стань сам себя на миг упрямею,
Поверь, что жив ты, человек, —
И доползешь до чьей-то двери,
Сугроб последний разгребя...

Не выдашь страха перед зверем —
Зверь испугается тебя!

Дмитрий БЕДРИН

(1907 — 1945)

* * *

На кладбище возле домика
Весна уже наступила:
Разросшаяся черемуха,
Стрекающая крапива.

На плитах щербатых каменных
Влюбленные ночью синей

Опять воздвигают пламенный
Природы неугасимой.

Так трется между жерновами
Бессмертный помол столетий...
Наверное, скоро новые
В поселке заплачут дети.

1945

* * *

Был слеп Гомер, и глух Бетховен,
И Демосфен косноязык.
Но кто поднялся с ними вровень,
Кто к музам, как они, привык?
Так что ж педант, насупясь, пишет,
Что творчество лишь тем дано,

Кто зорко видит, остро слышит,
Умеет говорить красно?
Иль им, не озаренным духом,
Один закон всего знаком —
Творить со слишком тонким слухом
И слишком длинным языком?

1944

Дмитрий КЛИМОВ

ДАРЬИН ОВРАЖЕК

Никто не расскажет про бабушку
Дарью,
Чьим именем назван овражек глухой,
Где ива, накрывшись узорчатой шалью,
Стоит на поляне в соседстве с ольхой.

Под ивой глубокие, свежие норы,
Живет здесь спокойно и тихо лиса,
А ветви березы — зеленые хоры,
Там птенчики пробуют голоса.

Шумят над обрывом широкие вехи
Могучих столетних дубов,
А ниже — в гранках золотые орехи,
На солнышко щурясь, свисают
с кустов...

Брожу, наслаждаюсь лесистою
далью —
И чудится: вижу нарядной, живой
Веселую, добрую бабушку Дарью,
Чьим именем назван овражек глухой.

О ЛОПАТЕ

Немало лет живу на свете,
Люблю и труд и свой порог.
Моя лопата, ты — свидетель
Моих волнений и тревог.

К тебе, железная лопата,
С почтеньем отношусь всегда
За то, что ты была солдатку
Опорой в трудные года...

Стоят березки перед хатой,
Играя листьев серебром,

А я широкою лопатой
Копая землю за двором.

Жарю солнце пышет в спину.
В ладони плюну.

И опять
Из-под ноги уходит в глину
Она почти по рукоять.

Когда придет моя кончина,
О камни жесткие звеня,
Под той вон тихою рябиной
Землей покроешь ты меня!

Игорь КОБЗЕВ

В „ЗАПРЕТНОМ ГОРОДЕ“

Говорят, китайский император
Жив доньне и здоров притом.
Получает скромную зарплату
И живет, как все, своим трудом.

Где-то там, в системе горкомхоза,
Этот бывший «сын небес» Пу-И
Роет грядки и разводит розы,
Государственные, не свои.

А порой, любым доступный взорам,
Ставший человеком наконец,
Ходит он в былой «Запретный город» —
В бывший императорский дворец...

Погуляет в трояном павильоне,
Поглядит на вещи — и домой.
И не просит посидеть на троне,
Никаким бочком,
Ни боже мой!

Если б в раззолоченных палатах
Встреча нас случайная свела,
Я б сказал:
— Товарищ император,
Жизнь у вас неверная была!

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

Вам теперь, должно быть, очень стыдно,
Что людей тут гнали за версту,
Что вы жили замкнуто и скрытно,
Пряча от народа красоту.

Жаль мне тех, кто в жизни
не взглянули
На запретный царственный Гугун —
Весь из киновари, из глазури,
Сказочный, как птица Гамаюн.

Этого во сне-то не увидишь!
Это не реальнее мечты!
Это фантастичней града Китеж!
Как я жил без этой красоты?!

Это всё потомкам завещают!
Пусть живут не хуже, чем цари!
Здесь теперь гулять не запрещают.
Нравится? Ну что ж!
Ходи! Смотри!..

ЗОЛОТОЙ СОЛОВЕЙ

Выдумал сказку мечтатель Андерсен
О заводном золотом певце,
Жившем в стране с самым дальним
адресом —

В красном как кровь богдыханском
дворце...

Правда, он сам этой птахи чеканной
Слышать не мог, да и видеть не мог:
Конные стражники богдыхана
Вряд ли пустили б его на порог!

Вот ведь как щедро меня порадовала
Доля скитальческая моя:

Был я в Запретном дворце императора,
Видел заветного соловья!

Я эту сказку потрогал руками
И убедился на деле, ей-ей:
Пред настоящими соловьями
Слаб заводной, золотой соловей!

Нет в его песне такого узора!
Хоть и красиво, да голос не тот!

Нет в его песне такого простора,
Что, не спросившись, за сердце берет!

С детства мы все романтическим
взглядом
Ищем чудесного, а между тем
Сказка, соловушка, прячется рядом...
Жаль только: это понятно не всем...

КНР, Пекин

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Там, где северные морозы
до земли пригнули березу
и на тысячи верст в округе
только белая шкура вьогы,

где, рогами поддев сиянье,
мчат олени в молочной рани,
где вода питьевая из снега
и не слышно женского смеха

и куда, как с другой планеты,
месяцами летят приветы, —
там, в накале суровых буден,
служат редкой отваги люди.

Их сердца начеку без срока
в бесконечных живут тревогах —
ведь у них, молодых и сильных,
за плечами сама Россия:

с трудной славой отцов и братьев,
с верной силой рукопожатья,
с вечной горечьюobelisksов,
с постоянной земной пропиской.

И известно на всей планете,
что они за нее в ответе.
Я с людьми теми очень дружен,
я — товарищ их по оружию.

О ЗОРКОСТИ

— Куда ты сослепу?..

Да знают ли они,
Которым сразу видно —
Лишь взгляни?

Да знают ли они,
Как мать моя
Не глядя видит,
Что скрываю я?

И хоть не в силах
Различить лица —
На нем читает
Мысли до конца.

Читает, темная,
По чести честь —
Как, шибко грамотным,
Им не прочесть...

И сердце любящее —
Знать ли им! —
Бывает также
Не всегда слепым?..

Я убеждался в этом,
И не раз.
Как раз оно
Бывает зорче глаз.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

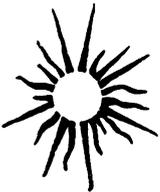
ПЕРВЫЕ — С НАМИ

В зал войдут делегаты
партии
горячего сердца
и честного разума,
чьим именем названа
совесть планеты-матери,
планеты,
пославшей в космос
первого сына —
русского коммуниста,
советского гражданина.

Если б участники первых съездов,
если б товарищи видели это!

Но разве пустует место,
разве их с нами нету?

Их было мало, первых.
Где был один —
там тысячи
теперь поднимают вверх
Союз Республик
Коммунистических.
Товарищей жизнь вторая
не в том,
что в граните высечены, —
коммунисты не умирают,
а становятся
тысячами,
миллионы идут по следам их
туда, где еще не достроено,
становятся
городами,
чертами облика Родины.

Борис КОВЫНЧЕВ

* * *

Есть на бульваре телефон,
Но только занят вечно.
Весну обслуживает он.
Любовь — всечеловечна.

Иду звонить, но вот те на —
Опять закрыта будка!
А за стеклом стоит «она»,
На сердце незабудка.

— Так ты придешь?
Когда придешь?
Скорей!

Я жду, любимый! —
Слагает оду молодежь
Любви неистребимой.

Мне в девять надо позвонить,
Но не стучу я в будку.
Живая связывает нить
«Его» и «незабудку».

Их разговор — струна в ладу.
Мелодии не трону.
И я, задумавшись, иду
К другому телефону.

И к превышенью скорости,
Летя на светофор,
Вновь проявляет склонности
Сознательный шофер.

Сообщено по радиации:
Жизнь трепетней свечи.
И срочно к операции
Готовятся врачи.

Беда.— еще не пагуба,
И если все учесть,
Хоть шаткая, как палуба,
Но все ж надежда есть.

Ведь, сами люди смертные,
От смерти сколько раз
Солдаты милосердные
Отстаивали нас.

КУКУШКА

Кукушка куковала за стеной.
Кукушка издевалась надо мной.
А нужно ли так много куковать
И птичьей ложью истину скрывать?
Врачи и те мне правду говорят,
А ты кукуешь сорок раз подряд:
«Ку-ку, ку-ку, — так сорок раз, —
ку-ку...» —
А боль не унимается в боку.

Раскрыл я ставни.
Захотелось мне
Увидеть лес в некрашеном окне
В закатном непогашенном огне,
Где, может, скачет, листьями шурша,

Лесная лгунья,
Добрая душа.

Но там, где свет закатный не потух,
Большим бичом размахивал пастух:
Как рыжую корову на стерне,
Он солнце бил
По огненной спине.
Он был веснушчат и широк в кости,
Не стукнуло ему и двадцати.
И понял я:
Кукушка в тишине
Пророчит долголетие
Не мне.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

(На Малаховом кургане)

Он вырвался из тьмы
В мерцанье неба,
Подчеркивая
Неба бесконечность.

И я подумал:
Он похож на сердце, —
Вот только сердце
Не пылает вечно.

Да, он похож на сердце,
Этот факел, —
На сердце не умершее,
Живое.

Как бьется оно,
В страсти разрываясь!
Вот искры
Над моею головою.

Могу ль поверить я,
Что здесь по трубкам
Мазут обычный
Двигается к форсунке?!

Нет, это кровь
Стремится по артериям.

Ведь сердце бьется годы,
А не сутки.

Я был здесь ночью,
Был в рожденье утра.
Здесь гасли звезды,
Снова возникали.

А он горел, —
Он, видно, вправду вечный, —
Весенними
Пронизан сквозняками.

И мне порой казалось,
Что не искры
И даже
Не родившиеся звезды,

А грозди
С детства близкой мне рябины
Над ним вскипали
Горячо и грозно.

Рябины нашей,
Трогательно грустной,
Рябины
Русской.

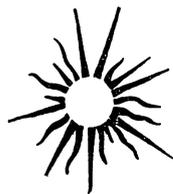
МАЙ

Удивленный лиственной красой,
жду
то солнца, то луны.
Губы, обновленные росой,
снова
пламенем полны!

Руки мускулисто веселы,
а язык
могуч и рьян!

Назначаю голубей в послы
в небеса
далеких стран.

Так я стану жизнью жизнь творить,
май
неистово любя!
О земля! Вели заговорить
мне от имени тебя.

МОЙ ДЕД

Говорят,
Мой дед Евграф
Был сиятельнейший
Граф.
Он на поле,
Он на луг —
Всюду с ним
Четверка слуг:
Две ноги
В густой пыли,
Две руки
Черней земли.
Не урядник,
Не купчиха,
Не банкиры на дому, —
Рожь густая и гречиха
В ноги кланялись
Ему.
Что заморские певицы!
Слава их — минутный дым.
Соловьи,
Дрозды,
Синицы
Выступали перед ним.
Богател он год от года —
В серебре вся борода.
И была сама природа
У него в долгу
Всегда.
Дед гулял и пил
С размахом.
Дармод —
Не подходи!

Домотканая рубаха
Разлеталась на груди.
Жаждой к грамоте влекомый,
Он добро
Лопатой греб...
Заслужил себе хоромы
За селом —
Тесовый гроб.
Перед смертью,
В воскресенье,
Дед на сход родню позвал
И при всех
Свои владенья
В руки сыну
Передал.
Вышел сын
В простой фуражке,
Не беда,
Что ростом мал.
Царь российский Николашка
Перед ним
Не устоял...
Говорят,
Мой дед Евграф
Был сиятельнейший
Граф.
Я народу верю очень,
Наш народ
Не скажет зря...
Все ж мне люб
Отец-рабочий,
Что рукой свалил
Царя.

НА ТРЕТЬЕЙ СКОРОСТИ

Звенят о камни скаты.
Шахтерские края.
А в кузове дощатом
Две докторши и я.

Свистят ветрѣ вдогонку.
Относят дым волос.
Всего-то две девчонки,
А песен — целый воз.

— Смелее жми, начальник! —
Грохочем по кривой.
Как палубу, качает
Под нами шар земной.

А докторши смеются.
Летят поля, леса,
И бьются, бьются, бьются
Юбочнок паруса.

Девчонки-недотроги
Прижать их не хотят:
— Пускай повыше ноги
На солнце загорят.

В глазах чертенюк синий,
Лукаво ходит бровь.
— А ну-ка, там, в кабине,
Включай на всю любовь!

А воздух пахнет летом.
От спелых трав дурман.
Зеленая планета
Гудит, как барабан.

Весь мир пронизан смехом.
Летим вперед, гремя.
Ах, мне бы ехать, ехать
Вот с этими двумя!

БАЛ ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ

Геологу Л. Макарухе

Пахнут улицей платица
 после стирки.
Оймяконский загар на коже...
Я своими глазами
 на Индигирке
Видел бал
 золотой молодежи.
Не такой молодежи,
 что папашиним именем
Прикрывает душонок убожие,
А такой,
 что простыми руками своими
Обуздать даже холод может.
Туфли,
 валенки,
 унты и бурки —
Вся вальсирует камералка.

С юкагиркой —
 вихрастый геолог Юрка,
А с эвенком —
 топограф Галка.
Про дунайские волны
 поет трехрядка.
Кто постарше
 вдоль стен расселись.
Они рядом
 в мокрых ютились палатках,
У костров у походных
 грелись.
Они вместе,
 бок о бок,
 в тайге непролазной
Били шурфы
 и брали вершины.

И остался
в лучистых якутских алмазах
Цвет их глаз,
по-весеннему синий.
Да,
здесь люди действительно
высшей пробы.

Пусть мороз
по живому бьет молотом.
При погоде такой
вымерзают микробы.
Остается —
лишь чистое золото.

КИНО НА ЦЕЛИНЕ

Большая вещь — кино на целине.
Представьте, что в поселок верст
за триста,
куда раз в год являются артисты,
привозят фильм о мире, о войне
и о любви.

Малюется афиша.
В окошке появляется кассирша.
Берут билеты. По два раза смотрят
и по домам полночною порой
расходятся.

А по дороге спорят,
кому какой понравился герой,

какие проповедаются нормы
морали.

Об особенностях формы
толкуют — интересны или нет.
Мелодию из фильма напевают,
а женщины платками вытирают
глаза, когда печален был сюжет.
Так смотрится кино на целине
в домах, в дворцах и в очагах
культуры.

«Киношники», прошу вас, верьте мне —
не допускайте брака и халтуры.

БАЛЛАДА О Я

Идет-поет большое Я,
Восторга не тая.
И вторят маленькие я:
— И я! И я! И я!

Вот слава об огромном Я
Летит во все края.
И взъелись маленькие я:
— А я? А я? А я?

Но лишь сдавила это Я
Стокользящая змея, —

Заныли маленькие я:
— Не я! Не я! Не я!

Но от змеи в объятьях Я
Осталась чешуя.
И кулачками машут я:
— Да я! А я! И я!

И вновь душа большого Я —
Стоцветных слов струя.
И яльчики кричат, снуя:
— И я! И я! И я!

ДИСКБОЛ

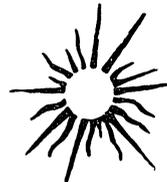
Столетия
к броску пружинному
Готовился дискбол.
И вырос
до звезд неожиданно
Мрамор его голубой.

Рывок
расчета законченного!
И в черный космос —
вглядись! —
Взлетел!
Над системой солнечной
Свистящий оплавленный диск.

СОЛНЦЕ

Не всегда я солнце замечаю.
Только чую,
 что оно взошло.
Я иду,
 пронизанный лучами,
впитывая доброе тепло.
Так же
 ощущаем Ильича мы.

Всюду,
 где светает
 и светло,
крепче бьемся,
 лечимся лучами,
впитывая доброе тепло.

Григорий ЛЕВИН

* * *

Хорошо, когда человек,
Уходя, оставляет песню.

Пусть негромкая, но своя —
Людам дарит он соловья.

Человек уже далеко,
А в том доме людям легко.

Даже если вокруг тишина,
Соловьиная песня слышна...

ПОЛЮС ХОЛОДА

Ветер хлещет со всех сторон,
Ну, а мы не бросаем дело.
Полюс холода — Оймякон
Ртутный столбик
Сжал до предела.

Высь и глубь промерзли насквозь,
Нам бы всем тепло —
До зарезу.

Водяная капля, как гвоздь,
Пробивает даже железо.

Эй, ребята, работа есть!
Наш рудник остывать не будет.
Полюс холода
Нынче, здесь,
Жаром сердца
Согревают люди!

* * *

Уехала девчонка,
Устала тосковать,
Ее звала в дорогу
Не золотая падь.

Ее в дорогу звали:
Сибирская заря,

Невспаханые дали,
Ледовые моря.

И нужно ей на свете
Любовь свою найти,
И говорит ей ветер:
«Счастливого пути!»

Анатолий ЛЕВУШКИН

РОССИЯ

За ясные зори, умытые росами,
за русое поле с колосьями рослыми,
за реки разливные в пламени синем
тебя по-славянски назвали Россией.
Россия...

Россия...

Раздолья... Равнины...

Березы босые. Седые осины.

Все дорого с детства,
все памятно с детства —

и все же не можешь никак наглядеться.
Седеют столетья...
Ты крепче, чем прежде, —
всем людям на свете
ты стала надеждой,
моря сотворила,
раздвинула горы,
пути проторила
к межзвездным просторам!

В БОЛЬШОМ КОЛЬЦЕ

Асфальт врывается в траву,
Лес как бы надвое распорот:
Стараясь повторить Москву,
В лесу внезапно вырос город.

В нем есть кино, универмаг
И стадион под синим сводом.
Еще не завелось бродяг:
Здесь житель кормится заводом.

А жители высоких крон
Поют, паря над лесопарком,
Что так волшеббно озарен
Промышленным свеченьем жарким.

Не зная о людских делах,
Листва полна иных мелодий,

Лишь объявленья на стволах
Читает в вольном переводе.

Ждет желтизна своей поры,
Играет в прятки с солнцем белка,
А за забором — маляры:
Идет покраска и побелка.

Две жизни трогаются в рост,
И в очереди у прилавка
Мне кажется: смеется дрозд,
Язвит снегирь, бормочет травка.

А там, в лесу, в кайме живой,
Трепещет день в конце аллеи,
И я беседую с листвою
О результатах Ассамблеи.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Когда деревья леденит мороз
И круг плывет, пылая над поляной,
Когда живое существо берез
Скрипит в своей темнице деревянной,

Когда на белом пористом снегу
Еще блее солнца отблеск ранний, —

Мне кажется, что наконец могу
Стереть не мною созданные грани,

Что я не вправе без толку тускнеть
И сердце хитрой слабостью калечить,
Что преступленье — одеревенеть,
Когда возможно все очеловечить.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

ПОЛЯРНЫМ ЛЕТЧИКАМ

Я славлю летчиков полярных,
Я знал их всех наперечет.
Они не в списках
Легендарных
Героев северных широт.

Но не найти меж ними трусов,
А только — истинных орлов:
Чернов,
Андреев,
Веребрюсов,
Никора,
Липп,
Мальков,
Козлов.

И сколько их в том длинном списке,
Погибших в тундре
И живых,
Их, не дрожавших перед риском,
Полярной стаи рядовых!

Ребята самой лучшей пробы,
Большой душевной чистоты
Влезали в кожаные робы,
В собачьи теплые унты,

Летели в дикую болтанку
К цинготным далям...
Расспроси
Игарку,
Диксон,
Волочанку,
Косистый,
Амдерму,
Тикси.
Теперь припомнит кто едва ли
И «МБР»,
И «Г-1»,
Которых в шутку называли
«Гробами» северных равнин.

Но в память об орлином братстве,
Наградою за дерзкий риск,
Летит сейчас
«ИЛ-18»
Прямым путем «Москва — Норильск».

В кабине — тишь, комфорт столичный,
Внизу — студеная земля...
И галстук свежий,
Как обычно,
На командире
Корабля.

* * *

Я люблю картину Ярошенко
«Всюду жизнь». Люблю ее давно.
Посмотрите: вот глядит с протенка
Мальчик сквозь тюремное окно.

Вспомнив на минуту,
Не забудьте,
Как мальчонка, улыбаясь нам,
Смотрит сквозь заржавленные прутья
И бросает крошки голубям.

А вокруг ребенка арестанты
С добрыми морщинками у глаз,
Жизнелюбы, мастера, таланты,
Чьи шедевры не дошли до нас.

Жизнь им застилала ясны очи,
Убивала — не могла убить,
А они ее любили. Очень!
Завещали нам ее любить.

Владимир ЛИФШИЦ

ПАРОДИЯ
НА ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА

(Из книги «Как съесть небо»)

ЛЮБЛЮ

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина..

Люблю растенья: пестики, тычинки,
пыльцу люблю, люблю стволы и ветви;
еще люблю животных травоядных,
а тех, что любят мясо, не люблю.
В младенчестве (люблю об этом
вспомнить)
я ловко забирался на деревья
и разорял там гнезда ястребов,
сворачивая шейки ястребят:
я не хотел, чтоб выросли они
и клювики окрепшие вонзили,
а также когти в полевых мышей.
Когда бы жил я в Африке Центральной,
я льявля ловил бы и тигрят игривых
и прекращал бы их существованье,

пока у них не выросли клыки.
Но стоп! Довольно! Эти рассужденья
нас заведут, читатель, далеко,
поскольку человеческие дети,
чуть подрастут, уж тоже точат зубки
на антрекоты и на шницеля...
Итак, люблю растенья и животных,
а также стих люблю продолговатый,
лишенный рифмы.
Пусть Уолт Уитмен
четырежды в гробу перевернется,
но я не откажусь от этой формы,
где можно рассуждать о том о сем,
и вновь о том, и, наконец, об этом!

ПАРОДИЯ НА ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА

МОИ ДРУЗЬЯ — ЗАГАДКА ДЛЯ МЕНЯ

Мои друзья — загадка для меня:
мы сверстники, погодки, — почему же
я лучше становлюсь день ото дня,
а вот друзья день ото дня все хуже?

Тот оплешивел, этот окривел,
тот с зонтиком, у этого калоши.
Собачки, дачки, карты — их удел.
Мои друзья — плохие.
Я — хороший.

**ПАРОДИЯ
НА ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА**

ШАМОВКА

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ НА
Я. СМЕЛЯКОВА

художника И. Игина.

В ресторанах родной земли
на втором году семилетки
вилки, ложки, судак-орли,
накрахмаленные салфетки.

Возражений особых нет,
судака я запью нарзаном.
Но шамовку минувших лет
забывать нипочем нельзя нам!

Мы садились за стол, черны,
и движением рук усталым

в рот пропихивали блины,
что припахивали металлом.

Нам заказывал бригадир —
вот о чем я сейчас толкую —
не какой-нибудь там пломбир,
не телятину никакую,

но в немыслимой той дали
представлялась нам почему-то
повкусней судака-орли
каша, рыжая от мазута.

Возьми меня, бей меня, режь меня, —
Только б не ехать.
— Ты едешь, куда?
— На Урал.
— Это место для ссыльных.

Взрыв жеребьячьего смеха
И выкрики: — Где она, где она?

Сказано — сделано!
Сбито, заметано!
Где она? Вот она!
Крала червонная,
Дама чарльстонная.

— Иди! —
А через ночь летят слова, по проводам
Грохочущие:
«Уралмаш. Турксиб. Магнитка.

Краммашстрой. . .»

— Тебе я жизнь веселую отдам.
Не уезжай. Глаза закрой.
Ты будешь мой. —
«...Челяба. Днепрогэс. Хибины.

Ростсельмаш. . .»

— Пусть патефоны грянут марш!
Здесь так темно
И так тепло.
Я не люблю, когда светло.
Безжалостная тебя тянет
Клетка.
А жизнь моя —
Как поезд под откос! . .
Все будет так:
Бетон,
Землянки и мороз.
Горячечные ночи.
Пятилетка.
Да, только так.
А иначе никак.
Вдруг обедневший,
Толпами шумящий
Город.
Приказ ЦК,
Что может сдвинуть
Горы.
Где метрдотель
Парил, как небожитель, —

Транзитников
Случайная обитель,
И вместо вывесок,
Где блески и узоры,
Железная тоска —
Распределитель.
Бетон, бетон.
И струйки кумача.
Где наша кровь
Сочилась,
Горяча.
Качаются крыши, деревья, заборы.
— Так скоро?
Постой, неужели так скоро?
— Да, милая, скоро!
— Всем телом зову тебя,
Телом зову и душою,
Урал — моя гибель,
Даю тебе слово большое.

Останься!
Здесь жаркие печи,
Дома-перестарки,
Желанные плечи.
И тайные речи
Петровского парка.
И жизнь на пределе
Закрытого малого мира,
В горячей постели,
В укрытой ветвями квартире.
И старая сила,
Что дедов твоих уносила,
Блаженная, жаркая,
В храмах воспетая
Сила,
Тебя вознесет
На измятых подушках
К бессонному сердцу любимой,
И станет вся жизнь,
Словно вера,
Неколебимой.
Душа твоя вспыхнет
От лучшего в мире
Подарка,
Когда ты увидишь
В крови, в позолоте
Все клены
Петровского парка. . . —

Вдруг глянула ты
Так горько
И кротко.

Опять простучала пролетка...

Из комнат лошадиников

Конское ржанье.

— Прощай!

— До свиданья.

— Прощай, я умру!

— До свиданья.
— Теперь я живу...
— До свиданья.
— До самого дальнего,
Дальнего в мире
Свиданья. Прощай!

— До свиданья!

1957, апрель

ИННОКЕНТИЙ ЛУГОВСКОЙ

СИНЯЯ ЧУШКА

Иркутский алюминиевый гигант
выдал этой весной первую плавку.

Новорожденная чушка
Лежит на моей руке...
И вспомнилась мне речушка,
Бегущая в тальнике.

Тихо звенящие сосны.
Посвист охотничьих пуль.
Бег молниеносный
Вспугнутых нами косуль.

Дорога. Рассказы дорожные
Совсем не седой старины,
Как хрюкали здесь таежные
Чушки и кабаны.

Все это было, было
Недавно, невдалеке...
И потому-то мне мило
Чушку держать в руке.

* * *

Друг мой, по этому поводу
Мне отступление позволь.
Льются по медному проводу
Тысячи тысяч вольт.

Двуногая мачта на плечи
В дорогу взяла провода.
Далече ли?
Очень далече!
Куда?
А пошлют куда!

Дело мое — не отлынивай:
Неси, согревай, свети.
Шагаю на Алюминиевый...
Чудесно! Нам по пути!

И вот мы идем неторопко,
Как ходят спокойные все:
Мачты — по снежным сопкам,
Я — по шоссе.

* * *

Так вот —
По лесному заречью,
В сиянии снежного дня,
Пришел я на вечную встречу
Родимой руды и огня.

И мастер по алюминию,
Совсем молодой новожил,
Чушку
Горячую, синюю
На руку мне положил.

Не ту, не из дикого стада,
Что роет саянский лес,
А ту, которую надо
Нам позарез:

Для городов,
Для колхозных
Необозримых полей
И прямо сказать — для звездных
Космических кораблей!

ИЗ ФУТБОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ

ПРОЗРЕНИЕ

Я ничего не мог припомнить,
не мог ни шагу изменить.
Я вижу —
 мяч ко мне приходит,
в нем что-то тоненько звенит.
Бежал и вел его в ворота,
а где ворота — не пойму.
Ищу друзей — не видно что-то,
все поле в солнечном дыму.
Вот покажи свое искусство,
когда уже грозит скандал.
То на краю щемяще пусто,
то полусредний пропадал.
Рывками сам иду к просвету,
вокруг защитники скользят.
Но вот мяча уже и нету —
опять назад,
опять назад.

Разбор игры казался адом,
и холодело все внутри.
— Мы выходили,
 были рядом... —
Смеялись зло: — Не мастера! —
Я понимал — друзей обидел.
Не знали, в чем моя беда.
Я просто ничего не видел
в азарте боя иногда.
Мяч упустил за боковую,
однажды на бегу взглянул
на стену шумную, живую,
на разноцветный дружный гул.
Заметились мгновенно сразу,
запечатлелись в тот же миг
ее глаза.

И как-то сразу
круг стадиона
 вдруг возник.

Все поле вижу — ближе, дальше,
выходит край на том краю,
ждет полусредний передачи,
я понял,
я передаю.
Мяч у меня опять в неволе,
даю и вновь готов к мячу.
«Я вижу поле!
Виджу поле!»
счастливый, про себя шепчу.

Года и годы пролетели,
идет крутой, плескучий вал.
Не раз потом на самом деле
я в жизни слеп и прозревал.
Еще возможно повторенье,
но только знаю навсегда:
оно придет — мое прозренье,
как памятное, в те года.
Не огорчайтесь, что обижу,
не радуйтесь, что не могу.
Я просто временно не вижу
в азарте боя, на бегу.
Не отчисляй меня, команда,
не торопитесь сдать в запас,
не надо — слышите? — не надо,
я поведу еще не раз.
Мне то стремление слепое
дороже ясностей иных.
Прозрею я на поле боя,
не на скамейке запасных.
Чтобы земля опять гудела,
чтоб видеть землю и траву,
чтоб видеть поле без предела,
пока дышу,
пока живу.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Все так,
 потеряна прыгучесть,
и ослабел уже рывок.
Что ж, человеческая участь.
Спорт — молодость. Приходит срок.
«Незаменимых не бывает», —
сказал давно железный век.
— Он плохо место выбирает.
— Он что-то слабо выбивает. —
И вот уходит,
выбивает.
И убывает человек.

Но тот,
 что славил то и дело,
что всем хвалился, что знаком,
назвал принципиально, смело
бесперспективным игроком.
Мальчишки, тем, которым лестно,
бывало, чемодан нести,
почтительно уступят место,
но видно —
им не по пути.
Они смущаются чего-то,
не понимают — почему,
им в это верить неохота,
как неохота никому.

Судьей завистливым и строгим
глядит:
 другие полем мчат.
Порой неволью дрогнут ноги,
так, что соседи заворчат.
— Не так! — прошепчет он.
 — А ты-то!
— Легко с трибуны...
 — Ты бы сам! —

со всех сторон шипят сердито.
Он поддается голосам.
И начинается неверье,
подкрадывается пустота,
вот-вот не те откроет двери
туда, где есть еще места.

А это было лишь начало!
Спорт — подготовка для годов.
И если юность отзвучала,
то значит — к мужеству готов.
Вы с поля с честью провожайте,
берите юного к мячу,
но зрелость силы уважайте,
давайте дело по плечу.
Не прозевайте в нем героя,
не отводите зорких глаз:
придет

 дыхание второе, —
оно-то
 главное подчас!
Конечно, он в плечах пошире,
ему нагрузку дай под стать,
вреднее нет —
 пустые гири
с такою силой поднимать.

Он сложен, человек, и труден,
да, он на винтик не похож.
А кто придумал это, люди?
Бесперспективность —
 просто ложь.
Он никогда не примирится,
будь знаменит, не знаменит.
Нет, человек не повторится,
его никем не заменить.

Анатолий ЛЮБЦОВ

ГЕОЛОГ

По оврагам пылают пионы,
Снежных ландышей в сопках разлив,
И луга изумрудно-зеленые
Опоясали дальний залив.
Я иду по тропинке невнятной,
Еле слышен руке молоток,
И с породой горной измятый
За плечами дорожный мешок.

Мне тайга уступает дорогу,
Мягко стелются травы к ногам,
Я на склоне высоком, пологом,
Где просторно ветрам и цветам.
После, в город приехав далекий,
Вспомню зори, цветы, облака,
Вспомню я, как на Дальнем Востоке
Над тайгой высота глубока...

РЯЗАНСКИЙ ПАРЕНЬ

Рязанского парня
Фашисты убили.
Лежит он в глубокой
Песчаной могиле.

Взял он с собою
В тяжелые руки

Слезы людские,
Народные муки.

А счастье оставил
России родной.
Скажите, солдаты,
Был парень какой!

РОССИЯ

Века считали:
Россия — дали,
Россия — синь,
Россия — сани,
Поля с лесами,
Россия — стынь,
Россия —
 косность,
Солома
 в космах,
Россия — сон,
Россия — стон,
Кандалный звон,
Церквей трезвон. . .

Да, той России
Мы все касались.
От той России
Мы отказались,
От сна и лени,
Пути впотьмах.

Россия — Ленин!
Октябрьский
 взмах!
Россия — Ленин!
В делах, в умах!
Мы строить стали
Россию стали.
Россию троек —
В Россию строек!

Народов гордость,
Эпохи зрелость,
Россия —
 скорость!
Россия —
 смелость!
Не сон,
 не косность,
Не край телег,
Россия — космос!
Россия — век!

ПЛАКАТЫ

Восходы солнца и закаты
Мы раньше редко воспевали,
Всю страсть свою вгонять в плакаты
Мы еле-еле успевали.

В то время, грозное и славное,
Мы все неглавное рубили
И оставляли только главное
И лишь о нем всю трубили.

Как моря грозными раскатами,
Мы обнимали мир плакатами

И, современность обмозговывая,
Взвивали вихри лозунговые.

И сам читатель наш когда-то
Определенным был, как дата,
И непреклонным, как с плаката!

Теперь
 мы временем богаты —
Пишите разное пока там,
Но не забудьте
 годы-даты!

Воздайте должное плакатам.

Владимир ЛЬВОВ

(1927—1961)

* * *

В разговорах путается разум,
сердце засоряет ерунда...
Я недолго был рабочим классом,
только след остался навсегда.

Я работал на одном заводе.
Не сказать, чтоб очень тяжело.
Но ходил такой сурьезный вроде,
хохотушкам девочкам назло.

Ведь у самого нетвердый почерк,
не побрил и верхнюю губу,
а законно ставил «слесарь-сборщик»
в соответствующую графу!

Взял зубило я впервые робко,
перед грозным мастером смолчал...
Помню, кривобокая заклепка
даже снилась прежде по ночам.

Я питался в заводской столовой —
в перерыве шестьдесят минут.
Черного паек шестьсотграммовый
по рабочей карточке дают.

Вспомню все толкучие базары...
Рад, что подарила мне судьба
молотка прицельные удары.
В синем масле — болтиков резьба...

В ссадинах и заусенцах руки
прикасаются к карандашу.
Со второй полочки справлю брюки,
на каток девочку приглашу.

Стонет сталь, скрипит железо ржаво,
искры рассыпаются впотьмах,
и лежит могучая держава
на моих мальчишеских плечах.

* * *

Неестественно низко, над крышей, —
непомерно большой самолет.
Скоро новые звуки слышу,
новый облик в зрачки мне войдет,
скоро небо не будет пределом,
между звездами лягут пути...

Только тело останется телом,
хоть какие машины лети!
И останутся волосы, плечи,
ослепляющие белизной,

вечной страсти бессвязные речи,
тот прерывистый шепот ночной,
тот же облик и те же приметы,
вечный трепет опущенных век...

Будет пробовать прочность планеты
годовалый такой человек.
Вот глаза раскрываются шире.
Что такое? И как угадать?
Никакой кибернетикой в мире
изумления не передать!

Леонид МАРТЫНОВ

ЧИТАТЕЛИ

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

Мечтают
Взять книгу в руки,
Перелистать страницы.

Читают,
Но не от скуки
И не затем, чтоб забыться.

Читают
В трамвайном лязге,
Читают в метрополитене.

Читают
Не по указке,
Читают не из почтения.

Читают
И не считают,
Что тратится время впустую.

И даже
Предпочитают
Простым повестям непростую.

Ночами
Не свечи тают,
А электричество блещет.

Всю ночь,
Да и две читают
Не те, так иные вещи.

И книгу
Закреть неохота,
Хотя за окном светает.

Читают
Не из расчета,
Не для отчета читают.

ПОЛЕВЫЕ ПИСЬМЕНА

Выкатись
И вновь закатись, луна.
Я разбираю мысленно
Зелени путаные письма,
Стелющиеся бесчисленно.

Что-то
Мне шепчет, как будто смеясь:
Вот она — с прошлым крепчайшая связь,
Скоропись эта, славянская вязь,
Полуустав православия,

Да и арыбь, что проникла, вьясь.
В эти края из Аравии!

Хватит
Про старые времена
Виться тебе, о кириллица;
Дай разобраться, что хочет она,
Наша земляца-кормилица,
То есть какая ей помощь нужна,
Да и во что это выльется.

Хочет она, —
И, конечно, права, —
Чтоб на лугах не стояла трава
Высохшей и непокошенной,
Чтоб на полях не лежала ботва
Вытопанной и сброшенной

Там, где торчит, ни жива ни мертва,
Пухлая тыквенная голова
Рядом с мельчайшей горошиной,
Тоже со счета не сброшенной.

МЕХОВЫЕ ЦВЕТЫ

Вешний снег
Оседает и тает,
Аромат его невыразим.
И медлительно отцветают
Меховые цветы наших зим.

Убирается
Зимняя обувь —
Эти боты, а где и унты,
И уходят во мглу гардеробов
Наших зим меховые цветы.

За стеблем
Появляется стебель
Летних, тоже не ложных, цветов

Там, где всякая дачная мебель,
Гамаки всевозможных сортов.

Но зефиры
В березовой роще
Напевают: «Затем и сквозим,
Что и вновь набираются мощи
Меховые цветы ваших зим».

Будет снег,
Будет блеск острых зубок,
Будут где-то и шкур вороха —
Белый век синтетических шубок
Неподдельные ценит меха.

БЕЛЫЙ ДИСК

Я с Музою
Глубокой ночью
Шел около «Националя».
Дул ветер, облачные ключья
Про ураган напоминали.
И будто бы в ответ на это
Блеснул из мрака диск, повисший
На стенке Университета,

Как некий символ правды высшей.
Сказала Муза:

— Приглядишься-ка
К барометру. Ведь с неких пор там
Было начертанье с диска
Бесследно оказалось стертым:
Там, где стояло слово «Буря»,
Теперь написано: «К осадкам»,

Чтоб это небо, брови хмурия,
Не угрожало бы касаткам.
Смотри! Взамен «Великой суши»
«К хорошей, — сказано, — погоде»,
Чтоб не смущались наши души,
Чувствительные по природе.
Кто сделал эти измененья

Непогрешимою рукою,
Тот, безо всякого сомненья,
Хотел глубокого покоя.
И только надпись «Переменно»
Не превратилась в «Постоянно»
Над диском белым, точно пена
Бушующего океана.

ГРОЗДЬЯ

Все это
Вместе и врозь,
Как виноградная гроздь
В шариках виноградин.
Все это вместе срослось,
Я полагаю, не за день.

Это —
Миллионами лет,
Даже и больше, пожалуй,
Стелется солнечный свет,
Снег испаряется талый.

И в предназначенный срок
Мы вызреваем упруго
И с головы и до ног
Обозреваем друг друга.

Сколько на ветке одной
Прямо над бездной повисло
Боком друг к другу, спиной,
Но ведь не зря, не без смысла.

Вот мне о чем говорят
Сложные формы молекул:
Эта вселенная — сад,
Ширится век он за веком!

Эта вселенная — сад;
Блещет роса на антеннах
Там, в небесах,
Где висят
Гроздья соседних вселенных.

ПОЗВОНИ!..

Отчего-то мой голос продрог,
Мир наполнен насмешливым звоном.
Где-то лязгнул трамвайный звонок —
С ног сбиваясь, бегу к телефону.

За окошком восток заалел,
Продирает ресницы светило.
У соседей будильник запел —
Мне мерещится, ты позвонила.

То звонок письмоносицы в дверь?
Иль в ушах моих дзинькает тихо?
О, какая творится теперь
В голове моей неразбериха!

Светлячками сияют огни...
Городские шумы как цикады...
Позвони, позвони, позвони...
Понимаешь, мне так это надо!

ТОРОПИСЬ!

Мы то лишь бережем,
Чего осталось мало,
А есть в запасе — жжем,
Бросаем где попало.

Обиду нанесем
Негаданно кому-то —
Покаяться во всем,
Мол, время есть как будто!

Скопились горы дел,
Затея на затее...
Сегодня не успел,
Но завтра-то успею?!

Хотел — не произнес
Задуманное слово,

Букет фиалок нес,
Но растерял их снова.

Любил — недолюбил...
Гусей осенних стаю
Не смог, не проводил —
Ну что же, наверстаю!..

Не встретил ледоход?
Не встретил, да, согласен!
Меня он не минет —
Еще года в запасе!

Но глядь, а под рукой
Ни часа не осталось,
Пора уж на покой,
К земле клонит усталость!..

ИЗ „АФРИКАНСКОЙ ТЕТРАДИ“

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

1. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Вагоны выстроились в ряд.
На рельсах ящерицы спят.
Лежат навалом грузы.
С откоса сполз подъемный кран.
Дорогу Конакри — Канкан
Покинули французы.

Кружится по ветру зола,
Открыты ящики стола.
В железных сейфах пусто.
В тупик поставив поезда,
Они рванули кто куда,
Как муравьи от дуста.

Бананы в ящиках гниют,
Горит на солнце рис и джут,
Копра, арахис, хлопок,
Разбитый мост стоит торчком,
И тянет горьким холодком
Из паровозных топок.

Как будто буря здесь прошла,
Оставив окна без стекла
В депо и на вокзале,
Они, идя на риск любой,
И рельсы взяли бы с собой,
Да люди им не дали!

И вот тогда пришел приказ:
Спаси важнейшую из трасс,
Усилий не жалея.
Пусть все, кому под силу труд,
Сюда на выручку придут —
И да живет Гвинея!

Тростник потрескивал тугой,
На камни не ступить ногой —
Жара была такая.
И вот пошли они, пошли,
Темней грозы, черней земли,
Белками глаз сверкая.

Деревни встали как одна.
Из чащи вышли племена,
Рубя тростник упрямо.
Мандинго шли, малинке шли,
И нарастал, как гром, вдали
Тревожный гул тамтама.

Как будто был пожар в лесу,
Шли жены племени сусу,
Платками пламенея.
С великой Гамбии-реки
Шли вереницей старики,
И с ними шла Гвинея...

Здесь даже ночью ни на миг
Не утихает стук мотыг,
Рассветы здесь туманны.
Вдоль всех путей стоит народ.
И солнце знойное встает,
Цепляясь за лианы.

В гвинейских джунглях слышен свист,
Смеется черный машинист
Предутреннею ранью.
Две фары мчатся сквозь туман,
И поезд Конакри — Канкан
Идет по расписанью!

2. В ГВИНЕЙСКОМ КИНО

Ну, влажность здесь, черт побери, —
Табак размокает до крошки,
Мы с вами сейчас в Конакри,
В дешевой гвинейской киношке.

Прокуренный зрительный зал
И сумрак, глядящий в ворота,
Как будто его вырезал
Из черного дерева кто-то.

То тут возникая, то там,
Неясные движутся тени.
И где-то стучится тамтам,
Как Африки сердцебиенье.

А рядом, на ветке кривой,
В густом атлантическом мраке,
Повесившись вниз головой,
Летучие дремлют собаки.

Под самое сев полотно,
Все скамьи заняв и ступени,
Мальчишки, как в каждом кино,
Ногами стучат в нетерпенье.

Лучом, просиявшим из тьмы,
Вечерний сеанс этот начат.
А зрители так же, как мы,
И верят, и любят, и плачут.

И пусть им иная звезда
В тропическом светит тумане, —
Понятна им наша беда
И слезы Самойловой Тани.

И вот уж курлыкание птиц
Во мраке слышней и слышнее...
Искусство не знает границ —
Летят журавли над Гвинеей.

ПРОВОДЫ

Без слез проводили меня...
Не плакала, не голосила,
Лишь крепче губу закусила
Видавшая виды родня.

Написано так на роду...
Они, как седые легенды,
Стоят в сорок первом году —
Родители-интеллигенты.

Их предки в эпохе былой,
Из дальнего края нагрянув,
Со связками бомб под полой
Встречали кареты тиранов.

И шли на крутой эшафот,
Оставив полжизни в подполье.
Недаром в потомках живет
Способность не плакать от боли.

Меня проводили без слез,
Не плакали, не голосили.
Истошно кричал паровоз,
Окутанный клубами пыли.

Неведом наш путь и далек,
Живыми вернуться не чаем.
Сухой получаем паек,
За жизнь и за смерть отвечаем.

Тебя повезли далеко,
Обритая наспех пехота.

Сгущенное пить молоко
Мальчишке совсем неохота.

И он изо всех своих сил,
Нехитрую вспомнив науку,
На банку ножом надавил,
Из тамбура высунул руку,

И вьется, густа и сладка,
Вдоль пульманов пыльных состава
Тягучая нить молока,
Последняя в жизни забава.

Он вспомнит об этом не раз,
Блокадную пайку глотая.
Но это потом, а сейчас
Беспечна душа молодая.

Но это потом, а пока,
Покинув консервное лоно,
Тягучая нить молока
Колелеблется вдоль эшелона.

Пусть нечем чай подсластить —
Отныне не в сладости сладость.
И вьется молочная нить,
Последняя детская слабость.

Свистит за верстою верста,
В теплушке доиграно действо,
Консервная банка пуста, —
Ну вот и окончилось детство.

* * *

Расставаться с Землей —
 это значило: в землю уйти.
Это было бедою,
 тоской безысходной.
А теперь это стало
 тревогой походной,
С бою взятой мечтой,
 пересадкой в пути.
Пересадкой в пути
 на другие планеты.
Так меняется вдруг
 смысл понятий, знакомых давно.
Так меняется мир,
 возникают иные приметы.
Так меняются люди.
 Они полетят. Решено!
Полетят, не боясь
 межпланетных разездов
 и станций,
Небывалых просторов
 и аспидной их пустоты.
Полетят не затем,
 чтоб с Землею расстаться,
А чтоб первыми в мире
 взглянуть на нее с высоты.
Это надобно людям.
 Земля отошла, отлетела,
Стала глобусом, шариком,
 дальней лучистой звездой.

И ясней показалась.
 И надо ее переделать:
Растопить на ней льды
 и омыть ее вешней водой,
И очистить все то,
 что покрыто зловещей золою,
И с годами, потом,
 пограничные знаки снести.
Вот что значит для нас —
 расставаться с Землею.
Собирайся, товарищ,
 уже голубеют пути.
Забирайся в снаряд.
 Остается нам времени мало.
Выходи на простор,
 набирай, человек, высоту.
Дорогая Земля
 слишком долго тебя обнимала.
Ты вернешься
 и лучше оценишь ее красоту.
Все давно уж заметили:
 после разлуки
Нам милее жена
 и дороже родная страна.
Прощайся с прошедшим,
 пожми его добрые руки —
И вперед!
 Наступают невиданные времена.

ПРО АФРИКУ

Про дальнюю Африку
С детства я знаю.
Давний рисунок,
Смеясь, вспоминаю:

Кисть виноградная —
Боком спелым.
Что это? Африка
В общем и целом.

Детский рисунок
Забавного вида.
А дальше — пальма
И пирамида.

Нил голубеет,
Желтеет Сахара.
Худые феллахи
Черны от загара.

А дальше — цепи.
Чьи они? Гляньте:
Это оковы
На черном гиганте!

Гнет беспощадный,
Многовековый...
Но время пришло,
И рвутся оковы.

И дочь моя, школьница,
Этому рада,
Рисует, но только
Не кисть винограда.

Африку смело
Рисует свободную —
И независимую
И народную.

С Нилом, с Сахарой,
С друзьями-феллахами,
С летчиком в спутнике,
С красными флагами.

Вы ей простите
Неточности частные:
Флаги свободы
Рисует лишь красные.

Вы ей простите,
Она несмышленная.
— Где же ошибка? —
Глядит, удивленная.

Что вы ей скажете?
Как убедите?
Вы ее логики
Не победите!

Владимир НЕЙШТАДТ

(1897—1959)

Т. Д.

Все: страсть, и муку, и заклатье,
И грусть, и нежность, и мольбу,
И просветленное объятье,
И тучу грозную на лбу, —

Все, все, что ты несешь, приемлю
И от сердечной полноты
Стихом благословляю землю,
Ту, по которой ходишь ты.

ЛОРЕЛЕЯ

Я не знаю, что стало со мною. . .

Знакомство с Лорелеєю
В конце концов я свел,
И, околдован ею, я
Вдруг сызнава расцвел.

Не лезет, рвется, борется —
Легка, тонка, стройна,
Сама с собою ссорится,
Со мной всегда война.

Медовая, бедовая —
Другой такой и нет, —
Не лезет, вечно новая,
В размеренный куплет.

И вдруг посмотрит ласково,
И сердце бросит в дрожь,
Прильнет как будто наскоро
И — губ не оторвешь!

* * *

Весны заветное слово
Подслушал я у березы —
Она наливалась соком,
Белея корой сквозь ночь.

Как сладостен сок березы!
Но ты березу не трогай:
Чужим весенним счастьем
Пути своего не мости.

Александр НИКОЛАЕВ

ОТЕЧЕСТВО СЛАВЛЮ!

Я рос и учился,
я строил и рушил,
мосты возводил
и взрывал.
К любимой впервые шел с песней
«Катюшей»,
и вместе с «Катюшей» потом воевал.

Я трижды прострелен,
и дважды проколот,
и градом осколков побит.
Пусть мчатся года,
но, как прежде, я молод,
хоть, может, не молод на вид.

Вела меня в жизни большая идея,
величие сказочных дел.
В окопах на Висле сидел я,
седея.
В Берлине потом молодец.

Окопы, палатки,
приказы, заданья —

не ведал я жизни иной.
Я горд, что в фундаменте нового
зданья
есть камень, заложенный мной.

А если фундамент добротню сработал,
кладите смелей этажи.
К нам век коммунизма приблизился —
вот он,
видны нам его рубежи.

Широкие борозды
четверостишьем
веду я в простор целины.
Лечу я всех дальше, быстрее и выше,
рукой мне подать до Луны.

Хочу, чтоб навек замолчали орудья.
Друзей моих в мире не счесть.
Отечество славлю,
которое будет,
но — трижды,
которое есть!

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РАЗГОВОР

Я ехал в дальний город Н.
Шофер в линиялой гимнастерке
по старому масштабу цен
всей пятерней сгребал пятерки.

Через плечо их брал,
не глядя,
не глядя, их совал в карман.
А я сказал:

— Послушай, дядя!
Что это, если не обман?

На государственной машине,
где возишь ты целинный хлеб,
пред нами выглядишь ты ныне,
как прошлогодний снег, нелеп.

Как суслики,
что тащат в норки
с полей колхозное зерно,
карман линялой гимнастерки
ты до краев набил давно.

А вы, целинные герои,
дойрка, плотник, агроном,
скажите, разве вы, все трое,
не так подумали о нем?!

Я в завершение разговора
сказал ему, почти крича,
что гимнастерка у шофера
с чужого, видимо, плеча.

В кабину рвался свежий ветер.
Шофер привез нас на вокзал.
Он ничего мне не ответил.
...Я это все в душе сказал.

* * *

Еще не вечер,
но уже он близко,
и с паспортом не сделать ничего.
Жаль, что не опечатка,
не описка
в нем давний год рожденья моего.

Пускай еще не тороплюсь на отдых
и горы своротить пытаюсь я,
но даже мой погибший одногодок
сегодня мне годится в сыновья.

Страницы дней без устали листая,
к исходному готовясь рубежу,
я над землей стремительно летаю
и по земле медлительно хожу.

И, что-то отвергая и приемля,
моя душа,

рассудку вопреки,
старается вместить в себя всю землю,
все океаны
и материки.

Пешком я обошел бы весь экватор,
понравился б девчонке молодой,
но седина,
коварный провокатор,
меня тотчас ей выдаст с головой.

А в сущности-то,
истина простая:
у каждого идут свои часы.
Я это все себе на ус мотаю
и тут же брею начисто усы.

Лев ОЗЕРОВ

* * *

Хочу не фразу трескучею,
Припрятанною про запас,
Предвидеть жизнь намного лучшую,
Чем та, которой жив сейчас.

Не взятой загодя пословицей
И не страницами анкет, —

Хочу душою подготовиться .
К событиям идущих лет.

Чтобы войти по праву равного
В неотдаленные года,
Войти, как входит в утро раннее
Не канувшая в ночь звезда.

ОБЩЕЖИТИЕ В ОСТАНКИНЕ

Студенческий наш городок дощат,
В два этажа бараки.
С утра из дежурки колбасный чад,
Сырые дрова в печурке трещат,
Повизгивают собаки.

За стенкой храп — молодой, густой!
Ходики где-то тикают
С неодолимою частотой.
И вот над сонливостью, над суетой
Песня рождается тихая.

Пока невзначай, как первый привет
С этим утренним часом...
И вот подхватил ее мой сосед,
Еще не обут, еще не одет,
Своим непромытым басом...

И третий хочет ему подпевать,
Но борется долго с дремотой.
И вот уже — и четыре и пять,
А дальше уже нельзя сосчитать —
И двадцать девятый, и сотый.

И вот запекает весь городок —
Все громче, шире и гуще.
Заря уже залила восток,
И песенный всех наполняет восторг,
И нет среди нас не поющих.

Я душу сегодня готов отдать,
Чтоб вновь рассветной порою
В дощатом доме — вот благодать! —
Проснуться студентом и песню начать
Со всеми друзьями, с зарею.

ЛЕТО

Дождь отшумел свое —
И лето
Вновь возвращается в Москву,
С июльской щедростью одето
В лебяжий пух и синеву.

Вновь каждый день
Зарей увенчан,
И спелой вишней веет вдруг
От приближающихся женщин,
От их открытых шей и рук.
С глазами синими мадонны
В комбинезонах и платках
Несут, как теплые батоны,
Младенцев спящих на руках.

А вы вставали спозаранья —
До птиц
И первого гудка?
Еще ни радиовещанья,
Ни голосов издалека,
Ни суеты,
Еще трамвай
В депо ночуют, а в метро
Дежурный свет горит, скрывая
Все очертания хитро, —
Но в этот ранний час

Встречаю
Я на бульваре летний свет —
И, черт возьми,
Не замечаю,
Что мне давно за сорок лет.

Пусть говорят, —
И правда это, —
Что лучшее осталось там,
Где первый дождь
Весною света
Шел за мальчишкой по пятам, —
Пора прославить
Возраст зрелый,
Обветренный и загорелый,
Хоть он и тронут сединой,
Той первой,
Неприметной глазу,
Что кажется —
Растает сразу,
Как пена, взбитая волной.
Да вот не тает —
И не надо
Грустить об этом без нужды.
Ведь не грустят же
Ветви сада,
Роняя спелые плоды.

БЕРЕГОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

Внизу
 волна играет серая,
А наверху,
 зачехлена,
Покоем
Дышит артиллерия,
Как будто памятник она,

А не металл
И пламя жгучее,
Что и поныне, как вулкан,
Готово действовать при случае.

Запомни это, океан!

СВИДАНИЕ

Кого теперь я встречу тут?
Такая тишь на полустанке.
И над березами плывут
Не облака —
Дворцы и замки.

Знакомый девичий напев.
Малина красная созрела.
И рожь, на взгорках пожелтев,
Стоит стеной — отяжелела.

И любопытный женский взгляд,
И с молоком холодным крынки,
И от калитки в старый сад,
Как в детство, теплые тропинки.

Знаком мне Запад и Восток,
Но не встречал такой красы я.
Я сам бежал, как ручеек,
К родным полям, к тебе, Россия.

* * *

Зверю зверь не разроет берлоги,
Не разрушит птица гнезда.
Почему ж на земле ожоги,
Пеплом делались города?

Я об этом спорить не стану,
Сам тушил я огонь огнем.
Хиросимы вечные раны
Не зажили в сердце моем.

* * *

Растаяло белое облачко пара,
И вмиг потемнело кругом.
Гремят грозовые удары,
А чудится тот накрывающий гром.

Тревожные мысли от сердца откину,
Мне так полюбился покой.
И завтра в белых рубашках мужчины
Уйдут спозаранку косить за рекой.

СЕЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА

У соломенных низких крыш
Гомонят тихонько трехрядки.
Грянут «Русскую» — не устоишь,
Будто щекочат пятки.

За околицей, где мосток,
Горячие бродят припевки.
Разгуляться на «пяточок»
Собираются парни и девки.

Не в почете у них перлон:
Прямо с поля пришли бригады.
Темнота с четырех сторон.
Шепчут парочки у ограды.

А когда посветлеет восток,
Петухи заорут за домами,
Разойдутся уснуть на часок
С зацелованными губами.

ЧТО ВСЕГО ПРЕКРАСНЕЙ В ПАРИЖЕ?

Что всего прекрасней в Париже?
Святая капелла
С витражами, которым тринадцатый
век знаком?
Или мрачный Нотр-Дам, где как будто
вся жизнь откипела,
С кардинальскими шапками под
потолком?
Или старый Монмартр, все такой же
с виду,
Или Лувр, который нельзя забыть,
Или склеп под Куполом Инвалидов?
Может быть, может быть.
Есть у каждого свой Париж,
И ничем его не запылишь.
Но когда говорят о живом Париже —
Рядом с отелями и ателье
Я вспоминаю новый базар

В предместье Жан-Вилье.
Я вспоминаю веселую школу имени
Жолио-Кюри
И одиннадцать первых рабочих домов,
покрашенных в цвет
зари.
Дни и ночи ходить по Парижу не лень,
Его прошлое думами и шагами меряя.
Но если есть у Парижа завтрашний
день —
Он рождается в коммунистических
мернях.
В Жан-Вилье или в Сен-Дени,
Если будешь здесь, на него взгляни.
Здесь радушно встретят гостей,
Здесь все проще и сердцу ближе,
Здесь повсюду увидишь детей,
Которых так немного в Париже.

„СА ИРА!“¹

Французы разбили Бастилию —
Не простили ей, не простили ей
Несправедливой власти.
А из камня устроили мост Согласья,
Вбили камень в площадь де ла
Конкорд,
В мостовую всунули этот камень,
Чтоб топтать его каблуками,
Чтобы каждый был весел и горд,

Чтобы знал: свободе пришла пора.
Ах, «са ира, са ира, са ира»...
А ключи от Бастилии, что ворочались
туго,
Что достались народу так дорого,
Генерал Лафайет отдал другу —
Вашингтону Георгу.
И пошли ключи по наследству

¹ Название одной из популярных песен революционной Франции.

По заморскому добрососедству.
А чтоб тут не шумели плебеи речами,
Нет-нет да там погремят ключами.
Мы идем по Парижу, а нам навстречу
Слишком много плывет нефранцузской
речи.
И не слишком ли часто веселые янки
Заглядывают во французские банки?
Что ж делать — свобода морям и лесам.

Скажем, в Канне — кто хочешь плати
и грейся.
А чтоб было свободней — я видел сам —
На рейде американский крейсер.
Каждому по сердцу своя музыка.
Может быть, песенка и стара,
Но мне нравится, как поют французы:
— Ах, «са ира, са ира, са ира!»

Муза ПАВЛОВА

ОДА КОРОВЕ

Когда ты средь лугов, корова,
стоишь на вкопанных ногах
и леса дальнего корона
темнеет на твоих рогах,
как опечаленно и строго
твое лицо трагическое,
ты точно изваянье бога
языческое.
Ты — заколдованная дева
с заплаканными веками,
ты — вставшее на четвереньки дерево
с обрубленными ветками.

Но лишь ударят в дно ведра
две струйки узеньких,
две полных горсти серебра,
две сладких музыки,
стоишь ты, подавив восторг,
лишь чуть колышутся бока.
Стихают запад и восток.

Земля ждет молока.
И хлещут, хлещут две струи,
две Волги тоненьких,
как две прекрасные струны,
в бидоны и в подойники.
И уж не чашка и не две,
по чану на́ душу,
и капли, капли на траве
висят, как ландыши.

Ромашек блюдечки полны,
все белым полито,
а сколько этой белизны
на землю пролито!
И сколько в розовом соске
сокрыто белого —
уже полнеба в молоке,
стоят по горло в молоке
березы белотелые. . .

* * *

Я не знала, что счастье так доступно,
хотите — сами попробуйте:
одиннадцать рублей билет до Ступина
и четверть часа на автобусе.

И сразу —
обрыв,

река за окном,
два дерева простые,
и между ними —
полотном
натянутая
Россия.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Я был недавно
у Донца-реки,
Там шар земной
распахивает
ворот:
Земля раскрыла
настежь
рудники,
Стоит,
как в сорок третьем,
гул моторов.

Не танки —
экскаваторы идут,
Их стрелы целят в небо,
как зенитки.
И курскую руду,
как хлеба,
ждут
В моей рабочей липецкой Магнитке!

Сергей ПОЛИКАРПОВ

ТАТЬЯНА

Таня,
Татьяна
Именем пьяный.
Коршуном прынуло
Солнце в бурьяны.
Дрожью забило
Лады у баяна.
Таня, Татьяна.
Таня, Татьяна.

Вспомни,
Как осень
В чашобах дичала,
Нас на ухабах
Дорога качала.
Как над землей
Без конца,
Без начала
Ливней мотались
Седые мочала.

Ни за рублем,
Ни за славой в погоне,
Мы в глухаринном
Сосновом затоне
Песнею грелись
У тульской гармонии,
Если к ломам
Примерзали ладони.
Нет! Мы не знали
Мечты невозможной.
В крае завьюженном,

В крае морозном
Мы на плечах
Комбинат целлюлозный
Волоком вывели
К заводи звездной.

Все это было.
Все это было.
Ты не забыла.
Нет, не забыла.
Но у баяна
Басы пробасили:
«Сердце чужое
Зазря не насилуй!»

Мало ль бывало...
Покочевала.
К справному дому
Нынче пристала.
Сроду кукушка лишь
Гнезд не свивала.
Девке
Кукушья судьба не пристала.

Таня, Татьяна.
Таня, Татьяна.
Юности флаг
Опустила ты рано.
Зябко одной тебе
Петь у баяна.
Таня, Татьяна.
Таня, Татьяна.

АНТОН ПРИШЕЛЕЦ

СЧАСТЬЕ

Когда я
Хорошую песню слышу,
Когда я
Веселую пляску вижу,
Я, знаете,
Слезы глотаю...

Отчизна моя золотая!
Как много сегодня у нас
Искристых и радостных глаз,

И нежного цвета весеннего сада,
И детского смеха,
И ярких нарядов,

И солнца,
И солнца у каждого дома!

И счастье —
Огромное —
В горле комом.

И хочется
Крепко тебя обнять,
Страна моя,
Родина,
Мать!

С НОВОГО ЛИСТА

Хорошо,
Махнув рукой на годы,
Вдруг уехать
В новые места,
Где другие лица и природа
И погода, может быть, не та.

Между окон —
Синие обои,
Синие, как ранняя весна.
Вырезано небо голубое
Четырехугольником окна.

За рекой —
Кусты осенней меди,

Светлые, далекие поля.
Выпрошу на время у соседей
Стол и стул
Для нового жилья.

Может быть, куплю в универмаге
Тонкую зеленую кровать.
Положу на стол
Стопу бумаги —
Только б с песней
Мне не порывать!

Дуб роняет
И под ноги стелет
Золотое легкое перо.

Лучше и не справить новоселье,
Чем такой чудесною порой.

Только унести бы мне украдкой
Эту радость в новые места,

Жизнь начать,
Как новую тетрадку, —
Новой песней,
С нового листа!

УХОДИТ ПАРОХОД

На пристани шумно,
Волнуется народ.
Вот-вот от причала
Отчалил пароход.

Одни — уезжают,
Другие — провожают.

И ты уезжаешь,
Хорошая моя.
Ты мне не чужая —
Волнуюсь и я.

Волнуюсь, толкаюсь
С цветами в руке —
Такого же цвета,
Как небо в реке.

Над самой водою
Я шляпой машу.
— Пиши непременно!

— И ты...
— Напишу...

Пошла,
Застучала
О берег волна.
Все дальше,
Все меньше,
Все тает
Она.

Все тает она
И уже не видна.

А день такой весенний,
А кажется — осенний.

Смотрю, как в тумане,
Я вслед кораблю...

Не люблю расставаний!
Я встречи люблю!

Владимир ПРИХОДЬКО

ПАМЯТИ ОТЦА

Легкое дрожание черемух.
Мир не хочет помнить о войне.
Но отца все так же нету дома.
С тихим снимком я наедине.

Он спеша не прибежит к обеду,
Не придет ни вечером, ни днем.
В неохватном пламени победы
Искра есть — горит его огнем.

Был он мягок, добр и музыкален.
Он меня сажал на карусель.

Он любил поэзию читален,
Речи украинской акварель.

Где он пал, единственный и близкий,
Где тот безымянный обелиск,
Или вовсе нету обелиска, —
Я не знаю.

Только искра, искра
В пламени, составленном из искр!

Александр ПРОКОФЬЕВ

МУЖЕСТВО

Идут года под флагом красным,
Уж сколько кануло годов!
Они рукою своевластной
Подводят мужеству итог —

Свершеньям нашим, планам, думам,
Колхозным пашням и садам,
И целине, и Каракумам,
И нашим в мужестве рядам.

Года подсчитывают братьев,
Когда плечом к плечу встаем,
Когда идем великой ратью
В великом мужестве своем.

Мы, озарив страну огнями,
Вершим достойные дела,
И нету силы за морями,
Чтоб наш поход сдержать могла!

НЕТ В РОССИИ ГОРОДА БЕЗ СЛАВЫ

Нет в России города без славы —
Местной, повсеместной, мировой,
На своих птенцов глядит Держава,
Видит их с горы сторожевой.

Видит их больших и видит малых
У подножья гор, в степях своих,
Видит их почти что годовалых
И тысячелетних видит их;

Видит их — героев-ветеранов,
Тяжела их поступь и легка,
Слава их прошла за океаны,
Словно щит на их груди века!

Видит их, стремительных
и грозных,
В деле — за двоих и за троих,
Звездоносных, путь пробивших
к звездам,
Так что уж нельзя не видеть их!

Высоки их стяги боевые,
Широко их солнце зацвело,
С высоты веков глядит Россия,
И на сердце у нее светло!

ХРИЗАНТЕМЫ

Хризантемы
Женщина несла,
Корни
В тряпку обернув заботливо.
На мостовой
С проворностью весла
Плескалась тень,
Держась за ботики.

А может быть,
Охапку звезд
Несла она
Осенним вечером? . .
Потом
Ее троллейбус вез,
Людской усталостью
Отмеченный.

Потом
Она среди огней
С костром в руках
Казалась там.
И кто-то
Улыбался ей,
И кто-то
Говорил: — Пожалуйста.

Кому-то на сердце
Весна
Вдруг постучалась
Молодо. . .
А женщина
Букет несла,
Как первенца,
По городу.

РУЧЕЙ

Лощину завалил сугроб,
В снегу следов от зайцев много,
С теплыню ухнула дорога,
Весна стучится у ворот.

И ястреб в облаке летит,
У птиц же щелбеты и звоны.

Меняет поле прежний вид,
Заметно обнажились склоны.

И влагой чистою своей,
Пробившись в осевшем насте,
У моста заиграл ручей
Весенней молодою страстью.

ДУБ

Ветер, в синеве играя,
Разогнал громады туч.
Над моим родимым краем
Дуб стоит, высок, могуч.

Плечи на бугре расправил,
Словно витязь-богатырь,
Ствол как башню он поставил
И закрыл простор и ширь.

Я люблю тебя, могучий,
Темнокудрый исполин.
Виден ты на этой круче
Далеко среди долин.

Сторож Руси необъятной,
Как в доспехах, ты в листьях,
Быль разносит ветер внятно
О твоих трехстах годах.

Юрий РАЗУМОВСКИЙ

ПОРУБЩИК

Парень с угрюмым лицом совы
В ладонь топорнице берет —
И кедр подстреленным часовым
Рухнет лицом вперед.

Я видеть смерти его не могу,
Бессмысленной и пустой.
Я, спотыкаясь, бегу в тайгу,
Кричу, задыхаясь: — Стой!..

Парень прислушался, как сова,
Застыла его рука.

Он, видно, слышит мои слова,
Слышит издалека.

Он не сажал ни яблонь, ни слив,
А только рубил стволы.
Он очень нагл, но он и труслив,
Парень с лицом совы.

И, как сова, он в чужом саду
Ждет потемнее ночь...
И если я его не найду,
Вы мне должны помочь.

ЗОЛОТАЯ ПОРА

Вы видели, как в пору сенокоса
Висит недвижно марево над плесом
И отдыхает сонная трава?!
Из меда, зноя, тишины и света
Хмельным настоем жарко дышит лето,
И от него кружится голова.

Хлеба стоят торжественно и строго.
Они безмолвны. Белая дорога
Плывет, почти воздушна и легка.
Сады грузны. Им тяжело и знойно.
Не шелохнется лес. Река спокойна.
И в небесах застыли облака.

И мне понятен каждый птичий голос.
Во мне течет река, и зреет колос,

И соком наливаются плоды.
Как и они — безмолвен я на время.
Я пью хмельной настой. Я жду
со всеми
Стремительной, ликующей страды.

Она близка. Нет ожиданья лучше.
На краски, ритмы, образы, созвучья
Земля и люди — все ко мне щедры.
Мир предо мною вдаль и вширь
раздался.

Он полон песен. Вот и я дождался
Вершины лета. Золотой поры!

ЛЕТНЕЕ

Яркое лето. Жаркое лето.
В белое платье березка одета.
Красные серьги горят на малине.
Небо в рубашке немислимо синей.
Доброе лето. Щедрое лето.
Нам ли с тобою не чувствовать это!

Вся ты, как яблоня, отяжелела.
Смотришь доверчиво. Ходишь несмело.
Спишь осторожно, как чуткая птица,
И улыбаешься снам до рассвета...
Пусть тебе будущий сын наш
приснится...
Доброе лето! Щедрое лето!

НИЖНЕЕНИСЕЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж этот строг, как гравюра:
На желтом песчаном мысу —
Три жерди, обтянутых шкурой,
Над шкурой дымок на весу.

И рядом, откинувши полог,
В песке отпечатав следы,
На фоне зазубренных елок,
Три ненца стоят у воды.

Молчат. Лишь в глазах их раскосых
Чуть видимы вспышки огня.

Их красные ленточки в косах —
Индийских уборов родня.

Одежды их грубы и просты.
Уста их не ведают лжи.
В ножнах поясных из бересты
Охотничьи дремлют ножи.

И с весел, закинутых за плечь,
Горя на закате, струя
Стекает — за каплею капля,
Как кровь с боевого копья...

РОЩА

Соловиной песнею манила,
Молодой и мертвою листвою.
Думы сокровенные будила,
Как сестра беседея со мной.

По годам она — я знаю — старше,
Что ей, наши краткие года?
Я умру, а роща будет так же
С каждою весною молода.

Пусть топор березу не ударит,
Тронь ее ладонью и щекой —
И душе мятущейся подарит
Роща величавый свой покой.

С животворным,
С этим свежим светом

Возвращаясь к людям и делам,
Я листал железо,
Был поэтом,
Другом был друзьям,
Врагом — врагам.

По земле горящей шел солдатом,
Сам, как головня, чернел в тоске.
Мог отбедовать в чужбину вмятым,
От пределов отчих вдалеке.

И в Сахаре мертвые не ропщут,
Но и там я верил бы, живой,
Что тебе, березовая роща,
Ликовагь и плакать надо мной.

* * *

В сказочные терема,
На пути певучие
Ты опять зовешь, зима,
Как в те годы лучшие,

Когда мчал меня азарт,
Жгла любовь без памяти
И ложился след от нарт
По хибинской замяти.

Я и в старости б не мог
Жить у благ, ей выданных,
Без неведомых дорог,
Без чудес невиданных.

Знаю: скажет кто-нибудь
Мне словами колкими:
— Почему ж и в малый путь
Сборы стали долгими?

Не тая обид в душе,
Я признаюсь попросту:
Видно, кое-что уже
Стало не по возрасту.

Но зато ему под стать
Правда лет, что прожиты,
Увидать, а не гадать —

Где ты, счастье,
В чем же ты...

Кличь, зима,
Иду такой
Под метель,
Порошею,
Нынешней моей порой,
Говорят, хорошею.

В ДОРОГЕ

Я полем шел.
И было столько света
И столько было посвистов вокруг,
Что вздрогнул я,
Когда на взгорке где-то
Картавый ворон мрачно каркнул вдруг.

Смеялось утро,
Пели птицы рьяно,
Невесело здесь было лишь ему.
На камне у дремотного кургана
Застыл он, равнодушный ко всему...

Мы с ним знакомы.
Я сквозь годы вижу,
Как надо мною, раненым, недвижимым,
На миг крылами солнце заслоня,

Он опускается все ниже, ниже,
Нацелясь клювом дьявольским в меня.

Но я вздохнул —
И он отпрянул с ходу...
Стеной колдун, ты, может,
вправду тот?

Манила даль,
Переливались всходы,
Дышал теплом апрельский небосвод.
И так легко —
Ни грусти, ни тревоги.
Вот только птица черного пера...

Но нет, и ей не омрачить в дороге
Живой души,
Исполненной добра.

Аркадий РЫВЛИН

ГОЛОСА ЗЕМЛИ

На рассвете, большая и важная,
Мне сказала река:
— Что таить,
Я река, но погибну от жажды я,
Если некого мне напоить.

И пшеницы тяжелое золото
Мне сказало, врываясь в мой стих:
— Мы хлеба,
Но погибнем от голода,
Если мы не накормим других...

ЗЕМНЫЕ, А НЕ ПРИЗЕМЛЕННЫЕ!

Когда мы одомашниваем это —
Мы что-то губим в силе и в красе...
Уже назвали пылесос «Ракетой»
И «Спутником» коробку монпансье.

Уже рисуют космос и на спичках
И сто орбит на пачках сигарет...
Но только к спичкам может быть
привычка,

А к запускам в бессмертье —
Нет и нет!!

Нет! Ни за что!
И только, как влюбленные,
Читайте, знайте, почувствуйте опять —
Что мы земные, а не приземленные,
Что, приземлив ракету многотонную,
Нам лишь себя не надо приземлять...

ТАБОР

Я помню, для случайного ночлега
Однажды, в холод и сырой туман,
Хозяйка-осень привезла в телегах
Охрипших и оборванных цыган.

И закружилось время новым ладом,
Вступил в права иной закон степей:
Свернув шатры, потомки конокрадов
В колхоз отдали всех своих коней.

Пилы певучей звонкий голос ровен!
Взахлёб заговорили топоры —

Из золотых, в смолистых искрах бревен
Тесовые поднялися шатры.

И кто бы мог сказать на всем серьезе,
Заранее поклявшись, что не пьян, —
Что на Доске ударников в совхозе
В числе других появится цыган!

Так вытвори же, любушка гитара!
Работу, как и пляску, красит злость!..
Мы это место называем «табор»,
Но только нынче слово слову рознь.

ЧАЙКИ

Речные чайки суетливы:
Заслышав слабые гудки,
Бросают гнезда и заливы
И кланчат с палубы куски.

Дерут из клюва у неловких,
Не пощадив отца и мать,
И, как базарные торговки,
Хотят себя переорать.

Такие даром не кружатся.
Я их, корыстных, не люблю.
Лишь сметят, что не поживятся, —
И в лёт к другому кораблю.

Нет, чайки в море не такие!
Едва крылами шевеля,
В дороге спутницы морские
Не покидают корабля.

Летят над синею пучиной,
Легко касаясь пенных глыб.
Есть в чайке с талией осиною
Какой-то женственный изгиб.

Когда ее туман относит,
Щемяще стонет: «Пить-пить-пить...»
Как будто взять с собою просит
И в человека обратить.

ИЗ ЦИКЛА „ПУТЕШЕСТВИЕ“

* * *

Море Ирландское
В трепете мелком.
Волны галантные
Шепчут: «Уэлкэм!»¹

Медленно движется
Наш «Орион»
Грузоподъемностью
В шесть тысяч тонн.

Встали на рейде,
Пережидаем отлив.
В линзах бинокля реет,
Дыбится город вдаль.

Близость волнует,
Безделье гнетет.
Порт Ливерпуля.
Что-то нас ждет?

К вечеру нетерпеливо
Поворачиваем руль —
И с половодьем прилива
Гордо туда, в Ливерпуль,

В радугу вымпелов
Множества стран.

В доке швартуемся
Прямо под кран.

Быстрая выгрузка —
Любо глядеть.
Речь наша русская —
Звонкая медь.

Майна! Вира!
Толпы зевак.
Вымпелом мира
Рдеет наш флаг.

Завтра погрузка —
И снова в поход.
«Вот они, русские,
Что за народ!»

Точность и слаженность —
Всё по часам.
В путь снаряжаться —
Все по местам!

Снова нетерпеливо
Поворачиваем руль —
И в океан с отливом.
Прощай, Ливерпуль!

Море Ирландское.
Северный край.
Волны галантные
Шепчут: «Гуд бай!»

¹ У э л к э м — добро пожа-
ловать (англ.).

ОБЛАКА

Я не знаю пока,
Что такое со мной.
Там, вдали, облака,
Но идут стороной.

Еще ночь далека,
Еще в воздухе зной.

Вот уже облака,
Облака надо мной.

И такая тоска:
Где ты, друг мой родной?
Облака, облака,
Облака надо мной.

И СНОВА НЕТ МЕЧТАМ ПРЕДЕЛА

Мечты и силы на исходе,
Но, как положено в бою,
На вахте при любой погоде
Впередсмотрящим я стою.

Туманы путь нам застилали,
Не напороться бы, гляди!
И снова открывались дали,
Вздымая воды впереди.

Мы зону штормов одолели,
Мы брали волны на таран.
Недалеко уже до цели,
Но как безбрежен океан!

Нам плыть и плыть.
Уже зарделась
Иная цель, маня сердца,
И снова нет мечтам предела
И океану нет конца.

Михаил СВЕТЛОВ

ДРУЗЬЯМ

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ ШАРЖЕЙ

Мне бы молодость повторить.
Я на лестницах новых зданий,
Как мальчишка, хочу скользить
По перилам воспоминаний.
Тем, с которыми начат путь,
Тем, которых узнал я позже,
Предлагаю года стряхнуть —
Стать резвящейся молодежью.
Дружбы нашей поднимем чаши!
Просто на дом, а не в музей
Мы на скромные средства наши
Пригласили своих друзей.

Как живете вы? Как вам дышится?
Что вам слышится? Как вам пишется?
Что вы делаете сейчас?
Как читатель? Читает вас?
На писательском вернисаже
Босиком не пройтись ли нам
Под отчаянным ливнем шаржей,
В теплых молниях эпитаграмм?
И, любовью к друзьям согреты,
Проведем вечерок шутя...
Шутка любящего поэта —
Как смеющееся дитя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К КНИГЕ

Не надо, чтоб мчались поля и леса:
Разлука — один поворот колеса.
Да это разлука — заканчивать книгу,
Но стих посвящен не прощальному мигу.

О, как дорога ты, беседа друзей!..
Мы так изучили друг друга привычки!
Но вот уже дальше бегут электрички
От нашей беседы, от книги моей.

Идет все дальше, глубже возраст мой,
И, вспоминая юных чувств горенье,
Я так взволнован, что с любой
строфой
Меняется размер стихотворенья.

Мне нужны (ни с кем не деля),
Как поэту и патриоту,
Для общения — вся земля,
Одиночество — для работы.

Перелистываю страницы,
Их дыхание горячо...
Что нам к поезду торопиться?
Почаевничаем еще... .

Не родственники мы, не домочадцы,
И я хотел бы жизнь свою прожить,
Чтоб с вами никогда не разлучаться
И «здравствуйте!» все время говорить.

ДОРОГУ, КОСМОС: ЛЕТИТ ЗЕМЛЯ!

Юрию Гагарину

Чтоб осознать все богатство события,
Надо в пилоте представить себя:
Это ты,
 читатель,
 из ритма обычая
Вырвался, пламенем всех ослепя;

Это ты, экономя в скафандре дыхание,
Звезды вокруг ощущаешь как вещи,
Это ты, это ты раздвинул заранее
Грани психики человечьей;

Ты — утратив чувство весомости,
Ангелом над телефоном паришь,
Ты — в состоянии нервной веселости
Рядом приметил Гжатск и Париж...

И хоть бинокль высокого качества
Видит землю во все люнеты,
Это тебе Земля уже кажется
Эллипсоидом дальней планеты,

А ты во вселенной — один-
 единственный,
Ты уж не Юрий — комета сама,
И пред тобой раскрываются истины
Такие, что можно сойти с ума!

Но ты не искринкой махнул
 во вселенную,
Тебя не осколком несло сквозь небо:
Луну ты можешь назвать Селеною —
И это совсем не будет нелепо:

От древнего Стикса до нашей Москвы-
 реки,
Вся устремившись в этот полет,
Культура
 всей
 человеческой
 лирики
В дикости космоса
 гордо плывет.

И сколько бы звезды тебя ни мытарили,
Земляк ты наш перед целым светом,
«Земля» — твоя марка
 на инструментариин,
Но не ищи ты абстракции в этом:

С собою взял ты аппаратурую
Не только приборы своей страны,
Но и в мешочке землицу бурую —
Русскую пашню, весенние сны...

Высоко над радугой полушария
Ты в черноте изучаешь Солнце,
Ты отмечаешь линии бария,
Цифру вносишь в рубрику — «стронций»,

Но милый светец избы на Смоленщине,
Но этажерка любимых книг,
Но брови той удивительной женщины,
Что пальцы ломает в этот миг,

Но дочка твоей шоколадная родинка,
Мать, породившая чудо-сынища, —
Это родная земля, это родина,
Этого ты и на Солнце не сыщешь!

Николай СИДОРЕНКО

* * *

Не грусти, что вечереет,
Что погас огонь заката, —
К нам придет заря другая,
Прежней юностью объята.

Не грусти, что уезжаю, —
Я приеду, может статься,

В час, когда лесные птицы
К старым гнездам возвратятся...

Без дороги и разлуки
Сердце каменным бы стало.
Без восходов и закатов
На земле бы ночь настала.

Константин СИМОНОВ

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Рассвет. Еще не знаем ничего.
Обычные «Последние известия»...
А он уже летит через созвездия,
Земля проснется с именем его.

«Широка страна моя родная...» —
Знакомый голос первых позывных,
Мы наши сводки начинали с них,
И я недаром это вспоминаю...

Не попросив подмог ни у кого,
Сама восстав из пепла войн
и праха,
Моя страна, не знающая страха,
Шлет ныне в космос сына своего.

Мы помним все. Ничто не позабыто.
Но мы за мир. Всерьез! Для всех!
Навек!

И, выведен на мирную орбиту,
С природой в бой идет наш человек.

Волнение бьет, как молоток,
по нервам.

Не каждому такое по плечу:
Встать и пойти в атаку
самым первым!
Искать других сравнений не хочу.

СТОРОЖЕВЫЕ КОРАБЛИ

Нас ветром севера сгибало,
Швыряло так,
Что ой-ой-ой!
И не найти шкалы
Для балла
В разгул погоды штормовой.

Всем кораблям приказ:
Надежно
Прижаться к пирсам,
К берегам
И по уставу — непреложно —
На вахте быть всем маякам.

Их прорезающим свеченьем
Не раз,
Когда вздымался шквал,
Протягивалась
Нить спасенья
К тем, кто на море погибал.

Такой буран
И не приснится
Живущим в комнатном тепле,
И только чайкам,
Строгим птицам,
Уют не важен на земле.

Лишь чайки
Молодо и хмуρο
То в небо, вверх,
То вниз, к волнам,
Летят с тоскливым криком
В бурю,
Подставив грудь шальным ветрам.

И люди есть,
Которым нужно
Вступать со всей стихией в бой:
Они верны —
По долгу службы
И по любви к стране родной.

Навеки быть хочу
Их другом, —
Я сохраню их доброту:
Недаром за Полярным кругом
Сошлись мы вместе на борту...

Бушует Баренцево море,
И от земли большой вдали
Легли на курс,
со смертью споря,
сторожевые корабли!

БАБКА ВАСИЛИСА

Умерла моя бабка.
Звать ее Василиса.
Внуки, правнуки — все мы! —
От нее повелися.

Девяносто лет с гаком —
Чуть не век свековала.
А до самой до смерти
Про меня вспоминала. . .

До последнего часу
Не была без работы.
Шила, мыла, стирала, —
Вдосталь всякой заботы!

Не скучала без прялки,
Все с куделью, бывало.
Хоть стара, а в иглолку
Нитку ловко вдевала. . .

Ты была, моя бабка,
Павой статной, высокой.
Величава повадкой,
И глаза с поволокой.

От одной моей бабки
Распустилось сколь почек:
И парней, в жизни хватких,
И пригоженьких дочек.

Словно роща сосенок
Вкруг сосны матербй.
Что ни год — постреленок,
Двойня-тройня порой!

Все мне братья иль сестры,
А постарше — дядья,
А помладше — ох, востры! —
Племяши и друзья.

Все теперь разбрелися —
Ну, суди хоть по мне.
Погляди, Василиса,
Сколько нас по стране!

Кто на поле, кто в море,
Моторист, тракторист.
Кто с винтовкой в дозоре,
Кто на сказки речист.

Кто в тайге инженером,
Кто счастливая мать,
Ставя бабку примером,
Уродясь в ее стать.

Ты прости меня, бабка! . .
Я почту твою память,
Хоть не очень и гладко,
Все же, видишь, стихами. . .

Родословных преданий
Ты хранила немало:
Как ямщичили ране
Наши деды удало;

Как дорогою конской,
По Московскому тракту,
За обозом из Томска
За чаями шли в Кяхту. . .

Обо всем порасскажет
(Да и в песне певала!)
За мотком серой пряжи
Бабка наша, бывало.

Поведет от Казани,
Доведет до Байкала.
Сколько разных сказаний,
Русских басен знавала!

Сколь диковинных былей,
Сколь ядреных пословиц

Погребла ты в могиле,
Навсегда успокоясь!..

Пусть земля ляжет пухом
Над тобою, родная.
Мы сильны твоим духом,
Век тебя вспоминая...

Прожила не напрасно.
И, как в сказке, ты стала
Василисой Прекрасной —
Нашей жизни начало!

Дмитрий СМЕРНОВ

ГРИБЫ

Люблю гоняться за грибами
В окрестном смешанном лесу,
Сбивать в оврагах сапогами
С травы искристую росу.

Пестреют всюду сыроежки,
Как сарафанчики девчат.
А у пенька на самой плешке
Опята-гвоздики торчат.

Я собираю торопливо,
Кладу в корзину те грибы.

Мне говорят друзья шутиливо:
— Примета есть... Не сбылось бы...

Грибов так много — не к войне
ли? . . . —

Мы вышли молча из кустов.
Над нами небеса синели —
Ни туч, ни дальних облаков.

Когда мы поле огибали,
Где трактор шумно тарахтел,
В сквозные голубые дали
Вдруг реактивный пролетел.

Догнав друзей под сенью веток,
Отдав грибы, ответил им:
— Ну что ж, примета есть примета,
А жизнь идет путем своим.

ДЯТЕЛ

С утра до вечера трудился в роще
дятел,
Из-под коры букашек извлекает.
И было много у него в лесу всегда
дел:
Ведь лес для дятла — тоже мастерская.

Деревья поднимались в высоту,
Стараясь в росте перегнать друг
друга.
В том, что они сияли на свету,
Была и дятла скромная заслуга.

ЛЕНИН

Идет ли сессия Совета,
Бурлит ли наш партийный съезд —
Огромный зал
 во власти света,
И в зале нет свободных мест.

Повестка дня:
— Вперед и выше! —
Здесь
 лучший цвет
 людей труда.

И сам Ильич
Из светлой ниши,
Как наяву,
 шагнул сюда.

И встал.
И высказать стремится
Все то,
 что нам недосказал.
И взглядом вечного провидца
Глядит в Большой Кремлевский зал.

СЛОВО СВОБОДЫ

Куба —
 дальняя даль
 между нами,
Пестрота пограничных полос,
Океан с вековыми волнами
И недобрые тучи угроз.

Но
 такое —
 над нами не властно.
Мы собратья твои и друзья.

Нам понятен
 твой пламенный Кастро,
Сила,
Гордость
И ярость твоя.

И для нас,
 для Советской России, —
Рядом ты, а не там, вдалеке.
Мы деянья твои молодые
Ощущаем,
 как пульс на руке.

ЗВЕЗДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Юрию Гагарину

Не мною
 в космос
 дверь открыта,
Стезя проложена не мной.
Но сердце
 вышло на орбиту
И обогнуло
Шар земной.

И вижу я начало эры,
Где
 злой Кашей
 уже зачах,
А мы идем, как Гулливеры,
И держим
Солнце
На плечах.

Пусть померк
 в лучах победы Вашей
Этот факт. . .
А дело было так:
Мы купили с дочерью Наташей
Жаворонков — скромных певчих птах.
Дали хлеба милой певчей паре,
Продержали дома с полчаса
И во имя Вас, майор Гагарин,
Отпустили
 прямо в небеса.

Вот и все.
Но кажется Наташе,
Что за шумным городом Москвой
Обитают жаворонки наши
И владеют ширью полевой.

Вы-то их разыщете едва ли,
Но когда посмотрите в зенит,
Слушайте и верьте,
 что над Вами
Их земная музыка звенит.

Игорь СОЛОВЬЕВ

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

Альбатрос над зеленым заливом кружил,
Уходил «Ришелье» из Тулона в Алжир.

От станков, от земли увозил теплоход
Серых рыцарей в новый крестовый
поход.

Между танков и пушечных длинных
стволов
Разместили на палубе восемь волов.

Несознательный бык, разве думает он
Про себя как про чей-то мясной
рацион?

Вечерело, но все шло своим чередом:
Тихо пели солдаты про оставленный
дом,

Да в загоне на юте в припадке
тоски
Протестующе громко ревели быки...

МУКАРРАМ

По звонкой коже бьет рука
Исподтишка, издалека,
Стучит дойра, звучит дойра,
Гремят грома, гудят ветра.

И вот наперерез ветрам
Бежит по сцене Мукаррам.

Шуршит лиловый плотный шелк,
Как дым струится желтый газ,
А пальцы тонкие — щелк-щелк,
А звонкий каблучок — чок-чок,
А диковатый пламень глаз
То вспыхнул, то опять погас.

Закружится цветной подол —
И розы осыпают дол,
Закинется цветной рукав —
И ласточки летят стремглав,

А хлопок за ее спиной
Блестит молочной белизной.

А остановится — и краски
Сгорят, как в пурпуре листва,
И сердце замирает в страсти
Неведомого волшебства,
И два миндалевидных глаза
Глядят из-под раскосых век,
Как два тигринные топаза
С обрыва неоткрытых рек.

И Мукаррам неторопливо
Идет, браслетами звеня,
И высекает, как огниво,
Косые искры из кремня.

Гремит дойра, гудит дойра:
— Пора в полет, пора, пора!

В ШКОЛЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Что за диво
классная доска
по сравненью с фрезерным станком!..
А ему вот —
легче у станка:
каждый винт в станке ему знаком.
А у гладкой грифельной доски
парень отчего-то трет виски,
отчего-то крутит в пальцах мел,
отчего-то топчется, несмел.
Хитрая механика доска!
Поначалу глянешь —
пустяки.
Ни винта.
Чего там! — ни сучка.
А писать начнешь —
одни сучки.
И пренеприятнее всего —
толком не додумаешь порой,

почему сучки да отчего, —
и... давай рубить их топором.
Наломашь дров, а все не впрок.
Впору уж отчаяться с тоски:
лучше-де на сутки за станок,
чем минуту «плавать» у доски.
А потом одумаешься враз,
вспомнив ту свирепую слезу,
некогда упавшую из глаз
на неукротимую фрезу...
Даже покраснеешь со стыда.
«Эка ж ты, действительно, раскис!
Со станком сумел вот совладать —
так неужто сдашься у доски?»
И такая злость тебя возьмет,
что и не заметишь даже сам,
как работа спориться начнет,
как легко становится писать.

РУТА

Что моряку дороже
Морских дорог?

В любимый томик вложен
Засушенный цветок,
В годах не обесцвечен,
Прошел со мной войну...

И вспомнится
Тот вечер,
Лишь на цветок взгляну...

Над крышей
 грома грохот,
За окнами темно.
Дождь пригоршнею вздохов
Шарахнулся в окно.
Над керосинкой дымной
Готовится обед.
Моей гостеприимной
Хозяйке
Девять лет.
Литовочка Данголе,
Приняв серьезный вид,
Как научили в школе,
По-русски говорит.
В свои тетрадки глядя,
С дуршлагом на весу
Бубнит:
— Товарищ дядя!
Я вам поджарю суп!

От жареного супа
Спокойней на душе.
А ливень
В окна лупит

Из полночи уже.
Ведь вот какое дело —
Никак мы не заснем...

И девочка запела
На языке своем:
«Nupinsiu vainiką,
Nupinsiu iš rutu zalių,
Ir tau pasakysiu,
Kad tave tik vieną myliu...»¹

Шикарнейшая дайна!²
Но темен смысл,
Так вот,
Хозяюшка, ты дай нам
По-русски перевод!

Ни слова по-литовски
Не понимает гость.
Загвоздка!
Под прической
Не сыщешь слов,
Хоть брось!
Глазенки в книжку пялятся,
Но толку нет пока, —
Не высосешь из пальца,
Не снимешь с потолка.
— К соседям загляни-ка! —

¹ В русской транскрипции строфа выглядит так:

«Нупинсю вайника,
Нупинсю иш руту жалою,
Ир тау пасакисю,
Кад таве тик вена милю...»
² Д а й н а — песня (литовск.).

Девчонка сбилась с ног:
— Литовская vainiką
По-русски есть венок. —
Там домysel,
Там книга,
Там взгляд,
Там жест помог. —
«Nurinsiu vainiką» —
Совью венок.
А что строки касается:
«Nurinsiu iš rutų žalų» —
По-русски получается:
Из руты зеленой совью.
Понятно.
Только... рута...
Вот слово!
Как на грех,
Не сыщем почему-то
В толстенном словаре...

Не сыщем!
Разбери-кось!
Тя-же-лый перевод!

То пальчик ткнется в фикус,
То темя поскребет,
То карандаш помучает,
Склонившись над листом,
Рисует мне
Ползучее,
Зеленое,
С хвостом...

— Нет, не пойму, Данголе!
Данголе, не пойму!

Наморщив лоб до боли,
Дверь
открывает
в тьму.

Куда?
Пропала.
Нет ее!
(Нашлись, поди, дела!)
Под ливнем?
Неодетая?
В грозу?
Смела! Смела!

Шагает между тем она
В сосняк, где молний взмах,
К разгневанному Неману,
Шипящему впотьмах...

Куда, скажи на милость,
Пропала егоза?
Данголе возвратилась
Лишь через полчаса,
До ниточки промокла:
— Вот, дядя, rūta čia!¹ —
С цветком
ручонка
около
Моего плеча. —
Čia rūta, дядя Игорь...

Шли годы.
Не поблек,
Вот он —
В любимой книге
Засушенный цветок...
Раскрою том поэта
И на цветок взгляну,
И вспомню
Утро это,
Открывшее войну,
И взрыва
столб

на поле,
Горячий ветерок
В тех травах,
Где Данголе
Не доплела венок...
Там капли
В тонну весом
Швыряла вниз гроза.
Багровая
Над лесом
Дымилась полоса...

А годы шли,
В которых,
Мы помним,
Вновь и вновь

¹ Čia rūta — здесь рута (литовск).

Корежил
руту
 порох
И обжигала
Кровь.

Идут десятилетия...
Вот он,
Что кровью взмок,
У друга в партбилете
Такой, как мой, цветок...

И вспомню я округу
И путь к тому холму,
Где пуля
Сердце другу
Пробила моему...

Что дорого мне,
Кроме
Моих морских дорог?

Вот он,
В любимом томе
Засушенный цветок.
И жалко почему-то
До слез, мои друзья,
Что слово это —
Rūta —
Перевести нельзя.
В нем песня!
В нем поэма!
Что рута?

Знай же всяк:
Высокая эмблема,
Девичьей
 чести
 знак!
И есть такой обычай —
Из чистых рук девичьих
Цветок здесь этот дарят
Не каждым и любим:
Получишь руту, парень, —
Так знай,
Что ты любим!

Краса любого сада
В Литве —
Повсюду он,
Цветок зеленый свадеб,
Крестин
И похорон.
Он в горе
И веселье
Жизнь украшает нам,
Он и зимою
Зелен,
Под снегом
Свеж и прям.

Что роза,
Что гвоздика, —
Другой цветок люблю!
Nupinsiu vainiką,
Nupinsiu iš rūtų žalių!..

Алла СТРОЙЛО

* * *

Мне хотелось бы песню,
как голубя, бросить
В эту бездонную
теплую просинь.

Пусть не вернется
та песня ко мне,
Сыпьте ей зерна
на каждом окне...

* * *

В шкафу висят неделями
Выходные платья,
Мнутя от безделья —
Праздник не проспять бы!
Свесившись с плечиков,
Сплетничают,
сплетничают,
С пиджаками кокетничают,
Разговоры перевирают,
Кавалеров перебирают
И все хорошее в моей судьбе
Приписывают себе!

А платье самое нужное
Ночует на спинке стула,

С утра оно отутюжено,
К вечеру снова сутуло.
Для модниц, увы, не находка,
Все в нем слишком обычно,
Но моя у него походка
И мои у него привычки,
И со мною одна забота —
Раньше встать
да попозже лечь,
И работа,
работа,
работа,
Пока не свалится с плеч.

НОЧНАЯ УЛИЦА В РИМЕ

В кронах царственных римских пиний
Сединой серебрится иней.
Бродит шалый хмель по столам.
Смех с рыданиями пополам.
Ржут горластые трубы в баре.
А за баром, на тротуаре,
В беспощадном свете реклам,
Дрогнув девушки по углам.
С жалким шиком они одеты.
Каблучки их, как кастаньеты,
Как клыки голодных волчат,
Торопливой дробью стучат.
— Прикури у меня, мужчина!
Посмотри на меня, мужчина!
Ночь длинна.
Холодна.
Я одна.
Голодна.

Сонно крутится пестрый глобус.
В стойле спит усталый автобус,
И трамвай возникает вдруг
В белом ливне вольтовых дуг.
Опустели ночные бары.
Растворились в подъездах пары.
Канцонетты давно пропеты,

Но упорные кастаньеты,
Как клыки голодных волчат,
По пустой мостовой стучат.

— Появись, как во сне, мужчина!
Наклонись ты ко мне, мужчина!
Ночь темна.
Холодна.
Я одна.
Я бедна.
Я одна. . .
Голодна. . .

В млечном море необозримом
Бледный месяц плывет над Римом.
Гаснет свет в последнем окне.
Древоточцем в старой стене
Каблуки стучат в тишине.
Пляска бликов на потолке.
Зябко ежится ночь-калека.
Скомкан влажный платок в руке.
Каблуки, как клыки волчат,
Все стучат, стучат и стучат.
Это бьется в ночной тоске
Сердце маленького человека.

ИСКОПАЕМЫЕ

Отрещали крылом птеродактили,
стала отгиском

кость позвонка.

В камень канули ихтиозавры. . .

Сколько чудищ

смололи века!

Человек появился — их не было:
быть не может их разом со мной.

.. Я живу между книг и мебели,
за нейлоном гардины сквозной,
внемлю клавишам Клайберна в зале, —
но шуршат чешуею стальной
птеродактили, ихтиозавры,
дышат

чудища

разом со мной.

Ящер ядерный

новой модели,

мезозойскому пугалу брат,

с океанского дна, принацелясь,

пустит в небо ракетный снаряд.

Но радарами с горных вершин

над водою летящий

заметится.

Где-то лампы и токи замечутся

лихорадочных счетных машин,

и вспорхнут перехватчики.

Вырвут

целый город из пасти шальной. . .

Ископаемые

вымрут.

Быть не может их

разом со мной!

В ПУТИ

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.

Над полосой отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как в плоскодонке сновиденья
Большие крылья на реке.

И в желтом колыбельном свете,
У мироздания на краю,

Я по единственной примете
Родную землю узнаю.

Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.

И осторожно, как художник,
Следит проезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

* * *

Встали хлопцы золотые
И покинули село,
Порешили за кордоном
Деву-Лебедь добывать.
Научи меня, Россия,
Прядать ястребом в седло
И в тулупчике казенном
С Первой Конной бедовать.

Ух, дороги столбовые,
Кизяковый сладкий дым!
Наши мазанки да срубы
Колесом пошли на слом.
Научи меня, Россия,
Тем свистящим и взрывным,
От которых ломит зубы
И язык стоит колом.

Здравствуй, Катенька-невеста,
Степь родная без жилия.
Верный конь, врагу не выдав,
Душу выручил в бою.
Посреди певцов мне место,
Стану в очередь и я,
Пусть поет Денис Давыдов,
Кончит песню — я спою.

Буду акать, буду окать,
Катю-степь возьму под локоть,
Конь пойдет подковой цокать,
Ёкать селезенкою.
Научи меня, Россия,
Лапать будяки степные
И под выстрелы сухие
Подходить сторонкою.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

СНЕГ

Белый, белый хрустящий снег,
Ты белее всего на свете.
Согревает твой пышный мех
И поля
И березоньки эти.
Снег,
Слетающий с высоты,
Блеск даешь ты вершинам горным.
Но нередко бываешь ты
То багровым,
То черным-
Черным!
...Черный снег дворов заводских,
Тощий снег городских кварталов,

Сколько копоты в легких твоих
И морщин на щеках твоих впалых!
...Скорбный снег фронтовых могил
И сражения снег багряный,
Позабить тебя нету сил —
Ты запекся кровавой раной.
Говорю я от имени тех,
Кто за жизнь на земле в ответе:
— Ты не будешь кровавым, снег,
Ты и черным не будешь, снег,
Только белым ты будешь, снег,
На цветущей моей планете!

ОБОРВАННОЕ ДЕТСТВО

Мальчишка раненый лежал в землянке.
Его фашистский коршун подкосил.
Из медных гильз да из консервной

банки

Сержант мальчонке пушку смастерил.
Такой забаве все ребята рады,
А этот
Вскинул отрешенный взгляд
И выдохнул:
— Игрушек мне не надо.

Коль буду жив,
То дайте автомат! —
Лицом к лицу он встретил

с малолетства

Войну,
Что навязали нам враги.
Он вырос.
Но оборванное детство
Болит, как пальцы отнятой ноги.

* * *

Опять апрель.
И синева без края.
И жизнь бурлит,
Светла и молода.
И творчества
Реакция цепная
Стареть душой
Не даст нам никогда.

А если умирать,
То среди дела.
Чтобы друзья
И недруги твои
Могли подумать:
«Жизнь твоя сгорела,
Войдя в полете
В плотные слои».

Дина ТЕРЕЩЕНКО

* * *

Я люблю мороз скрипучий,
Белый яблоневый цвет,
Небо в звездах, небо в тучах
И крадущийся рассвет.

Я люблю дожди и грозы,
Звездопады над Москвой
И февральские заносы,

Жаркий полдень городской, —
Все люблю!

Весну и лето,
Ледостав и листопад.
Это жизнь.
Движенье это.
И природы вечный лад.

ЗЕМЛЯ

Ухо к земле приложи —
Слышишь,
Как она дышит?
Полною грудью дышит она,
Все отдала людям.

Все — до былинки,
Все — до зерна.
Силы теперь набирать.
Будет.

Николай ТИХОНОВ

ГРУЗИИ

Весь облик Грузии любимой,
Он стал другим в сознание жить,
И тучи мчатся мимо, мимо,
Чтоб небо жизни не темнить.

Легли широкие дороги
Там, где тропа меня вела
И среди дней счастливых многих
Моей попутчицей была.

Я счастлив был над речкой бурной
Увидеть после гроз ночных
Небес грузинских блеск лазурный
На листьях, в каплях дождевых,

Где домики, подобно сотам,
Лепились дружно по горе.
Я рад был людям и высотам,
Пылавшим в снежном серебре,

Прохладе векового леса,
И вихрю пляски огневой,
И первым выступам ЗАГЭСа,
При мне встававшим над Курой.

Я видел стены в древней славе,
Грузинской новой славы дни
И цехи первые Рустави,
Тбилиси новые огни,

Твои дела, твое величье
Высоких, знаменосных дней,
Где самый воздух был насыщен
Огнем поэзии твоей!

Незабываемой весной,
В полях идущей под Москвой,
Он вновь горит передо мною,
Весь обновленный облик твой!

* * *

Из давних в Грузии скитаний
Я вспоминаю день один:
Мы шли в Орбели из Альпани
Тесниной краше всех теснин.

Здесь воды синие искрились,
Их легкий ветер оведал,

Все зеленело — мы дивились
На этот маленький Дарьял.

И мы забыли время года,
Казалось, все вокруг цветет,
И мы дышали, как природа,
Тем малым раем в плеске вод.

А вот теперь в теснине этой
Плотины грозной высота, —
Чтоб дать стране потоки света,
Вся Ладжанури заперта.

Могучим падает каскадом
Томящийся в теснине вал,
А ты стоишь с каскадом рядом:
Он кончен, маленький Дарьял.

Не ветер легкий овевает —
Вихрь пенных брызг навстречу бьет,
Здесь прошлое в пучине тает
И гром грядущего встает.

О Грузия, твоим красотам
Опять, как прежде, нет числа,
По созданным тобой высотам
К вершинам века ты взошла!

МОСКВА РАБОЧАЯ

Я богом
чувствую себя
на старой пятитонке,
на груди разного сырья
с моим коллегой Колькой.

Мы люди грубого труда,
мы грузчики —
и только.
Но как нужны мы городам,
но как дружны мы с Колькой!

Мчим по Садовому кольцу
в машинном том потоке,
где ветер
хлещет по лицу,
садится пыль на щеки.

Дома плывут над головой,
бегут громады вывески:
аптека,
мебель, —
путь прямой:
с Колхозной мчимся к Выставке...

Вот разгрузились.
И опять
летим Москвой рабочейю —
бетон
и доски обгонять
и трубы водосточные...

Торчат с трехтонки
трубы те,
привязанные круто...
А на другой
черней чертей
везут ребята уголь.

А вам знаком
такой покой:
Уют машины грузовой,
Работа вместе с другом?

Гремит рабочая Москва
в машинном шуме,
гаме.
Привет тебе,
Москва моя,
вот этими стихами.

САНЬКА-ЦЕЛИННИК

Все началось великолепно
В его мальчишеской судьбе:
Он не торчал у касс билетных,
Не отвоевывал купе.
Для взрослых в тяготу поездка,
А что ему? Ему давно
Под материнским сердцем место
На девять месяцев дано.
Лишь в поезде, сердясь, наверно,
На то, что скрыто все окрест,
Он пяткой выразил свой первый,
Зато решительный протест.
Потом, не видя совершенно
Ни степи, ни дорог на ней,
Он лишь учуял запах сена
Да качку легкую саней.
Учуял он, что бьют копыта,
Что лошадь мчится по снегам,
Что счастье лошади прибито
Гвоздями к четырем ногам.
И, словно к чьим-то именинам,
Степь скатертью стелилась вся...
Тогда безбожник мой целинный
Не вытерпел и родился.
В пахучем сене, а не в спальне,
В санях дорожных — не в дому,
И стала бабкой повивальной
Степь, незнакомая ему.
И даже лошадь без участия
Не отнеслась к нему. Она
Стояла и подковой счастья
Перебирала имена.
Но сколько б — согласитесь сами —
Снег под санями ни долбить,
Здесь, кроме «Саньки» или «Сани»,
Другому имени не быть...

...Уже пять лет, как стали домом
Для Саньки степи и луга,
Вот он, хитрющий и бедовый,
Готовый к черту на рога!
Еще не куплены игрушки,
И мамка Санькина меж тем
Ему дала свои веснушки,
Не поиграть, а насовсем.
А остальное сам он добыл!
Уже в четвертую весну
Он у ближайшего сугроба
Забрал на зубы белизну
И меж косилок-молотилок,
Раскрыв однажды пятерню,
Себе прилепнул на затылок
Миллиметровую стерню...

Лежит в степи совхоз

«Двуречный».

А на окраине его
Стоит в торжественности вечной,
Скульптурой славы трудовой,
Бессмертным и застывшим фактом,
Уже прославившим страну, —
Стоит на пьедестале трактор,
Здесь поднимавший целину.
И каждый день одна картина:
Мальчишки носятся гурьбой,
Все норовят пролезть в кабину
И двинуть трактор за собой.

Я б на соседнем пьедестале,
С могучим трактором в ряду,
Те сани Санькины поставил
У всей вселенной на виду.

НА ПОЛЕВЫХ ЦЕЛИННЫХ СТАНАХ

На полевых целинных станах
Вагончики и тут и там,
Как делегаты тех составов,
Что нынче мчатся по путям.

И в тех вагонах бесколесных
По вечерам дорожный быт:
И дым клубится папиросный,
И кто-то бродит, кто-то спит,

И кто-то письма пишет другу,
Мурлыча песенку без слов,

И у стола, забившись в угол,
Сидит компания «козлов»,

И, как в вагонах на дорогах,
Звенит гитарный перебор,
И за окном и за порогом
Луны зеленый светофор.

...Далекий уголок Отчизны.
Но даже здесь, через сердца,
Она идет, дорога жизни,
И нет ей края. Нет конца.

СУДЬБА РОССИИ

Грачи галдели,
было половодье,
светились ветлы пухом золотым...
Его назвали ласково
Володей
и любовались лобиком крутым.
Ночами в окнах
вздрагивали стекла,
в них барабанил ветер озорно.
Ребенок спал,
тяжеленький и теплый,
как спит до срока
в борозде зерно.
Уже в нем силы зрели
и бродили,
готовые пласты веков
поднять.
А в гости сослуживцы приходили,
хвалили сына,
поздравляли мать

и, постояв у колыбели чинно
по вежливой традиции гостей,
вновь говорили —
о делах мужчины,
а женщины
про жизнь и про детей.
Как дальше будет? —
думали-гадали,
предполагали, спорили,
а там
чай допивали, пироги съедали,
спохватывались:
надо по домам!
— Нет, нет, не провожайте нас! —
просили
и уходили в суетные дни,
не понимая,
что судьбу России
уже воочью
видели они.

О НЕПОМЕРНЫХ ПРИХОТЯХ ДУШИ...

Да, и они под стол пешком ходили
и палочки чертили —
малыши.
И, может быть, им строго говорили
о непомерных прихотях души.
Нет, не в таких, конечно, выраженьях,
в словах, доступных детскому уму:
дескать, учи таблицу умноженья,
а выдумки все эти

ни к чему!
И плакались впоследствии знакомым:
— Упрям, хоть кол на голове теши! —
твердя в негодовании законном
о непомерных прихотях души.
Нет, не в таких, конечно, выраженьях
велся их наболевший разговор:
— Давно бы мог добиться положенья,
а он чужак какой-то, фантазер!

ВДОЛЬ АМЕРИКИ, ВДОЛЬ АФРИКИ

Вдоль Америки,
вдоль Африки
в глубину
и в тишину
наши красные
кораблики
отбывают
на Луну.
Между кратерами
лунными
тенью
корабли плывут,
с облачками
тонкорунными
нам привет передают.

Камерой
фотографической
шарят
в кратере глухом.
Что же ты,
мой друг лирический,
все хлопчешь
о своем?
Что же ты,
моя красавица,
все от главного
вдали, —
разве небо
не касается
нашей маленькой
Земли?

РЫСЬЯ ШАПКА

Что за парень в рысьей шапке,
Узкими сверкнув глазами,
С катерка на дебаркадер
Так уверенно сошел?
Не шепчитесь вы, девчата!
Может, он вскормлен лесами,
Может, парень в рысьей шапке —
Сам таежный комсомол.

А откуда эта шапка —
Расскажу вам по секрету.
По тайге шагал с собакой
Этот крепкий паренек.
Дробь не крупная в патронах.
Дробь-то есть, да дичи нету.
Вдруг залаяла собака.
Парень — палец на курок.

На него смотрела с ветки
Рысь. Что для таежной кошки
Дробь не крупная! Он медлил.
Сердце жить хотело. Жить!

И решил — движеньем плавным
Разрядил патрон умело.
Прямо в душу рысь глядела.
Кто кого заворожит?

Парень с гневными глазами
Дробь засыпал покрупнее,
Взвел курок все так же плавно
И ударил — в грудь попал.
Видно, он таким родился,
Видно, смерти он сильнее.
Верит сердцу и не верит
Ни шаманам, ни попам.

Где взметнулись к небу скалы,
Где монахи в кельях лгали
Про загробное спасенье,
Где чадил их свечек воск,
Этот парень в рысьей шапке
На уступах каменных
Возведет тебя, огнистый,
Юный город Дивногорск.

Василий ФЕДОРОВ

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

художника И. Игина.

Мы постареем.
Может статья,
Мы слишком рано поседем,
Но мы, по совести признаться,
Претензий к жизни не имеем.

С отцами
Не были мы в ссоре,
Что приняли от них не рай.
Мы жили.
Радости и горя —
Всего нам было через край.

О, сколько нужно сил весенних,
Чтоб оказалось по нутру

* * *

При всех тяжелых потрясениях
Стоять на мировом ветру!

Через соленые моря
Людской крови,
И слез,
И пота
Мы путь прошли от букваря
До межпланетного полета.

И пусть нас недруги корят,
И пусть пророчат нам забвенье.
Мы жили.
В поздних поколениях
Еще о нас поговорят.

МОРОШКА

Пустынно.
Ни тропинки.
Ни дорожки.
Замшелые холмы
Как волны в шторм,
И запах подмороженной морошки
Напоминает что-то...
Что же?
Что?

И тучи,
И гагары слезным криком,
И солнце погасающим лучом
Напомнили о чем-то о великом,

О чем-то скорбном...
Но о чем?
О чем?

Да, да, морошка...
Поданная с ложки...
Представил, как в боренье с немотой
Померкший Пушкин попросил

морошки,

Вот этой самой,
Кисленькой, немножко,
Вот этой самой,
Скромной и простой.

И, глядя
На полярную зарю,
Сказал я тундре,
Что вокруг лежала:

— Благодарю.
За то благодарю,
Что в смертный час
Его ты утешала.

ГУСИ

В те дни,
Когда горят леса
Огнем нежарким увяданья,
Когда разбудит небеса
Гусей залетных гоготанье,
Когда гортанный, дикий звук
Внизу гусынь встревожит важных,
Тогда
Стада
Гусей домашних,
Волнуясь,
Сходятся на луг.

Здесь, на лугу,
Как в смутном веке,
Они шумят,
Они галдят
И машут крыльями в разбеге,
Как будто тоже полетят.
Но сытым небо не дается,
И, пошумев какой-то срок,
Идут домой...
И раздается
Гусынь довольный гоготок.

„СЕРП И МОЛОТ“

Печами озаренный
Храм труда,
Завод — творец
Высокосортной, стали,
Да будет славен давний год,
Когда
Тебя «Серпом и Молотом»
Назвали.

Дни трудных дел
Не поросли быльем,
Когда по воле партии впервые
Ты стал большим,
Могучим кораблем
В эскадре
Нашей новой индустрии.

В неугасимом зареве небес
Своим литьем
И тоннами проката,
Как ветеран,
Ты поднимал когда-то

Магнитогорск,
Турксиб
и Днепрогэс!

Отчизна это не забыла, нет!
Прекрасен труд
По ленинской программе.
И вот другая летопись побед
Развернута сегодня перед нами.

Великим семилетием живем.
Народ одобрил планы и задачи.
Народ решил,
А все величье — в нем.
Сердца строителей
Любых марتنенов жарче.

Народ желанной целью окрылен.
Приумножая
Опыт свой и навык,
В цехах берем
В грядущее разгон —
Оно виднее в озаренье плавок.

МАЯКОВСКИЙ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Владивосток!
Владивосток!
К нему,
Нам грея души,
Не тысяча ль ведет дорог
И по морям
И сушей?
К нему я шел на парусах
По знакам зодиака
И сердце в гавани бросал,
А не холодный якорь.
Есть в нем особенная статья,
Мужской задор матросский!
Недаром по нему шагать

Так любит Маяковский.
Он не на книжных полках здесь —
От тома и до тома
Он у братвы матросской весь
Живет в руках, как дома.
Во многом здесь его масштаб
И по плечу работа.
Тому примером взять хотя б
Рост грузооборота.
Или артемовских углей
Промышленные смеси.
Иль океанских кораблей
Голубые рейсы.

ПРОСЬБА

Когда и я за караваном
Уйду в ту ночь, что всех темней,
Я скифским золотом курганным
Останусь в памяти твоей.
Твой день без ночи будет долог,
И ты продолжишь светлый путь.
Как знать?

Быть может, археолог
Пленит тебя, и где-нибудь
На перехлёстке ваших тропок
Он станет голубя нежней...

Не разрешай ему раскопок
В душе и в памяти твоей.

Владимир ФИРСОВ

О ГОРДОСТИ

Нам гордость не пристало обходить.
Мы дружим с ней которое столетье!
Забитые,
Исхлестанные плетью,
Мы все-таки умели гордо жить...
Мы гордости учились у отцов,
Прошедших дыбы, тюрьмы,
баррикады...
И нам ее вручали как награды
Потомки бесшабашных гордецов.

Мы гордостью поделимся с детьми,
Чтоб в их руках
Не меркло наше знамя,
Чтоб знали наши дети:
Черт возьми! —
Без гордости
Мы б не были людьми,
Без гордости
Мы были бы рабами!

КОЛХОЗНОЕ ТАКСИ

Эх, зима!
Зима — не лето,
Дело всем известное.
Прокачу до сельсовета
Жениха с невестою.
Сани.
Сена по колено.
Белый снег глаза слепит.
След саней усыпан сеном,
Снег под полозом скрипит.
Мчатся кони по морозу,
Кони косоглазые...
Приморозило березу
К молодому вязу!
Таёт солнце в небе синем.
Ну-ка, кони, поскорей!
То ли пена,
То ли иней
На губах седых коней.

Эх, скорей бы уж до места!
Пролетаем улицей.
За моей спиной невеста
С женихом целуются...
Доля, доля!
В самом деле,
Доля горькая моя, —
За последние недели
Оженились все друзья.
Эх ты, доля!..
Ну, да ладно,
Ну, да ладно —
Выноси,
Выноси меня, бесплатное
Копытное такси!..
А невеста ловит ветер
И от счастья чуть жива,
Хоть летит и не в ракете,
А кружится голова!

Неярким светом
Вспыхивает лампа,
Негромкие
Пропели петухи...
Опять пишу
Традиционным ямбом
Весьма традиционные стихи.
Пишу о том,
Что выметалась рожь
И над дорогой пыльною нависла.
И рифмы-то какие: рожь — хорош, —
Лишенные
Новаторского смысла.
Новаторство,
Приди ко мне!
Я раб!
Я весь в плену традиционной рифмы,
Веди мой древний дремлющий
корабль,
Минуя поэтические рифы.
И выведи
Туда, где есть вино,
Где море

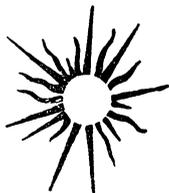
И богатые базары...
О чем писать?
Да это все равно,
Лишь только б рифмовать
Базар с бальзамом.
А если так,
То я не утону
Ни в море,
Ни в созвучиях согласных.
Грамматика?
Да ну ее, да ну!
Новатору грамматика опасна.
И проживу за здорово живешь,
Считаясь модным,
Ищущим поэтом...
А где-то будет колоситься рожь
И лен цвести голубоватым светом,
А где-то будет добрая гармонь
Легко мехами раздвигать туманы,
Пока не вспыхнет
Заревой огонь,
Перемахнув
Днепровские курганы.

ЯСНОСТЬ

Говорят, нет ничего яснее
Солнца, озарившего простор,
Неба, что раскинуло шатер,
И воды, что утром розовеет
В чашах непроснувшихся озер.

Но и небо и вода едва ли
Так чисты, кристальны и ясны,

Как святая цель моей страны,
Совесь тех,
Кто мир отвоевали,
Мысли тех,
Кто мир хранить должны.

О СИБИРИ

У всех «сибирские тетради»,
У всех «сибирские стихи»,
А ты живешь, обидно тратя
Душевный пыл на пустяки...

Ох, сколько раз меня стыдили
Примерно так — на тот предмет,
Что не приметил я в Сибири
Ее «особенных примет».

А что отвечу?
...Рано-рано
Рассвет рождается в окне,
И тень от башенного крана
Уже сломалась на стене.

Электросварка заплескала
Тревожным синим огоньком,
И мой будильник запоздалый
Захлебывается звонком.

И я
В гуденье и сверканье,
Как землешапка на межу,
На ежедневное свиданье

С моей Сибирью
Выхожу.

Сибирь — горячая поковка,
Дымящаяся борозда...
Не мода, не командировка,
А просто жизнь. Судьба. Звезда.

Сибирь — пшеничные квадраты,
Снега белее простыни,
И образцовые кварталы,
И взветренные пустыри.

И общежитья молодежи.
И презирающие лесть
Мои друзья. И сам я тоже,
Хорош ли, плох, такой, как есть.

Я здесь живу, и здесь мечтаю,
И сам леплю свою мечту,
И с каждым домом вырастаю,
И с каждой яблоней цвету.

Здесь торжествую, и горюю,
И нетерпением горю...
Когда о жизни говорю я —
Я о Сибири говорю!

ИЗ ЦИКЛА „СВИДАНИЕ С АФРИКОЙ“

АФРИКАНКА

По Конакрí легко ступает женщина,
Неся на голове плодов корзину,
Как бы дарами тропиков увенчана,
Величественна и неотразима.

В корзине — маниоки с артишоками,
Бататы, манго и орехи кола...
С авоськами ручными и кошелками,
Пожалуй, африканка незнакома.

Идет, февральским зноем прокаленная,
Обтянута ярчайшей томкой тканью.
И груз нелегкий кажется короною,
Колышущейся в солнечном сверканье.

А за спиной покойно, как
в колясочке,
Качаются двойняшки, всем на зависть,
На этот мир, большою
и многокрасочный,
Глазами удивленными уставясь.

Их волосы, курчавые и жесткие,
Заботливо расчесанные мамой,
Уложенные черными бороздками,
На голове топорщатся упрямо.

С такую кладью не пойдешь
вразвалочку.

И мать шагает, гордая, прямая,

Грызая ароматическую палочку,
Всю улицу улыбкой озаряя.

Подтянутая, стройная, как струночка,
Белками глаз поблескивает огненно.
Давно я, к сожалению, не юноша,
А поравнялся с ней — и сердце
дрогнуло.

Не огрубели плечи эти черные, —
Должно быть, им неведома
усталость, —
И руки, как в девичестве, точеными,
Точеными и гибкими остались.

А ведь пришлось ей в жизни
помытарствовать.
Но в ней, навеки выпрямленной ныне,
Всё — от богини, шествующей
царственно,
И ничего — от сломленной рабыни.

Идет она, не согнутая ношею,
В тени деревьев, в изумрудной раме.
И даже за спиной у ней не прошлое,
А будущее с ясными глазами.

ГВИНЕЙЦЫ ИЗУЧАЮТ АЗБУКУ

Температура — тридцать градусов.
На свежий вечер не надейся.
Но в школе, улыбаясь радостно,
Сидят за партами гвинеицы.

Здесь все, чего коснешься, влажное.
Давление на нижней точке.
Но у людей занятие важное,
Не признающее отсрочки.

Урок идет в просторной мазанке
Под плоской тростниковой крышей.
Здесь постигают тайны азбуки,
Класс осветив «летучей мышью».

Меж тем на улицу низринулась
Лавина африканской ночи.
Цикады, как везде незримые,
Здесь не стрекочут, а грохочут.

Над океаном — дужка месяца,
Лежащая горизонтально.
Огни судов на рейде светятся,
Таинственно чернеют пальмы.

Ночным отливом воду сдунуло,
В песке валяется пирога.
И вдалеке дорожка лунная, —
Нет, широченная дорога!

А в школе — фонаря мерцание.
И пионер — задание важное! —
Свои бесхитростные знания
Сполна передает согражданам.

Он произносит с расстановкою
Слова весомые, горячие.
И все, увлечены диктовкою,
Выводят слог за слогом начерно.

И на ведущего занятия
Взирают старики с доверьем.

Детей укачивая, матери
В чернила окунают перья.

Подросток в пионерском галстуке,
Глазастый, тощий, темнокожий,
О, если б только догадался он,
Как близок мне, как мы с ним схожи!

Я помню Киев, детство давнее.
Тот год навеки в память врезан.
В отряде получив задание,
Я тоже вел кружок ликбеза.

И пожилые люди плакали,
Когда внезапно прозревали.
Разглаживались их каракули.
«Мы не рабы», — они писали.

...Сквозь годы, через расстояния,
Дыша тропической ночью,
Начало жизни, годы ранние,
Я снова увидал воочью.

Идет урок в просторной мазанке,
И, добрым следуя примерам,
Гвинейцы изучают азбуку
Под руководством пионера.

Гвинея
Февраль — март 1961 г.

ГАЗЕТНЫЕ СТИХИ

Молчат стихов газетных вырезки,
Желтея, в папках увядают.
Поэты их, в архиве выискав,
Однако, в книги не включают.

Должно быть, устарели многие
Иль поначалу были слабы.
А все ж и эта антология
О многом рассказать могла бы.

Пусть не у всех они на памяти,
Но эти строфы любовые
Впервые славили папанинцев,
Воспели Чкалова впервые.

В одних — боев дыханье грозное,
В других — восторженные краски.
Одни в горящем Бресте созданы,
Другие — в строящемся Братске.

То праздничные, то суровые,
Они несут событий бремя,
И в них, простых, неотшлифованных,
Законсервировано время.

Не зря служили им основой
Сообщенья ТАСС, решенья съезда.
Стихам в рождающемся номере
Частенько не хватало места.

Их подвергая сокращению,
Ночной редактор наспех портил.
Но ветераны тем не менее
Остались в боевой когорте.

Стихи газетные, горячие!
В них беспокойной жизни сгусток.
Не для гурманов предназначены,
Они как черный хлеб искусства.

Они, напором лет не сломлены,
Порою даже безымянны,
Ведут большую родословную —
От «Окон РОСТА», от Демьяна.

Они всегда таскают тяжести,
За крепостью штурмуют крепость.
На их плечах, рабочих, кряжистых,
Стоят и Лирика и Эпос.

КЕПКИ И КОСЫНКИ

День лучистый.
В небе столько синьки,
Что смотреть не щурясь не могу;
Девушек узорные косынки
Треплет ветер быстрый на лугу
И цветов пестреющую россыпь,
Пробегая, трогает рукой...
Сочный клевер бойко режут косы,
Здесь и там звенят наперебой.

Затерялись юные осинки
У реки, в толпе густых берез.
Две бригады — кепки и косынки —
За прокосом делают прокос.
Пахнут травы вяленые терпко,
Роем пчелы в воздухе снуют.
Косят, косят — оглянутся кепки,
А косынки снова тут как тут.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
художника И. Игина.

МУЖИЦКАЯ КОСТЬ

О мужицкая кость!
От ветров над полями,
тех,
что бьют вкривь и вкось,
солона моя память.
Это ты за Tobол
уводила топор.
И кедрач, сдав росу
Травам шуплым, сморенным, —
Ух! — ломался внизу.
Ух! — и пахло смоленным!
Перемёт натянув,
плавниками мне руки,
солнце ртом заглотив,
больно резали шуки.
На меня в гололедь,
рыжеглазый от злости,
на дыбах шел медведь
перещупать мне кости —
рухнул боком на ветки...
и, глаза наклоня,
Кость мужичья! В меня

ты заложена крепко.
Кость ушкуйничья,
ой,
весом в добрых полпуда, —
ты калена жарой,
ты клеймена простудой.
Я — в родню как-никак,
Я живу без печали.
Я хожу,
о косяк
задевая плечами.
Я хожу —
нипочем
капель гулкие дыни.
Я толкаю плечом
в речку
с радугой ливень...

СНЕГИ

Там, где заячьи следы
лежат коронами,
тают снега
под полозьями калеными.
Их, что возле подоконников
не тают,
вьюги щучьими хвостами
подметают!..

С малых лет
меня качала мать-метелица,
и слюну роняла
в люльку мне медведица.
Надо мною,
как на синей карусели,
звезды
шишками еловыми висели.

Видел я,
как с двух боков — язями —
ночью к месяцу
сосульки примерзали.

Малышом меня
на речке на Копале
в дымной проруби
родители купали.
А потом жалели
веником и паром —
чтобы рос, как на дрожжах,
здоровым парнем!
Чтоб в любую гололедицу
был жёвым,
чтобы рысью да галопом —
кровь по жилам!
— Будет Муромцем! —
и по спине стучали.

А за ставней
звезды гретье скучали,
и за месяцем,
подбитым крепким пухом,
вьюга ползала
по снегу синим брюхом.

Как у нас в Опочках
бани за лесами.
Ходят веники-метели
за санями,
а на санях девки
ахами хворают —
в рукавицы звезды белые
хватают...
Обжигаются и дуют на ладони.
Как в Опочках парни
крепки в каждом доме!

СТРОИТЕЛИ

Испытанные прорабы,
Видавший виды народ.
Давно им осесть пора бы, —
Дорога опять зовет.

Нехитрые их пожитки
Зажаты в узлах тугих.
Машины по грязи жидкой
Везут вдоль поселка их.

Навстречу им — ветер резкий,
Предвестник больших дорог.
А в комнатах занавески,
Струится из труб дымок.

Украдкой вздыхают жены,
Деревья им вслед бегут.
Весною дубки и клены
Они посадили тут.

До станции путь немалый,
Ухабов в пути не счесть.
Хотя еще нет вокзала,
Начальник вокзала есть.

Он строго хранит молчанье,
Покручивает усы,
И важно глядит начальник
На кировские часы.

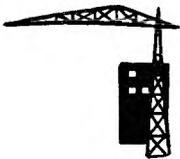
Мигнул зрачок семафора,
Осталось пять-шесть минут,
И вынырнет поезд скорый —
Рельсы уже поют.

А люди про все забыли,
К рельсам стоят спиной:
Поднялся будто на крыльях,
Вырос гигант степной,

И словно видят впервые
С вокзала, издалека,
Свои корпуса заводские,
Подпершие облака.

— Эх, вымахали громаду!
Во все, брат, глаза гляди!

...А рельсы бежали рядом
И таяли впереди.

ГАРИБАЛЬДИ В ЛОНДОНЕ

(Речь на завтраке у лорд-мэра)

Благодарю, благодарю за честь...
Прошу прощения — я должен сесть:

Нога болит от раны пулевой,
И каждый мускул будто неживой.

Я выслушал приветственную речь
И вижу ваш подарок: это — меч!

Подарком этим я немало удивлен:
Ведь я не Цезарь, не Наполеон.

Я не люблю военных ремесло —
Профессию, рожающую зло.

Простой крестьянин, а не генерал,
За дом родной я нынче воевал.

Бандиты ворвались в отцовский дом,
И я судил их собственным судом —

Снял со стены охотничье ружье,
Чтоб счастье жизни защитить свое...

Был в перестрелке, кажется, убит
Ворвавшийся в отцовский дом бандит.

Я не считал моих побед и бед
На протяжении многих тяжких лет...

Рубаха красная, надетая на мне,
Не знак пожара, не призыв к войне.

Ведь в этот алый цвет всегда одет
Крестьянской жизни трудовой рассвет.

Прошу прощенья, дамы, господа,
Я не солдат, я человек труда.

Вся жизнь моя — прямой тому пример.
Здоровье ваше, господин лорд-мэр!

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

На вербе с треском рвутся почки,
На речке лед трещит в ночи,
И гнезда выют без проволочки
На ветлах
Первые грачи.

А солнце бьет прямой наводкой
По снежным дзотам все сильней.

И с этой солнечной погодкой
Светлеют души у людей.

И летчик, словно пахарь дивный,
У всех проходит на виду:
Он на лошадке реактивной
Оставил в небе борозду.

ТАНЦЫ

Вовсю хрипящие пластинки
Забитых чуточку времен.
Мальчишек сбитые ботинки,
Девчонок первый их капрон.

Мне эти хитрости не новы —
И мы старались, как они,
От лампы тысячесвечевой
Держаться несколько в тени.

Кому, скажите, был не сладок
Тот миг, кому не довелось

Губами в шуме танцплощадок
Касаться девичьих волос?

Девчонки вздрогнут — видел кто-то! —
И оглянуться поспешат.
И если видел, скажут: «Что ты?!»
А нет — девчонки промолчат.

Потом, ни много и ни мало,
Над Осколом сидят в траве
До часу. Дома шепчут мамы:
— Всё танцы, танцы в голове...

Борис ШАХОВСКИЙ

ДУША НАСТУПЛЕНИЯ

Мы не дрогнем в бою рукопашном.
Мы пройдем по любой целине.
Наша молодость вечно бесстрашна,
С комсомольским билетом — вдвойне.

Комсомольцы — душа наступления.
Запевалы во все времена.
К стягу каждое поколение
Прибавляет свои ордена.

* * *

Есть юнцы,
Колотящие в грудь бесшабашно.
И ершится иной
за отцовским плечом,
что ему ничего
в этом мире не страшно,
Что ему никакая
война нипочем.

Он не видел,
как мы умирали поротно,
как в бою
кровоточила каждая пядь...
Дом в боях отстоять —
это очень почетно.
Только лучше его
от боев отстоять.

ПРИЗВАНЬЕ

Люблю, люблю разнообразье
Дорог,
природы,
чувств земных,
Рабочий день и каждый праздник
И все, что отличает их!

Судеб людских перипетии
Я постигаю для того,

Чтоб вспыхнули черты живые
При свете взгляда моего.

Всему придать свое название
И отделить добро от зла —
Неповторимое призванье,
Поэта сущего дела!

Виктор ЩЕПОТЕВ

КАШТАН

В московском дворе моем тесном,
ровесник ему,
старикан,
посаженный
кем-то безвестным,
живет
прямоствольный каштан.

Он
праздничной
люстрою-кроной
встал
выше пяти этажей.

В шандалах ветвей
исступленно
пылает
сто тысяч
свечей.

Пусть вешние
белые ночи
дарованы
землям иным,
я с самого детства
не очень,
признаюсь,
завидую им:
глаза приоткрою спросонок,
и словно давно рассвело —
так в мае
в моей комнатенке
от свечек каштана
светло.

НАД ПРОЕКТОМ ПРОГРАММЫ

Долго время бежало
К строкам и срокам этим,
Но я впервые, пожалуй,
Так позавидовал детям.

Детям... Да только ли детям!
Всем, кто меня моложе,
Которым под сорок — и этим
Я позавидовал тоже.

Да, позавидовал, каюсь!
Молча склоняюсь над газетой,
Строку за строкой пробегаю
С радостной завистью этой.

* * *

Не каждый стих зовет и греет.
Не в каждой строчке — свет зари.
Довольно ямбов и хореев!
Ломайте их, черт побери!

Но если выношено слово,
Еще не знающее мер, —
Оно само задаст размер,
И не захочется иного.

Зорий ЯХНИН

ГЕНКА С НАСОСНОЙ СТАНЦИИ

Генка гоголем ходит в поселке,
Он в работе всех прочих злей...
На руке у Генки

наколка:

«Счастья нет на земле».
Генка любит хвалиться — якать,
По субботам ходит на танцы.
На ремне на Генкином
якорь,

Хотя сам он
с насосной станции.

А мечтал паренек о флоте,
Упивался морскими «кинами»,
Не хотел он служить в пехоте,
Побороться хотел со стихиями,
Открывать острова,
на которые

Не ступала нога иностранца.
А пришлось
управлять моторами
Сухопутной
насосной станции.

...Енисей. Здесь, под самыми кручами,
Экскаватор вынул породу.

А со дна котлована
поручено

Генке откачивать воду.
В этом месте поднимется скоро
Напряженной плотины остов,
И гудят

вдохновенно
моторы,

Создавая
невиданный
остров.

Оглушенный под утро моторами,
Он,

смежив воспаленные веки,
Обнял землю
ту,

на которую
Не ступал человек вовеки!

ТОЛОСА
ДРУЗЕЙ

АЙРЕНБАК (Расо Синглтон)

(АВСТРАЛИЯ)

САМЫЙ БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК В РУКВУДЕ¹

Он делал деньги утром, днем
и ночью,
Всю жизнь приумножая капитал,
И каждый убедиться мог воочью,
Что он в делах весьма преуспевал.

Он делал деньги, отдыха не зная,
Забыл про смех — дела, дела, дела!

Он прозябал, и участь эта злая
Ему по вкусу, кажется, была.
С полпенса начал — стал
миллионером,
Обманывал, мошенничал и врал.
Пусть жизнь его послужит вам
примером:
Богаче труппа Руквуд не видал.

¹ Руквуд — крупнейшее кладбище в Австралии.

Перевел с английского М. Кудинов

ТЕОДОРО Ванегас Андраде

(Э К В А Д О Р)

ПОЭМА О МИРЕ

Утром,
Когда окна и двери
Откровенно распахиваются,
На стол подают хлеб,
Припорошенный мукой,
Как лицо усталого,
Но вечно веселого мельника.
Хлеб...
Он напоминает мне
Пахаря и быка,
Исхлестанных солнцем и проливными
дождями.

Идут они в глубокую осень,
Чтобы собрать дары
Урожайного лета.
Утром,
Когда дети смеются солнцу,
А старики без надежды повторяют
молитву,

Душа моя жаждет мира
Для всех начинающих день этот.
В полдень,
Когда я смотрю на воду,
Позади себя на камнях
Она оставляет неподвижные буквы.
Языком вечности говорят реки...
Я вижу, как останавливаются быстрые
воды,

Чтобы подняться гучными травами.
В воду, которая рвется к звездам,
Я погружаю ноги...
Листья губ моих
Ощущают вкус жизни!
Они говорят, мои губы:
— Мир тебе, человечество,
Которое босыми ногами
Стоит у истоков жизни! —
Вечером,
Когда тени
Огиганчивают халупы,
Когда просыпаются совы,
А колокола вспоминают о небе,
Когда вместе со стадом
Приходит ужин,
Каменщик
Сматривает на глинобитные стены —
Тысячи домов
Принадлежат его пальцам.
А добрый отец смотрит
На купола нашей церкви:
Он верит в то, что ее кресты
Вот-вот дотянутся до неба.
Я знаю, о чем они оба думают.
Знаю...
Только в мирное время
Хорошо честному человеку!

ИЮНЬСКАЯ ПОЭМА

В среду
Это случилось.
Сегодня.
В июне.

Когда ветер пускает в глаза
Пыльцу полевых цветов.
Когда солнце и река
Одинаково жгучи.

Я вернулся на свое поле...
 А здесь все по-прежнему,
 На том месте,
 Где я когда-то играл...
 Вот она,
 Знакомая пчелка,
 Жужжит со своим медом.
 Кивает навстречу мне
 Белесыми головками клевер.
 Ты осталась такой же лохматой,
моя трава!
 Неужели с тех пор ничего
не изменилось
 На том месте, где я когда-то
играл? ..
 Та же кровь так же пульсирует
 Под крыльями птиц, рассекающих
воздух.
 Разве только деревья...
 Да, да, деревья, они изменились.
 Но в памяти
 Даже деревья не растут и не сохнут.
 Все осталось по-прежнему
 На том месте,
 Где я когда-то играл...
 В среду
 Это случилось.

Сегодня.
 В июне.
 Я стою над рекой.
 Много лет осталось за моими плечами.
 Восемьдесят шесть городов я объехал.
 Тысячи ночей превратил в пепел.
 Губы мои,
 Они узнали вкус таких рыб,
 О которых я ничего не знал в детстве.
 Я вернулся,
 А здесь все по-прежнему,
 На том месте,
 Где я когда-то играл.
 Земля теплая-теплая.
 Листья нежные-нежные.
 Глаза у нее большие-большие.
 Пьедат
 Зовут эту девочку.
 Мы растем рядом.
 Ее еще не сорвали.
 В глазах огонек,
 От которого ноет сердце
 Даже сейчас, когда ее уже нет...
 Все по-прежнему
 На том месте,
 Где я когда-то играл.

РАНЕНАЯ РОДИНА

На грустном кукурузном поле,
 У реки, пахнувшей падалью,
 Под деревьями,
 На которых не поют птицы,
 На жалком клочке земли,
 Жить нам выпало...
 На жалком...
 Но в нищете своей даже
 Он хранил мир до дня вчерашнего.
 С севера и с юга,
 Со всех сторон океана,
 Обступает нас
 Тучная тень
 Безглазого чудища.

Зеленая кровь солдат
 И черная иезуитов
 Течет в его жилах.
 Ля патриа эста эн самино де ля
муэртэ!
 Родина на дороге смерти!
 Вслушайтесь в плач детей,
 Они зовут хлеб,
 Но хлеб не приходит в протянутые
ладони...
 Вслушайтесь
 В гаснущую молитву матери.
 Над слезами эта молитва.

Внутри ее живота —
Выпуклого кургана —
День ото дня растут и растут слезы.
Слышите?
Это псы лают
На того, кто указал правду!
Он уже не вернется...
Любуйтесь кортежем
Крестов и мантий.
Они зовут нас,
Они хотят научить смерти
Во имя бога,
Из рта которого падают
Кровавые слюни.
Смотрите в глаза солдат.
Молнии мечут их взгляды.
Молнии взрывов...
Они превратятся в пепел, эти солдаты.
А что вы сегодня ждете?
Все вы, чего вы ждете?
Удара хитрым кастетом

В челюсть того, кто скажет:
— Вон оно, место,
Откуда ползут сквозь годы
Голод на нас... и цепи...
Ля патриа эста эн самано де ля
муэртэ,
Но далека от страха!
Убейте его, убейте чудище это,
В дар принесите душам детей, невинно
погибших.
Не надо бояться,
Надо бороться.
На севере и на юге
Смотрите в глаза океана!
За Родину!
Она нам досталась
Нищая, небольшая,
Но сохранившая мир
До дня вчерашнего.

Перевел с испанского Виктор Гончаров

ПОЭЗИЯ

О, если б не жила во взоре ты,
 Когда бы ты его не научила
 Ночами не страшиться темноты,
 Когда б ему ты крылья не вручила,
 Чтоб он парил, не заплутав во мгле,
 Чтоб и в ростках, в которых бродят
 соты,

Он видеть мог цветенье на земле,
 Чтоб жил в зрачках межзвездного
 пилота, —

Глаза ослепли б,
 Если бы не ты.

О, если б не касалась слуха ты
 Смычком святым, что душу людям
 лечит,

Не знала б слов я вешней чистоты,
 Которых в жизни мне никто
 не шепчет,

Не знала б голос, что скользит, звеня,

На улице иль в космосе возникший,
 Но все же долетевший до меня, —
 Как жизнь была бы
 Безутешно нищей
 И обреченной,
 Если бы не ты.

О, если б не владела сердцем ты,
 Служа ему до старости порукой
 Бессмертной песни и большой мечты
 В счастливых веснах,
 Бедах и разлуках,
 В коротких встречах,

Горестях простых,
 Скорбь в радость превратив в своем
 горниле, —

Не доставлял бы радость людям стих,
 Который сердце в муках сочинило,
 И я погасла б,
 Если бы не ты.

ОТ МАТЕРИ

Когда над синими лесами
 Ты взмыл, бесстрашен и красив,
 Весь мир от изумленья замер,
 На миг дыханье затаив.

Бежали облака, что кони,
 А я смотрела в эту синь,
 Я, словно мама, беспокойно
 Ждала тебя, мой друг, мой сын.

Ждала я, в вере нерушима
 И все ж волненья не тая,
 Чтоб с метеорами машина
 В пути не встретилась твоя.

Ты, возвращаясь невредимым,
 Пронзив космический простор,
 В грядущих днях необозримых
 Знамена века распростиер.

Сияет звездно даль сквозная,
 Бушует цвет, как первый снег.
 Будь счастлива, весна земная,
 И ты, советский человек.

*Перевел с болгарского
 Анатолий Заяц*

Илья БАРТ

(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

ОБЕЩАНИЕ

Окаменелая тишь палаты...
Ночное небо течет в больницу...
Мрак — словно своды осевшей шахты.
Под этим грузом всю ночь не спится.

Вдруг отовсюду потоком хмурым,
Клубясь, как листья в сухой метели,
Из тьмы таинственные фигуры
Летят неслышно к моей постели...

Они подходят, храня безмолвье,
Теснятся тихо вокруг кровати,
Стоят у тумбочки, у изголовья,
Молчат упорно, как на параде.

— Ночные гости! Скажите, кто вы?
Откуда путь ваш? Как ваше имя?
Кто приказал вам молчать сурово?
— Мы — похороненные живыми.

Их шепот крепнет, растет, ярится,
Как ветер в прутьях перед грозой.
— Мы не успели на свет родиться,
Мы ждем ответа, он за тобою.

— Ясней скажите! К чему туманы?
К чему загадки ночной порою?
— Мы все — герои пьес и романов,
Твоих несозданных книг героев.

...Они к поэту пришли по праву —
Мои соратники, бойцы, шахтеры,
Друзья — строители из Острavy...
Они недаром глядят с укором.

Все это — лица родных и близких,
Из рода гордых, простых и смелых.
Они велят мне их вызвать к жизни,
Воспеть их подвиг в своих поэмах.

Их речи тверды, предельно прямы —
Подобны исповеди неживой.
Я знаю: будут здесь ждать упрямо,
Пока не дашь им ответ правдивый.

Я жму им руки: — Да, я ваш автор!
Пока дышать я не перестану!
Итак, до встречи, друзья, в театрах,
В поэмах, в повестях и в романах.

Перевел с чешского Игорь Кобзев

МАТЕРИЯ И МЕЧТЫ

Мои глаза лучами зорь полны,
В крови струится соль морской волны,
С моей Землею я — одно создание,
И пряжа тонкая — мое сознание,
Нашедшее в хаосе постоянство,
Постигнувшее время и пространство,
Меня располагает в мирозданье
Звездой без имени, чтоб я нашел

название

Неназванному в стихотворном звуке,
Чтобы слились с резцом и кистью руки,
Чтоб вывел на листьях и на скале
Смысл моего призвания на Земле.
С тобой того же существа и рода,
Я неизменно сын твой, мать-природа,
Ты грудью огненной меня вспоила,
И потому во мне возникла сила
Великая, что расщепляет атом,
Зовет к созвездиям голубоватым.
Природа-мать, теперь ты мной творишь,
Ты мною мыслишь, мною говоришь.
А без меня ты мачехой была,
Губила ты и души и тела,
Давила в равнодушии жестоком
Попавших под колеса ненароком.

Вблизи теперь ты видишь и вдали,
На что способны сыновья Земли,
На что способны мыслящие руки, —
Мосты простор смыкают, словно луки,
Гоня и упраздняя пустоту,
В душе растим высокий дар: Мечту!
Не дрогнем! На ее крыле великом
Тебя мы постигаем миг за мигом.
Могли мы отступать и ошибаться,
Но смастерили птиц, которым мчаться,
Сминая расстояния в клубок.
Созвездиям кружить у наших ног!
Где бесконечность вечная прервется,
За грань ее поэзия прорвется —
Тончайшая материя Вселенной,
Несущая призыв и свет нетленный.
Она сумела так, что зверь двуногий,
Который пищу мял и комкал слогам,
Почувствовал ту сладкую занозу,
Что вызвала настойчивую грезу.
С поэзией на новом развороте
Летим, мечтая, и поем в полете.

*Перевел с румынского
Кирилл Ковальджи*

Иньяцио БУТТИТТА

(ИТАЛИЯ)

ЧТОБЫ ЭТОТ СВЕТ НЕ ПОГАС!

Тише, его послушаем!
Сегодня не мы поэты,
поэт сегодня — Юрий Гагарин,
мать, ему подарившая жизнь,
и его отец — простые крестьяне.
Сегодня Социализм — колыбель
поэзии!

Послушаем его —
это он говорит,
человек, который шагнул
через границу космоса
и обнял в полете Землю,
человек, увидевший то,
чего ни вы, ни я,
чего никто не видел еще.
Это он говорит —
он, знающий больше всех.

Каждое слово — стихи,
в каждом — глубокий смысл,
образ нового мира.
Итак, говорит Гагарин,
первый в мире поэт.

Не поэты и не святые
свершили сегодня чудо,
советским ученым
мы обязаны чудом этим.
Они свершили его
под сводами лабораторий
и маршрут начертали

посланцу любви
и мира:
промежуточная станция — Космос,
станция назначения — Земля.

И вот он здесь,
окруженный людьми,
которые поручили ему
свои надежды и чаянья,
которые наполнили дыханьем своим
паруса космического корабля
и руки простерли ему вослед,
коснувшись руками неба.

Вот он, с матерью рядом,
которая помнит, как он родился
в деревне,
и птицы за окнами пели,
зная о том,
что великий пилот
с небесными крыльями
появился на свет.
Вот он — поэт,
сказочный богатырь, никого
не убивший,
победитель, не имеющий врагов.

Его глаза
подарили Земле
свет далеких планет.
Люди, давайте сделаем так,
чтобы этот свет не погас!

Я ВЕРНУЛСЯ В РОССИЮ

Я вернулся в Россию сегодня ночью,
проделав мысленно
путь далекий
в мгновение ока.

Я на Украине,
я в гостях у слепого крестьянина,
что, услышав мои шаги,
пробудился
и ищет меня глазами, в которых
безжизненно рдеют замерзшие маки.

Молча стою,
и он молчит;
если б мог он видеть меня,
то обнял бы тут же:
он нежданному гостю рад,
как будто, вернувшись,
привез я ему в подарок
свет глаз,
который другой итальянец, солдат,

стреляя в него в упор,
погасил навсегда.

За окнами мороз,
и хозяин не выйдет со мною в сад,
как три года назад,
когда я был у него
жарким летним днем
и в детских ручонках ветки
протягивали нам яблоки.

А сейчас он не сможет сорвать
самые крупные яблоки,
найдя их на ощупь,
чтоб меня угостить от души.
А я не сумею спрятать
лицо свое среди листьев
и заплакать украдкой,
как тогда.

*Перевел с итальянского
Евгений Солонович*

ПИСЬМО СОЛДАТА КОЛОНИАЛЬНОЙ
АРМИИ

Здесь, вдали от тебя,
Моя сладко любимая
(Я говорю о тебе, как о сладостно
любимой Франции!),

Я не узнал на асфальте
Мою собственную тень,
Здесь, на французском асфальте
Африканской дороги.

Эта тень — уже не моя, не твоя.
Эта тень — опасный убийца.
Стерлось, пропало мое лицо,
мои руки.

Я не узнаю черт своего лица,
Которое ты так любила,
Я не узнаю своих рук,
Которые так крепко, так больно
обнимали тебя...

Моя тень,
подобная злому,
отвратительному зеркалу,
В котором потонули все мои лучшие
чувства,
Скованная с черною тенью винтовки,
Ведет войну.

МОЯ ДОЧЬ ЖАННА

И день и ночь принадлежат Жанне.
И дни и ночи принадлежат Жанне Витез,
Которой всего шесть лет
и которая любит играть в сестру милосердия,
Жанне, которая сердится по любому поводу,
а также без повода,
Которая плачет, когда ей рассказываю грустные истории
с плохим концом,
И которая ловит ухом все, что говорят вокруг нее,
и все запоминает,
Которой становится очень обидно,
когда она кажется себе маленькой и бессильной,
очень маленькой, слишком маленькой.
Но которая — уже большая!
У которой — две классических школьных косички,
У которой странная манера выговаривать звук «ж»,

Которая кричит, что я ее задерживаю
и что ее будут ругать в школе,
Которая отлично понимает, что выдумка — это неправда,
но которая верит в любую выдумку!
Это — Жанна, которую я люблю.
И день и ночь,
И дни и ночи принадлежат Жанне Витез,
Этой беспокойной покорительнице будущих городов!

Перевел с французского Игорь Кобзев

ТАКИХ НАМ НЕ НАДО

I

Как его корежит!

До того раздвоен,
что уж сам не свой он;
ничего не может!

Ничего не выйдет
из его попыток.
Это лжегоренье
возбуждая в теле,
он на самом деле
гонится за тенью,

сам лишь пережиток,
дым бывшего чадный.

Дай ему знать, Время:
лишь пустой и жадный
может сеять призрачные зерна.

В пшеничное семя
мох не превратится,
как бы ни ершился
он упорно!

II

Людям отдаться? Все за и все против
тщательно взвесит и, сделав расчетик,
провозгласит:

— Недостойны почета
вам отдающиеся из расчета!

Хочет за каждый свой чих он признанья,
главным же образом за обещанья,
и возглашает:

— Иметь будут ценность
только правдивость и лишь
откровенность!

Плевел ничтожный на поле великом
верит: в презрении к людям велик он!
Так вот и жметя и шуруется, мера,
кто будет швец тут и что за матерья.
Всё лишь для формы и всё для парада.
Хватит! Таких нам не надо, не надо!

*Перевел с венгерского
Леонид Мартынов*

Мэри ГИЛМОР

(АВСТРАЛИЯ)

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА НИМ

Мир смотрит на меня,
А я смотрю на мир
И спрашиваю мир:
«Что сделал ты для меня?»
Мир смотрит на меня

И отвечает мне:
«Что сделала ты для меня?»
Что мне сказать в ответ?
Ведь необъятен мир,
А я мала!

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Вот он, на ветке последний лист!
Видел он неба серебряный свод,
Травы, бушующие как волны,
Время посева и время жатвы,
И видел он, как леса цветов
Вдруг одевает пчелиный рой.
Но никогда он не слышал жалоб,

Даже в засуху, даже в бурю, —
Жизнь побеждала, жизнь продолжалась,
И вот ей осталась одна лишь смерть,
Чтоб встретить ее и победить.

*Перевел с английского
Андрей Сергеев*

КИТАЮ

В то утро, похожее на все остальные:

Когда матросы спускались из сновидений по лестнице
склянок,
Когда рассыльный из прачечной гнал свою лошадь
по улице,
Когда политиканы готовились предавать, учитель —
врать, а многие —
Бороться за достоинство, за любовь и хлеб;

В то утро, похожее на все остальные:

Когда запах катастрофы поднимался от утренних газет,
Когда первый самоубийца карабкался к своей могиле,
Когда труп с позеленевшими ногтями всплыл на поверхность
реки,
Когда ночная смена шла домой, надев вчерашние лица;

В то утро, похожее на все остальные:

Когда полоумный экс-министр выпрыгнул из больничного
окна,
Крича: «Красные высадились!» — здоровые и великодушные
Робинзоны эпохи крушений возвращались домой —
Народная армия Китая вошла в Шанхай.

В то утро, не похожее на все остальные:

Давая приговоренному негру в Трентоне силу
Для надежды. Забастовщику перед воротами фабрики —
Невидимое ружье. Давая всем, кто отчаялся,
Видимый знак их силы. Давая всем надежду,

Утро, не похожее на все остальные, —

Всемирное утро, чей бодрящий свет горит
Сразу на всех меридианах; раздольное, совершенное утро
Повисло, как флаг, над янтарной, дремлющей Азией
И нами; священное утро, Востоком рожденное, наше

Утро, не похожее на все остальные.

Перевел с английского Владимир Рогов

ПРОЩАЙ, МОЯ РОДИНА

— До свиданья! — тебе говорит неисчерпанная молодость песни
моей.

— До свиданья! — тебе говорит ее пламя, рожденное в недрах
народа,

В твоих ранах рожденное, в жаркой пульсации боли, —
А сегодня, вдали от родного дыханья,
Песня слышит один только тяжкий подъем, напряжение тока,
Крики раненых, высшую доблесть людскую.

Но пускай ей отрубят все ветви — останется песня,

Вся как есть — у фонтана твоих площадей,

И в кудрях твоих вьющихся вспыхнет цветком,

Или станет площадкой, исчерченной мелом, и малые дети

Будут там веселиться до самого позднего часа,

Иль повязкой холодной ляжет на лоб лихорадки твоей.

Станет запахом хлеба и жаром объятья,

Не обманет любви и придет на свиданье

И в цветочной беседке смешает свой страстный напев

С твоей чувственной жаждой.

И, ослепшая даже, пройдет по дорогам твоим,

Не забудет ни ритма гитары, ни месяца мая,

Ни весеннего неба, которое в прежние дни

Подарило мне синий лоскут, чтобы душу одеть.

Это небо послужит хоть палкой слепому

Или чуткой собакой,

Чтобы песня впотьмах не брела как попало.

Я растрочу мои «до свиданья», как тратят съестные припасы

В отдаленных краях, —

Пусть вбирают всю тяжесть любви моей

И плывут, рассекая волну, на Гаити, —

Ибо каждую ночь на твоем берегу проливается кровь

И сменяет народ часовых, чтобы слышать мой голос.

До свиданья, моя негритянка, сестра моей детской лазури,

До свиданья, морщины глубокие на материнском лице,

До свиданья, глаза онемевшей тревоги,

До свиданья, отцовские вёсны, — вы тщетно рвались

Из веревочных пут, дожидаясь осенней прохлады,

И, как солнце, под землю ушли.
До свиданья, родимая хижина, ставшая ужином крысы
голодной!

До свиданья, ребяческий возраст, полночное царство,
Когда голод шептал мне, что эта луна
Станет яблоком в темной небесной лавчонке
И до самой зари я вгрызался зубами
В золотистую лунную мякоть.

До свиданья, шестнадцатилетье мое, малярийный припадок,
Превращающий тело в качели озноба и бреда!
До свиданья, цветущее дерево, вестник рассвета,
Мой зеленый набат, мой сигнал, что опасность близка!
До свиданья, сорвавшийся плод, когда верили дети,
Что останется сладость и свежесть во рту навсегда.
До свиданья, коричневый блеск поцелуя любимой,
Я тебя схоронил, словно бедную птичку колибри, в корнях
безымянных кустов!

До свиданья, наш лагерь, раскинутый в звездной ночи,
До свиданья, товарищи в синей тропической дымке!
До свиданья, пыльца моей плодотворящей весны,
До свиданья, Гаити, любимая тайно в изгнание!
Мои руки, готовые сеять в чужой стороне,
Протянулись к твоим, несмотря ни на что,
Чтобы вместе листать за страницей страницу
Всю историю будущей нашей борьбы!

Перевел с французского Павел Антокольский

Вилем ЗАВАДА

(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

БЕЗЫМЯННЫЕ

Не звучит оно с плакатов громко,
имя неизвестное мое.

Я хожу в простой рабочей робе,
у меня обычное жилье,

я живу обычно, прост собою, —
жили так во все века творцы,
к небу воздымавшие соборы,
крепости, плотины и дворцы;

не склоняя голову устало,
в битвы шли у войска впереди.
И вставали грозно, словно скалы,
у гостей незваных на пути.

И в сердцах, войною опаленных,
после битв горела песнь труда —
камень шли дробить в каменоломни,
чтоб поднять из пепла города.

И никто им целыми веками
монументов бронзовых не лил.

Памятник своими же руками
безымянный зодчий сотворил.

Это — звезд рубиновых каскады,
малышей счастливых голоса,
залитые кровью баррикады,
зорями омытые леса.

Не звучит оно с плакатов громко,
Имя неизвестное мое.

Я хожу в простой рабочей робе,
у меня обычное жилье,

но в глазах моих
неугасимы

свет их глаз и шелест их знамен, —
вдохновенность: преданность и сила
неизвестных родине имен.

Перевел с чешского Анатолий Заяц

ВЕТЕР С НОВОГО МОРЯ

Зелень ранняя по перелескам
Зашумела нынешней весной.
Переливчатым подернут блеском
Взор наш, потрясенный новизной.

Пусть еще в суровой зимней хвое
Темные стоят сосна и ель —
Клейкой, маслянистою листвою
Ветки тополей одел апрель.

Так в лесах, в садах порой весенней
Было каждый год, из века в век,
Сколько неприметных изменений!
Ты их замечаешь, человек?

Что за ветер? Из какого края?
Кто ответит нам наверняка?
Не с цимлянской ли волной играя,
В море новом пас он облака?

Не принес ли он из дальней дали
Запах новых рощиц и полей?
Их в степях Евразии создали
Смелая фантазия и план.

Это он украл перо у птицы
И пронес за тучей грозовой,
Там, где следом самолет промчится —
Чудо скорости сверхзвуковой?

Что у нас он встретил? Новый город
Вырастает как из-под земли

Там, где вековые просторы
За Курганом Ванды залегли.

Вот он реет, крыши задевая,
Смотрит удивленно с высоты.
Поиграв на проводах трамвая,
У антенн сгибает он шести.

Что-то ветру кажется хорошим,
Кое-что ему не по нутру.
Он прически девушкам ерошит,
С этой груб, а с той завел игру.

Шляпы он, с голов срывая, вертит,
Змея у мальчишки рвет из рук,
В перерыве на большом концерте
В пляс цыганский он ворвется вдруг.

За трамваем он летит в предместье.
Домны видит он издалека.
С дымом заводским взлетит он вместе,
В свой удел вернется — в облака.

Облакам, кочующим в просторе,
Как посланец гордо скажет он:
— Я от Нового примчался моря,
Новой Гуте передал поклон.

Осень золотая сменит лето,
Снова возвращусь к родным местам.
Морю Новому тепло привета
Я от Новой Гуты передам.

Перевел с польского Александр Ревич

Радован ЗОГОВИЧ

(ЮГОСЛАВИЯ)

КОЛОКОЛ БЕЗ ЯЗЫКА

Центр большого города. Музей.

Замерзший,
измученный,
огромный, как горе, —
горевать и домучиваться
здесь он переселен, —
колокол,
у которого за призыв к восстанию,
за набатный звон,
отрезан язык под корень.
И теперь он здесь —
мертвый и вечный —
ночно и денно.
Как каске на голове убитого, ему холодно.
Он в голос кричит неслышно.
Нет мукам предела.
В камень раскрытым ртом
врезался колокол.
Он заключен пожизненно,
навечно оставлен
на распутье ветров и классов,
раскольник в городе.
Он слышит людей и птиц,
он слышит крики восстаний.
А сам возмущенный бунтарь
лишен
голоса.
Без башни,
которая высилась над деревней
и над домами,
без веревки, туго натянутой, —
безмолвный титан —
стоит он,
тяжелый и мокрый,
где-то в душе понимая,

что уже свое отзвенел он.

Отгудел

и отрокотал...

Нет языка, чтоб поведать о ветре,
о звонкой капле,

о лепете листьев,

о прикосновении ласточек.

Они его задевают

и он дрожит, как от кашля,

в спазме бронзы,

в оспенных пятнах распластанных.

Нет языка, чтоб о каждом рыданье звенеть,
звать к возмущению,

качаться в яростном крике.

Все принимает,

на все отзывается медь.

Ржавчина издевается:

«Ты — безъязыкий!

Ты — безъязыкий! ..»

Нет языка,

чтоб позвать людей

под красные стяги,

тревогу пробить,

поверить грядущим битвам.

Холодный колокол

полон призыва к атаке!

Так полон, что кажется —

весь он набит динамитом...

Все есть в этой бронзе,

дрожащей в предчувствии боя.

Все есть в ней —

казни,

пожары,

муки и горести.

Людские давние боли.

Непрерывные боли.

Боли без меры.

И без конца.

Лишенные голоса.

Перевел с сербского Роберт Рождественский

ИХТИОЛОГАМ, ЗАПИСАВШИМ ГОЛОСА РЫБ

Внемлите голосу рыб, записывайте его, творите открытия
все глубже — в лазурном, лазарево-черном и черном,
нету

ни ведра, ни ветра, ни зыби.

Прослушайте бездну морскую, стихии морские. Внемлите!

Я, человек, рыбоведом охотнее буду, чем рыбой.

Пусть все стены обрушатся на своих слухачей. Пусть кресла
выбрасывают их, топча тотчас же

своими короткими ножками, чтоб из праха восстать слухачи

не могли бы.

А внимайте голосу рыб, выпрадайте его из воды, как

пряжу.

Я, человек, рыбоведом охотнее буду, чем рыбой.

Дайте голос молнии океана, ибо когда она его режет, то

все же светит.

Каракатице дайте голос: просыпаясь и ежась, способна ль
промолвить что-либо?

Как величают друг дружку рыбы? Как они друг дружку

предупреждают:

«Ловцы! Сети!»?

Я, человек, рыболовом охотнее буду, чем рыбой.

Слушайте рыб, пожирающих травы морские

и вылавливающих искорки соли,

слушайте, что кукуруза морская твердит водогрезящей

рыбе, когда, колосясь, встает дыбом.

Дайте возгласы рыб, ощущающих рост свой и приступы

боли.

Я, человек, рыбоведом охотнее буду, чем рыбой.

Усовершенствовать микрофоны! Пусть они будут

чувствительнее, чем дятел,

чующий через кору, как обмотанный ею червяк подтачивает

ее в глубине там.

Вслушивайте стволы, ловите жучков-короедов, чтоб

древесина вековала сиятельной.

Я, человек, жуковедом охотнее буду, нежели

жуком-короедом.

Оставьте людям их толки, их перешептывания, их

шш-шепот.

Если кто скажет, что абиссинский кофе не настоящий, —

так ли много важности в этом!

Вслеживайте паразитов, таких, что суставы и ткани

древесные лопают.

Я, человек, жуколовом охотнее буду я, нежели

жуком-короедом.

Пусть, пусть стены гложут, что гложеться, и мелют, что
и пусть из всего остального всем прочим придется
А вы подслушивайте и рыб, деревья, картофель в земле,
металл и микробы. Я буду вас славить и славлю за ваши
открытия.

Перевел с сербского Леонид Мартынов

Доменико КАДОРЕЗИ

(И Т А Л И Я)

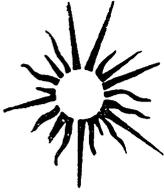
МЕСЯЦЫ ГОЛОДА

Молчаливою долгой зимою
на замерзших дорогах долины
мы пытались найти безуспешно
возможность продлить наши дни.
На крышах лачуг наших
трубы
раскрыли голодные пасти
пустых и холодных печей.
Дождь тоскливо струился сквозь ветви,
что к небу ладони тянули
в своей бесполезной мольбе.
В тумане напрасно ловили
мы звуки, как голос надежды.
Надежда была только в хлебе,
что будущий год уродит.
Нас спасти не могли даже ноги,
что шагали по грязным дорогам,

чтоб любую работу найти.
Часы потянулись со скрипом,
как тянутся долго повозки.
К чему были нам наши руки,
что умели и сеять и жать?
Пусть идут наши дети далёко,
а потом пусть вернутся
и счастье
нам обратно пускай возвратят.
Пусть опять будет праздник
и пища
и над крышею каждой лачуги
пусть опять заторопится к небу
тяжелый и радостный дым.

*Перевел с итальянского
Александр Николаев*

СВОБОДА

В ладонь возьмите
Лучей немного,
Ладонь сожмите —
И в путь-дорогу.

Там ветер встречный,
С мечтою встреча;
Не надо медлить:
Жизнь быстротечна.

Лежат за далью
Пути такие,

Где не звучали
Шаги людские.

Так смело рвите
Былого нити,
Вперед смотрите!
Вперед идите!

И песню пойте!
Вам путь открыт.
Мир неимущим
Принадлежит.

СЕРОЕ И БЕЛОЕ

Был серый котенок
В крапинках белых,
А белый крысенок
В крапинках серых.
И были хвосты их к тому же
Один другого не хуже.

Да, это так! И все же
Носы у них были несхожи:
Был серый котенок
С носиком белым,
А белый крысенок
С носиком серым,

И были носы их к тому же
Один другого не хуже.

Да, это так! И все же
Усы у них были несхожи:
Был серый котенок
С кисточкой белой,
А белый крысенок
С кисточкой серой,
И вот по этой причине,
Совсем пустяковой причине,
Держались они друг от друга вдали:
Они друг друга терпеть не могли.

СТАРЫЙ КОРОЛЬ

Перебирая
Горох и фасоль,
На мельнице старой
Жил старый король.

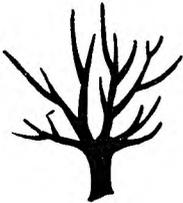
Не слал он приказы,
Не шел на парад,
Не слышал ни разу,
Как пушки палят.

И люди, смеясь,
Говорили о нем:
— Ну, как тут гордиться
Таким королем!

И люди, смеясь,
Попивали вино:
Войну в этом царстве
Забыли давно.

И каждый мальчишка
Кричал: — Я король! —
Перебирая
Горох и фасоль.

*Перевел с французского
М. Кудинов*

ХИРОСИМА¹

Чего же вы хотите, вши Христовы?
Ведь мир не знает никаких событий,

¹ В октябре 1957 года газета «Унита» напечатала стихотворение Квазимодо «Новой Луне» — отклик поэта на запуск первого советского искусственного спутника Земли. За это Квазимодо подвергся резким нападкам со стороны Ватикана. Стихотворение «Хиросима» является его ответом святым отцам (в сборник «Земля несравненная» оно вошло под заглавием «Ответ второй»).

и человек по-прежнему сжимает
холодный дождь в своих вороньих
крыльях,
веща о любви и несогласье.
На вашей совести довольно крови
с тех пор, как существует мир.
Одна соленоглазая овца
когда-то заблудилась — и для вас
других событий не было и нет.
Но мохом поросли столбцы газет
на городских стенах
на острове далеком.

МАРАФОН

Материнских стенаний в Марафоне,
раздирающих душу воплей
никто не услышал. Греция
была свободна. Греция свободна.
В Марафоне остались солдаты,
а не тени, никаких тут храмов
или алтарей. Могильный холм нетронут,
с высоты его видна Эвбея.
Червь истории приводит в мире

все в согласии: на кургане — столб,
под землю — мечи и шлемы.
И каким бы ни был Марафон,
человек живет здесь в хижине, подобной
будке часового.

*Перевел с итальянского
Евгений Солонович*

Джек ЛИНДСЕЙ

(А Н Г Л И Я)

**ПОХОДОМ ЗА МИР
ИДЕМ К АМЕРИКАНСКОЙ БАЗЕ**

Серый ветер весенние гнал облака,
Пили влагу поля в ожиданье цветения,
И казалось — мы землю свою познаем
В первый раз. А ведь знали ее от рождения.
Шли безмолвные люди. Их тысячи шли.
Были стиснуты зубы и замкнуты лица.
Чужеземная база лежала за ближним холмом.
Шли безмолвные люди. Лишь пела какая-то птица.
Наш валлийский нарцисс проглянул на валу,
И готовились брызнуть зелеными листьями ветки,
И казалось — впервые увидел я только сейчас,
Как прекрасна земля, где живем, где покоятся предки.
Бесконечным потоком безмолвные тысячи шли,
И когда наконец миновали военную базу,
Песня, звонкая песня из наших сердец полилась,
Потеплели глаза, осветившись улыбками сразу.
Мимо пашен, где наши посева взойдут,
Мы шагали, касаясь друг друга плечами,
И впервые, казалось мне, я постигал,
Что шаги наши твердые здесь означали.

Перевел с английского Владимир Лифшиц

ВРЕМЕНА ГОДА

(Ц и к л)

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

Бессмертная печаль стремительной воды —
смятения белил, и зелени, и сини, —
и в колеях ветров ста запахов следы,
и трепет птичьих крыл в дрожании осины.

И марева небес, и воздух раскален,
и жаворонка песнь, влюбившегося в леги,
и камнем он летит в горячий небосклон,
и, значит, близок час рождения поэта.

У матери-горы набухнувшую грудь
сто пухлых облаков сосут, сойдясь к вершине...
Свет месяца белес. Его седую грусть
на землю молоком лучи пролить решили.

Свет месяца белес. Покачиваясь чуть,
спит рыба в хрустале полночных водопадов,
и вдоль дремучих троп от человеческих чувств
звериный плач звенит и хохот до упаду.

И девушкам в домах чудные снятся сны,
и, шорохи растя, в горах кочует эхо.
Спят ветры по-людски, и лица их ясны.
И, значит, близок час рождения поэта.

ОКТАБРЬ

Прости, пора обилия плодов!
Набрав на кисти охры и сиены,
уж осень дышит в газовый платок,
все му на свете рассекая вены.

Разрыв аорт — разлив широких рек,
и водопад до старости не дожил...
О, дни, когда не просто человек,
когда поэт на свет явиться должен!

ПАРТИИ

Я видел однажды в кино,
как томится от зноя
под тропическим солнцем
удивительный кактус — агава.
К необычным цветам, что спят белизною,
по стволу устремляются соки земли,
что подобны отраве;
агава — злая мать красоты,
золотая агава,
первый раз зацветает.
умирает безмолвно и гордо,
гаснет вместе со своей удивительной тенью,
посвятив свои весны,
свои трудные годы
первому цветению.

Если бы жизнь моя
лишь один раз зацветала,
как агавы цветы,
то пускай бы по жилам
те же мощные соки злая сила метала,
та же гордая тень
мою сень сторожила.
По стремлению сердца,
по людскому великому праву
я хотел бы, чтоб солнце надо мною такое горело,
как над белой агавой,
впервые цветущей агавой,
что от этого мира не ждала ни пощады, ни славы,
только в чистое небо
золотыми глазами смотрела,
в которых весна и любовь,
а не проклятье.
Пусть бы в теле моем клокотали могучие соки —
пламя сердца твоего,
твоей крови потоки,
Коммунистическая партия.

Перевел со словацкого Анатолий Заяц

Руи ДИ НОРОНЬЯ

(МОЗАМБИК)

НА ПРИСТАНИ

Качаются, серебряно блистая,
Тугие волны тихого залива.
И чайка белая, на волны приседая,
Подхватывает рыбку торопливо.

Уже темнеет. Парусом кивая,
Рыбачьи лодки тянутся лениво.
И огоньков сверкающая стая
Зажглась на бакенах. И море
молчаливо.

А там, на пристани, труд закипает
жаркий.

Там вспыхивает синий пламень сварки,
Подъемный кран скрипит над
кораблями. . .

И слышится тогда отчетливой,
кристальной,
Как негры-грузчики поют в ночи
бескрайней,
Средь пыли угольной, в портовом
гаме. . .

*Перевела с португальского
Инна Тынянова*

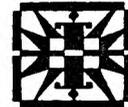

ПОЭЗИЯ

Взлетел фонтан,
 пробившийся сквозь камни,
И отразилось солнце на челе.
И вот уже,
 разбившийся на капли,
Он славно возвращается к земле.

Поэзия высокая
 не так ли
Источнику народному верна?
Возвысившись,
 себя отдаст до капли
Тому, кому обязана она.

Перевел с фарси Яков Козловский

Блас ДЕ ОТЕРО

(ИСПАНИЯ)

НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

Моя болезнь
там, где болит, —
в груди.

(А грудь
по форме та же,
что Испания.)

Сказал мне врач: — Побольше
кислорода,
Побольше кисло...

— А где же взять его?

СЛЕДЯ ЗА НРАВАМИ

На кухне он заснул, как тряпка.
Ему поденной платы не хватало даже
на то, чтоб умереть. Упал, как тряпка, на скамейку
и в сон скользнул, в сон без забвенья...

Так повелось: смиренные рожают этих золотушных девочек
в раздерганных юбочках — не на теле, на костях.
Бегом бегите, чтобы их увидеть, лицемеры!
И небу напишите, что здесь происходит!
Своих наставников вы подкупите — пусть полюбуются на это!
Испанцы-дети замерзают
на солнце — не вполне на солнце справедливости.

Протестовать я буду, протестую я давно;
так больно мне от этой боли, что порою
подпрыгиваю я посередине улицы,
но не могу молчать, не должен, даже если,
открещиваясь, крестят лоб мой, губы и стихи.

ПЕСНЯ ДРУГА

Писать хочу я днем.

Лицом к лицу с прохожим.
Как страшно, если
не остановится прохожий!

Писать хочу я днем.

Лицом к лицу с людьми, что не умеют
читать.

И знать хочу, что не впустую я пишу.

Писать хочу я днем.

Я тополям завидую, когда я вижу,
как ветер их трясет.

ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ

Я пишу
по необходимости,
чтобы помочь
(хоть немного)
исчезновению

лющейся крови
и несправедливости
в мире
(включая
карикатурную нынешнюю Испанию).

Перевел с испанского Овадий Савич

Жак ПРЕВЕР

(ФРАНЦИЯ)

У ЦВЕТОЧНИЦЫ

Человек заходит купить цветы,
Подбирает букет — к тюльпану тюльпан,
Просит цветочницу их завернуть,
И когда опускает руку в карман,
Опускает руку, чтоб деньги достать,
Деньги, чтоб расплатиться с ней, —
Внезапно за сердце берется рукой
И тут же падает у дверей...

И в момент, когда падает человек,
Рассыпается по полу горсть монет.
Падают деньги и человек,
Падает нежный его букет.

А продавщица совсем одна —
С человеком, который упал,
С цветами, которые он помял,
С деньгами, которые он растерял...
Что ей делать? Как ей быть?
Ведь надо же что-то здесь предпринять!
Она же не знает, как поступить.
За что хвататься? С чего начать?!

Что же делать ей — вот беда! —
С человеком, на ком уже нет лица,
С цветами, что начали увядать,
С деньгами, что катятся без конца?!..

*Перевел с французского
Игорь Кобзев*

**В ТИШИНЕ, КОТОРАЯ
ТАК ДОРОГО ДОСТАЛАСЬ**

1

Над черным городом кружится снег,
белеет чайкой на отвале шахты.
Как тихо в нашем доме.
Любимая смеется,
и смех ее наполнил тишину.

Корона золотых волос.
Прижаты к сердцу руки.
Веселый смех наполнил тишину,
которая так дорого досталась.

2

В Испании и в Греции
молчанье.
Оно живет в лачугах бедняков,
там только смерть,
там смех замолк давно.

Ведь тот, кто ждет,
к земле прижавши ухо,
кто спит с открытыми глазами, —
не смеется,
и тот, кто под землю спит, —
молчит.

Проходят дни.
Цветы и листья тянутся к лучам,
змеятся под землей
коренья.
А в тишине,
которая так дорого досталась,
сегодня песня узника слышна:
«Ложатся травы под косой,
в огне сгорают стебли,
но кто всемогущ приказать земле
весенней:
«Земля! Не смеешь зеленеть,
не смеешь обрастать травой!»

3

В тиши, которая так дорого досталась,
в районе заводском лежит погост.
Кладбище окружил
рабочий черный город.
Дощатые надгробья,
лучи фанерных звезд.
В тиши, которая так дорого досталась,

я слышу смех детей.
Они бегут
вокруг погоста,
убегают.
Я слышу каждый вздох и шепот
в тиши, которая так дорого досталась.

Над черным городом кружится снег,
белеет чайкой на отвале шахты.
Как тихо в нашем доме.
Любимая смеется,
и смех ее наполнил тишину,
которая так дорого досталась.

Корона золотых волос.
Прижаты к сердцу руки:
— Прислушайся — во мне
стучат два сердца! Слышишь? —
Я слышу. Слышу смех,
такой счастливый в этой тишине.

ПОЭТИКА

1

Звучит без фальши
песня поэта,
который служит
доброму делу.

Он минует кладбища
слов и метафор,
реквизиты и школы обходит,
чтоб трогать сердца и предметы,
ищет простые слова.

Без любви
рассыпаются фразы,

без любви наша песня
подобна жужжанью жуков,
подобна яблоку восковому,
подобна скрежету и грохоту жести,
подобна выкрикам пьяниц,
подобна молчанью предметов.

Без любви наша песня
мертва,
от нее отвернется народ
безразлично и хмуро.

2

Я думал:
слова невесома,
как пух,
блестящи, как шелк,
круглы, как девичьи колени,
беспечны, как птичий посвист,
я думал:
они послушно
являются —
только кликни,
и можно из них сложить
многозначительный образ,
скрывающий столько соковищ.

Встречал я
слова разлуки,

слова проклятья,
а позднее слова любви.
Потом я видал
на тюремных стенах
нацарапанные
слова надежды.
И все имели
глубокий смысл.
Среди этих слов не встречалось
ни сравнений, ни аллегорий,
ни гипербол, ни звучных метафор.
Но была в них сила убежденья,
сила поэзии,
жизнь.

Перевел с польского Александр Ревич

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

Был мрак. И сердце жгло желаньем
зажечь светило в вышине,
украсить землю полыханьем
садов, шумящих по весне.

Шел дождь. Во мгле слепой вечерней
рождался в муках новый век.
Из мрака в вешнее свеченье
шагнул отважно человек.

Гремел Октябрь. Неодолимо
вставало зарево знамен.
Его сиянием и дымом
весь мир был разом ослеплен,
был убежден весь мир воочью
в октябрьской правде и любви.
И захлебнулись злобно желчью
все ненавистники твои.

И о тебе в веках сурово
святую память сохранит

гранит, покрытый алой кровью
людей, бессмертных, как гранит.

И подавали руку братья,
враги покончить шли с тобой,
и кто с надеждой, кто
с проклятьем
смотрел на выпел красный твой.

И мы — не громкими стихами —
с тобой шагаем впереди,
мы — это жаркое дыханье
в твоей натруженной груди.

Ты — наши верные дороги,
весна, что ширится, звеня,
чи грозы на крылах широких
сегодня чувствует
Земля.

Перевел с чешского Анатолий Заяц

Абу Аль-Касим СААДАЛЛА

(А Л Ж И Р)

ПРАХ

И мы создали человека из праха.

К о р а н

О брат мой, души твоей пыл
В сражение тебя устремил.
Тебя ураган не сломил,
Нам радость восход возвестил. . .
Чу! Шелест Грядущего крыл!

О брат мой, великой битве мы отдали бег наших лет,
Буря, в ночи вставая, затмила мерцанье планет;
Пусть созданы мы из праха — в сердцах наших ужаса нет,
Пусть созданы мы из праха — настало время побед,
Прозрел слепец и увидел солнца сияющий свет.

Ты видишь ли нас довольными жизнью среди горя и тьмы?
Нам ли рыдать в отчаянье и ноги господ целовать?
Нам ли молить о пощаде и смерть к себе призывать?
Нам ли отдать свободу за подземелье тюрьмы?
Народ! Разобьем оковы, хоть из праха созданы мы!

Спросил я землю, в которой отец мой спит, погребен:
— Почему из презренного праха был человек сотворен?
Почему мы темны и забыты, почему наши песни — стон?
Мне так земля отвечала: — Потому что с давних времен
Вас унижение согнуло, сломил неправый закон!

Где ты, мое сердце, забьешься, там жизнь надеждой полна,
Моя кровь надежду окрасила, моя сила надежде дана.
О прах земной! Ты мне дорог, ты ныне восстал от сна,
Народ свои цепи сбросил, выпрямлена спина,
Мы голову больше не клоним — другие пришли времена!

Я утром на улицу вышел и там увидел народ.
Его усмиряли дубинка, винтовка и пулемет.
Я слышал — прибор кровавый, тишину сметая, ревет,
Вселенная плачет. . . Но голос раздался: — Да здравствует тот,
Кто ради страны любимой в жертву себя принесет!

Меня истерзала тревога, ее зуб ядовитый остер.
Бродил по холмам я, в пространство вперяя невидящий взор.
И вдруг я орла увидел — он парил над вершинами гор;
Он тоже создан из праха, но в небе крылья простиер,
А мы — мы втопаны в землю. Вот скорбь наша и позор!

Идет по чаще густой
Гигант, покрытый броней,
К цели, что скрыта тьмой.
Народ угнетенный мой,
Нам по пути с тобой!

О брат мой, житель долин,
Народа алжирского сын,
Будь с народом един,
Стань сам себе властелин,
О житель долин!

ОЛИВКОВЫЕ ПОЛЯ

Памяти Джамили Бу Изза

Дни твои — оливковые поля,
Где возрастали цветы восстания,
Где созревала победа
Нашей страны благодатной,
Страны, идущей к высям. . .
Дни твои — песня,
Свободных песня,
Звучала она, пока не убили тебя
В оливковых полях!

Я струны ослабленные подтяну,
О песня моих полей.
Поведай птицам и пальмам
О девушке-патриотке:
Она в полях жила, для полей жила,
Маленькой птичкой порхала,

Жила надеждой полей,
Для всех свои песни пела
Среди орудийных раскатов
И кинжальных ударов.
Оливковые поля!
Вас охраняют бойцы
Частоколом винтовок.
Враг не пройдет —
Нет бреши в наших рядах,
Никто из нас не отступит.
Ваши защитники держат
Оружие наготове,
Оливковые поля!

*Перевел с арабского
Владимир Рогов*

БАЛЛАДА О ГОЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Разоружайтесь! — кричит народ,
Но НАТО собралось...

Под люстрами, заняв места,
Блистательно расселись здесь
Министры, хладно сжав уста,
Штабисты, чья безмерна спесь,
Политиканства мастаки,
Продажной прессы вожаки.

У каждого за спиной
Был аппарат усердных слуг;
Прислужник тот или иной
Подчас куда-то мчался вдруг,
Не изрекая ни гу-гу,
Чтоб тайн не выдать на бегу.

Был зал голубовато-бел,
В карнизах с золотой резьбой.
Портьер багрянец пламенел,
Рисунок был на них такой:
Прочь от охотника олень
Бежит под лиственную сень.

При всех регалиях своих
Здесь заседал сановный люд,
Но сколь ни горд был облик их,
А все они друг дружку тут
Все ж, несмотря на свой апломб,
Как атомных боялись бомб.

Шли прения. За гласом глас
Звучал внушительнее труб:
Мол, день грядущий, судьбы рас!
Что ж! Ультиматум! Зуб за зуб!
Произнося за речью речь,
Как будто бы точили меч.

Но в залу вихрь ворвался вдруг.
Портьеры хлопают, гудят,
Прочь от дверей метнуло слуг,
А их хозяева глядят:
Какой-то человек вошел,
И человек тот вовсе гол!

Работой рабской истощен,
Стал преждевременно он сед,
Но всех сильнее казался он:
В глазах пылал ярчайший свет,
И голос прозвучал могуч,
Как гром из-под нависших туч.

— Я наг! Мне имя — легион! —
Воззвал ворвавшийся. — Я тот,
Кто голоден, кто истощен,
На чьем челе кровавый пот.
И хоть в оковах тесно мне,
Но дух свободен мой вполне!

Мой дух не гнется, не дрожит,
Бороться с кривдой будет он,
Он знает: мир принадлежит
Тем, кто насильем угнетен.
Во мне кипят миллионы воль.
Мой дух не взять вам под контроль!

Груз войн мы скинем с голых спин!
Ведь этих войн чужда нам цель!
Мы сами цель для пуль и мин,
Чтоб нас самих рвала шрапнель
И жгли напалм и водород
Бомб, кипящих небосвод!

Я не богат! Не мне франтить!
Живу, люблю по мере сил,
И не могу я допустить,
Чтоб меч войны людей косил.
Я, муж жены, отец детей,
Не допущу таких затей!

Вы, господа, весь мой доход,
Мое здоровье и досуг
Воруете! Барыш дает
Вам даже смертный мой недуг!
Одежда чья на вас? Моя!
Вы — жулики, как вижу я!

И получить пришел я с вас
Свое! Хоть с ног до головы
Я перед вами наг сейчас,
Но знайте: я сильнее, чем вы.
Приказ я отдаю такой:
Жить в мире должен род людской.

Ни слова больше не сказал.
Ни вправо он не поглядел,
Ни влево. И покинул зал.
И пышный зал похолодел,
Окоченел от страха весь:
— Спаси, господь! Был призрак
здесь!

А вихрь тем временем крепчал,
Все окна ветер распахнул,
И град о мрамор застучал,
Как будто бы шрапнели гул.
Портьеры бешено тряслись,
Охотники там вскачь неслись.

А вихрь все пуще бушевал,
Ломал он стулья и столы,
С карнизов позолоту рвал
И продувал он все углы, —
Казалось, что вот-вот начнет
Он рвать регалии с господ.

Промчался вихрь. Пуста нора,
Где шли дебаты о войне.
Там вновь ни холод, ни жара,
Ни свет, ни мрак. И в глубине
Фигуры жалкие торчат —
Ни дать ни взять надгробий ряд.

А человек идет, высок.
В его руках и ночь и день;
Ни на верстак, ни на станок
Не ляжет никакая тень.
И лишь цветам дано цвести
На человеческом пути!

ТЕЛЕСКОП

Телескоп
Стоит в укромном уголке,
Вдалеке
От шума ярмарочных толп.
Старичок
На ветхом стуле спит.

Ни к чему
Рекламировать ему
Свой товар,
Зазывая, как на бокс
Или в тир.
И одну лишь благодать

Гарантирует старик:
В возбужденье наблюдать,
Как велик
Лунный лик.

Что еще сравниться может, господа,
С романтическим
И волшебным
Путешествием туда?

Ребятишки
Проявляют
Величайший интерес

К этому самому большому
Из ярмарочных чудес.
Зависть гложет,
Думают ребята:
«Вот владелец «космического
аппарата» —
Сквозь «великую незримость»
путешествовать он может!»

Юные
Лишь собираются заявиться на Луну.

Старцы
Уж не добиваются устремиться
в вышину.

И поэтому уснул
Старичок,
Присев на ветхий стул...
Но всегда толпятся дети,
Окружая телескоп,
В этом тихом уголке,
Вдалеке
От ярмарочных толп.

*Перевел с английского
Леонид Мартынов*

ЗНАМЯ

При погребении автора «Интернационала» Эжена Потье в 1887 году полицейские напали на похоронное шествие и хотели отобрать у рабочих красное знамя.

Не везли этот гроб в знаменитой карете,
А рабочие скорбно несли на плечах
Ношу в красных полотнищах — тело поэта,
И мерцала печаль у Парижа в очах.

Полицейский начальник навстречу им вышел,
Крик отрывистый: — Красное знамя долой! —
Но взлетело оно вдохновенней и выше
Над колонной рабочих, над древней землей.
И сжимали древко огрубелые руки,
Пересохшие рты пели «Интернационал», —
Он был грозной защитой и верной порукой
И знаменем шторма, что в нем выростал.
Знамя, знамя над городом реяло гордо,
Над мятежной землей, охваченной мглой,
Над испугом немым полицейского сброда.
И растаяло жалкое: «Знамя долой!»

Это красное знамя, как эстафету,
Поколения новые в руки берут.
С вольным гимном поэта
Проходит по свету
Стяг, чей цвет никакие ветра не сотрут.
И проходят под ним и шагают народы,
Заглушив полицейское: «Знамя долой!»
Знамя, знамя над городом плещется гордо,
Наше красное знамя плывет над землей!

*Перевел с болгарского
Анатолий Заяц*

НЬЮ-ЙОРК

Нью-Йорк, ты веревка,
злая веревка,
тобою пожизненно
скручены люди,
ты душишь прохожих
удавками
зданий.

От тебя, от уroda,
сбежало море.
От себя самого
ты рад бы удрать, —
да уйдешь далеко ли
вот по этим мостам?

Неотвязность заботы,
каменный сплин,
ни плыть ты не можешь,
ни прыгать,
не то что взлететь
над землей.
И где уж тебе
запасть в человечью душу...

Колдовские квадраты кварталов.
Никнут цветы,
и золотушные листья,
дрожа от удушья,
тщедушному ветру

подставляют бледные лбы.
А ты
деловито уселся,
Нью-Йорк,
на измученный
серый бетон.

Роза томится в клетке,
корчится сердце под пыткой.
Биения не слышно.
Женщина... Впрочем,
это издание редкое
давно разошлось по рукам.

Обрывок лазури —
клочок красоты
над маревом серости.
Нью-Йорк...
Одиночество,
хрупкие мысли,
камень на шее,
веревка на горле,
слепое небо,
злая, пожизненная веревка —
и нудным припевом имя:
Нью-Йорк, —
серое, серое...

*Перевел с французского
М. Ваксмахер*

РАЗДУМЬЕ

Зачем в душе не зацветет весна,
Зачем душа молчать обречена?
Любимая! Без жалоб мне поверь,
Таков я раньше был, таков теперь.
Сказала ты, что грустен я и сир?
Великой грустью переполнен мир.
Сказала ты, что много я скорбел?
Скорбь, дорогая, — всей земли удел.
Коль овладела скорбь душой моей,
То станет ли вселенной тяжелей?
Силков греха, насилия тенет
Пустая речь вовек не разорвет.
А горем неизменно я томим —
Мне все равно, своим или чужим.

Зачем страдать, жечь сердце на огне?
Не станет легче ни другим, ни мне.
Владеют миром горе и нужда...
О, если б их убить нам навсегда!
А после увидеть о счастье сон
И песню счастья спеть для всех
племен... .

Зачем не знают горя и утрат
Лишь те, кто сыт, бездумен и богат?
Разделим же их радости запас:
Они, ей-ей, ничем не лучше нас!

Перевел с урду Владимир Рогов

Я ВИДЕЛ ЛЕНИНА

Словно руки семьи после долгой-предолгой разлуки,
Эта длинная очередь братски меня обняла.
Я иду и молчу... И притихли все шумы, все звуки:
Где душа говорит — замирают слова и дела!
Да нужны ли здесь речи, если в сердце скопилось такое,
Что словами и выразить, как ни пытайся, нельзя,
Если даже в молчанье все связаны мыслью одною,
Став роднее, чем братья, и дружнее, чем любые друзья?

Я иду и молчу... И выносит нас к площади Красной,
Где раскинул витрины крупнейший в Москве магазин,
Где нарядные люди, где яркие летние краски,
Где зеркальные блики играют на стеклах машин.
Это царствует Жизнь! Это рвется из окон веселье,
Эта шумная площадь здоровьем и счастьем бурлит.
А напротив — молчат часовыми застывшие ели,
И стоит Мавзолей, весь из алых, пылающих плит.

Здесь сошлись Жизнь и Смерть в высочайшем своем проявленье.
Жаль мне робких душой, кому гул ураганов немил,
Бедных разумом, тех, кто ни разу в благоговенье
Не преклонит колен, даже если умрет целый мир!
Что им Ленин — таким, не шагавшим сквозь бури по кручам,
За которых другие выносят весь груз на плечах,
Чтоб всегда новый век был не хуже, а лучше и лучше,
Чтоб не гнула беда, чтоб несчастный не плакал в ночах!

Мир приносит сюда благодарность и благоговейность,
И влечет меня вместе со всеми людская река,
Чтобы мог передать я большую сыновнюю верность
Светлой Ленинской Правде, озарившей века!
Чтобы мог поклониться и я у стеклянного гроба
Человеку, чей гений, точно молнии блеск, навсегда
Расколол все законы обмана, насилия и злобы,
Что пытаются в мире утвердить господа.

Видеть Ленина! Быть у источника света!
О, кому это счастье нужней и понятней, чем нам —
Честным людям труда, пролетариям нашей планеты,
Всем воскресшим из мрака недавним рабам!
Как он все повернул! У купцов и банкиров
До сих пор при одном его имени зубы скрипят!
Им спасения нет, — над руинами старого мира,
Над враждою и злобой Октябрьские зори горят!

Нет, не чудо, что Ленин — всех живущих живее!
Сколько сделать он смог! Как раздвинул он наш небосвод!
Он прилег отдохнуть среди мраморных плит Мавзолея,
Но в груди нашей дышит и в делах наших славных живет!
Я иду как во сне через шумную Красную площадь...
Рядом — девочка... Чья-то чужая семья...
Взгляд у девочки светится. Ветер ей кудри полощет...
Она только что видела Ленина, так же, как я!..

Перевел с венгерского Игорь Кобзев

Агинальду ФОНСЕКА

(ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА)

НОВАЯ ПОЭЗИЯ

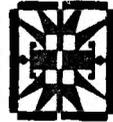
Поэзия ушла, пропала
Таинственно в какой-то час.
И люда всякого немало
Ее среди долин и гор
В порыве яростном искало.

Бродя по диким крутизнам,
Напрасно люди к ней зывали,
Простерши руки к небесам,
В поту, в крови, в слезах, в печали:
Она исчезла без следа,
Ей жизнь свою отдать тогда
Нередко люди предлагали...
Она ушла — я навсегда.

Кричали люди в гневном яром:
— Не знаем мы, что делать нам!

Но в каждом сердце огорченном,
В слезинке, в крике возмущенном,
И в жесте боли, там, где пот
Рекой кровавою течет,
Проста, торжественна, сурова,
Поэзия рождалась снова.

*Перевел с португальского
Федор Кельвин.*

Назым ХИКМЕТ

(ТУРЦИЯ)

Во мне есть дерево одно,
его росток я взял от солнца.
Качаются, как огненные рыбы, листья,
его плоды щебечут, словно птицы.

Уж путешественники из ракет давно спустились
к звезде, которая во мне,
язык их узнаю — его слышал во сне:
ни приказаний, ни мольбы, ни хвостовства.

Во мне есть белая дорога,
по ней проходят муравьи с травинками,
наполненные праздничными криками грузовики,
но катафалков нет — запрещено.

Время стоит во мне,
как распустившаяся роза,
и мне плевать, что пятница сегодня, а там суббота,
что больше позади и меньше впереди.

Перевела с турецкого Муза Павлова

КРИЗИС ПОТИХОНЬКУ

Если ты — на внештатной и платят гроши,
Если сыты не часто твои малыши,
То помни: обязан ты быть в восхищенье,
Услышав, что малое тут сокращенье.

Если ты без работы и хочется жрать,
И не можешь купить, что стремятся продать,
То помни: везде — красота и порядок,
А то, что вокруг, — лишь ничтожный упадок.

Если топлива нет и ты мерзнешь без дров,
Если ты, задолжав, потеряешь свой кров,
То помни: ты должен плясать при намеке
На то, что все это — на краткие сроки.

Это — крен, передышка, недолгий застой,
Перерыв кратковременный, отдых простой.
И какая беда ни грозила б, приблизясь,
Ради бога, не думай, что это (ш-ш!) кризис.

Перевел с английского Владимир Рогов

ВЕЛИКАЯ ПРОСТОТА

Самые виртуозные песни
Хороши, если схожи с простым разговором.
Самая необыкновенная картина
Хороша, если каждому ясна.

Самые изысканные танцы
Должны выражать повседневный труд.
Самый любимый поэт
Должен говорить простой народной речью.

Самое простое на свете — вода.
А как ее пение разливается по всему миру!
Простые и удивительные кустики травы
Зеленым ковром одевают всю землю!

«Каждый обязан трудиться.
Кто не работает — тот не ест!» —
Это простая и великая истина.
Но пока люди открыли ее — прошли тысячи лет!

Самая высокая гора
У подошвы почти не возвышается над морем.
Так и путь настоящего героя:
Вначале едва заметен...

Но все простое становится великим.
Но все великое рождается из простого.
Могучий лев с рожденья был послушнее котенка,
Гигантское дерево было когда-то тоненьким ростком...

Большинство человечества называют «простыми людьми»,
И это большинство — великая сила!
Высокая гора образуется из мельчайших песчинок,
Широкая река — из капель, струящихся в горных потоках.

Революция — величайшее дело Истории,
И она опирается на труд тысяч простых людей:
Смотрителей складов, писарей, чернорабочих,
Заготовщиков и связистов, уборщиц и поваров.

Стиль жизни вождей революции
Постоянно напоминает нам о великой простоте.
Играя с мальчиком, Маркс становился «лошадью»
и катал малыша на спине.
В миллионах сердец отпечаталось навеки
ленинское поношенное пальто.

Все рассказы об этих великих людях
За столетие не передать.
Когда мы слышим их имена,
Нам вспоминается смеющееся лицо и простая речь.

Когда крестьянин усердно трудится в поле,
Когда рабочий склоняется над станком,
Когда учащийся перелистывает страницы книги,
Все это — простая жизнь.

И мы воспеваем эту любимую простоту,
Торжественное и прекрасное слово: «Простота!» —
Какое другое слово можно с ним согласовать?
Это слово: «Великая», —
Они извечные друзья!

Перевел с китайского Юй Ин

Иохан ЯКОБСЕН

(НОРВЕГИЯ)

ЗИМНИЙ ШТОРМ

Шторм воеет в открытом море,
Вздымая громады волн.
Товарищ! В морском просторе
Тонет рыбацкий челн!

Спешу в ночь темную эту!
Опасность тебя ждет там.
Ты видишь сигнал, ракету?
«На палубу! По местам!»

Прошла волна штормовая,
Спасательный бот трещит.
Лицо твое — кровь сплошная,
Вдребезги люк разбит.

То нежно, то бурно море,
Напев тысяч лет в ушах.
А сколько могил и горя
Средь водорослей, в морях!

*Перевел с норвежского
Алексей Боровиков*

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ЭТОГО ГОДА

К читателю		5
<i>П. Семьин.</i>	Человеческий закон (поэма)	9
<i>Н. Асеев.</i>	За Кубу!	13
<i>А. Аброскин.</i>	Было все поэзией	14
	Вёсны	14
<i>Е. Абросимов.</i>	«Прохожу я, словно день, высокий...»	15
	«Хорошо быть сильным и могучим...»	15
	Домик деревянный	16
<i>Л. Агеев.</i>	Сын	17
	Частушки	17
	Полночи	18
	На вечёрке	18
<i>Н. Акулиничев.</i>	Дождь	19
<i>В. Алатырцев.</i>	Отчизне	20
	Будь беспокойным!	20
<i>А. Алдан-Семенов.</i>	Наш девиз	21
<i>М. Алигер.</i>	Источник света	22
	«Да» и «нет»	22
<i>М. Анисанов.</i>	«У багряного знамени...»	23
	Утро	23
<i>А. Арго</i>	Диск	24
<i>П. Арский.</i>	Песня строителя	25
<i>Р. Аргамонов</i>	Родители	26
<i>Э. Асадов.</i>	Разрыв	27
	Дорожная встреча (отрывок из поэмы)	28
<i>Б. Ахмадулина.</i>	Газированная вода	29
<i>А. Балин.</i>	«В резерве клецки я хлебал...»	30
<i>А. Барто.</i>	Хищница	31
<i>С. Баруздин.</i>	Какое над нами небо?	32
<i>Я. Белинский.</i>	Парижская легенда	33
<i>Г. Беляков.</i>	«Я не стану у соседей спрашивать...»	34
<i>В. Боков.</i>	Пионеры	35
	Пушкинский бульвар	35
	Материнство	36
<i>М. Борисова.</i>	На смотре художественной самодеятельности	37
<i>Е. Буравлев.</i>	Бригадир	38
<i>В. Бурч.</i>	Крик	39
<i>К. Ваншенкин.</i>	Солдаты	40
	Братья	40
	Старые слова	41
<i>П. Васильев.</i>	«Не добратся к тебе!..»	42
	Джут	42
<i>С. Васильев.</i>	Хорошо!	44
<i>Е. Винокуров.</i>	Памятники	45
	Час	45
	Когда уходит женщина	45
	«Художник, воспитай ученика...»	46

<i>А. Вознесенский.</i>	Рублевское шоссе	47
	Сирень «Москва — Варшава»	47
<i>И. Волобуева.</i>	В Михайловском	48
	Розы	49
<i>Л. Вышеславский.</i>	Директорша	49
<i>А. Гатов.</i>	Прометей	50
<i>В. Гиленко.</i>	Маяковский, каким его помню	51
	«Сохранить этот профиль женский...»	53
	«Две бойких девчонки...»	53
<i>Н. Глазков.</i>	Кочевья	54
	Заслуга композитора	54
	Товарищам пародируемым	55
	Пародия на М. Львова	55
	Пародия на А. Вознесенского	55
<i>А. Говоров.</i>	Грач	57
<i>Д. Голубков.</i>	Сыну	58
<i>В. Гончаров.</i>	Возвращение	59
<i>В. Гордейчев.</i>	Вечные люди	60
<i>Г. Горностаев.</i>	Блуститель порядка	61
<i>Н. Грибачев.</i>	Затем!	63
<i>И. Грудев.</i>	«Сторицей платит...»	64
<i>Е. Дворников.</i>	Свадьба	65
<i>Е. Долматовский.</i>	Из книги «Африка имеет форму сердца»:	
	Законы джунглей	66
	Рассказ сенегальского стрелка	66
	Предостережение	67
	Мое оружие	68
<i>А. Досталь.</i>	Оружейная палата	69
	Первая любовь	69
<i>С. Дрофенко.</i>	Вагоны весны	70
<i>П. Дружинин.</i>	Пусть!	71
<i>Ю. Друнина.</i>	«Пусть много дружб хороших в жизни было...»	72
<i>Б. Дубровин.</i>	Танки в пустыне	73
<i>М. Дудин.</i>	«Каштаны Киева...»	74
<i>С. Евсеева.</i>	Фотоаппарат «Зоркий»	75
<i>Е. Евтушенко.</i>	Спутник в джунглях	76
	Цепи	76
	Деревья	77
<i>А. Жаров.</i>	Апрельский день	78
<i>П. Железнов.</i>	Ленин — это свобода	79
<i>Т. Жирмунская.</i>	Девочка	80
	Горькая любовь	80
<i>В. Журавлев.</i>	Перед съездом	82
	О садах	82
	В моем колхозе	83
<i>А. Заяц.</i>	Праздник	84
<i>В. Звягинцева.</i>	Нет, не заменит ничто	85
	Солдатские стихи	85
<i>М. Зенкевич.</i>	Сказочная эра	87
<i>Д. Злобина.</i>	Сын	88
	«Я с работы иду...»	88
<i>А. Зорин.</i>	Девушка в троллейбусе	89
<i>В. Инбер.</i>	Рука Ленина	90
<i>А. Иншаков.</i>	Встреча	91
<i>Е. Исаев.</i>	Даль	92
<i>В. Казанский.</i>	Кремль	93
<i>В. Казин.</i>	Наш век	94
	Памяти дяди	94
	Фотографу	96
<i>М. Карунный.</i>	В пургу	98

<i>Д. Кедрин.</i>	«На кладбище возле домика...»	99
	«Был слеп Гомер...»	99
<i>Д. Климов.</i>	Дарын овражек	100
	О лопате	100
<i>И. Кобзев.</i>	В «Запретном городе»	101
	Золотой соловей	101
<i>А. Коваль-Волков.</i>	Товарищам по оружию	103
<i>Д. Ковалев.</i>	О зоркости	104
<i>А. Коваленков.</i>	Портрет	105
<i>К. Ковальджи.</i>	Первые — с нами	106
<i>Б. Ковынев.</i>	«Есть на бульваре телефон...»	107
<i>Я. Козловский.</i>	Трубы Первой Конной	108
	Солдаты милосердия	108
<i>В. Коржиков.</i>	Благодарность	110
	«Окончен пленум...»	110
<i>А. Кронгауз.</i>	Кукушка	111
<i>В. Кулемин.</i>	Вечный огонь	112
<i>С. Куликов.</i>	Май	113
<i>Б. Куняев.</i>	Мой дед	114
	На третьей скорости	115
	Бал золотой молодежи	115
<i>С. Куняев.</i>	Кино на целине	117
<i>В. Леванский.</i>	Баллада о Я	118
	Дискобол	118
	Солнце	119
<i>Г. Левин.</i>	«Хорошо, когда человек...»	120
<i>М. Левашов.</i>	Полюс холода	121
	«Уехала девчонка...»	121
<i>А. Левушкин.</i>	Россия	122
<i>С. Липкин.</i>	В большом кольце	123
	Первый мороз	123
<i>К. Лисовский.</i>	Полярным летчикам	124
<i>М. Лисянский.</i>	«Я люблю картину Ярошенко...»	125
<i>В. Лифшиц.</i>	Пародия на В. Солоухина	126
	Пародия на Е. Винокурова	126
	Пародия на Я. Смелякова	127
<i>В. Луговской.</i>	Петровский парк	128
<i>И. Луговской.</i>	Синяя чушка	131
<i>М. Луконин.</i>	Из футбольной тетради:	
	Прозрение	132
	Второе дыхание	133
<i>А. Любцов.</i>	Геолог	134
<i>Г. Люшнин.</i>	Рязанский парень	135
<i>М. Львов.</i>	Россия	136
	Плакаты	136
<i>В. Львов.</i>	«В разговорах путается разум...»	137
	«Неестественно низко, над крышей...»	137
<i>Л. Мартынов.</i>	Читатели	138
	Полевые письма	138
	Меховые цветы	139
	Белый диск	139
	Гроздь	140
<i>А. Марков.</i>	Позвони!	141
	Торопись!	141
<i>М. Матусовский.</i>	Из «Африканской тетради»:	
	1. Железнодорожная баллада	142
	2. В гвинейском кино	143
<i>А. Межиров.</i>	Проводы	144
<i>К. Мурзиди.</i>	«Расставаться с Землей...»	145
	Про Африку	146

<i>В. Нейштадт.</i>	Т. Д.	147
	Лорелея	147
	«Весны заветное слово...»	147
<i>А. Николаев.</i>	Отечество славию!	148
	Несостоявшийся разговор	148
	«Еще не вечер...»	149
<i>Л. Озеров.</i>	«Хочу не фразой трескучею...»	150
	Общежитие в Останкине	150
<i>А. Ойслендер.</i>	Лето	151
	Береговая артиллерия	152
<i>Ю. Окунев.</i>	До звезд!	153
<i>В. Осинин.</i>	Свидание	154
	«Зверю зверь не разроет берлоги...»	154
	«Растаяло белое облачко пара...»	154
	Сельские вечера	155
<i>Л. Ошанин.</i>	Что всего прекрасней в Париже?	156
	«Са ира!»	156
<i>М. Павлова.</i>	Ода корове	158
	«Я не знала...»	158
<i>С. Панюшкин.</i>	На Курской дуге	159
<i>Г. Петников.</i>	К цветам	160
	Подмосковный городок	160
<i>С. Поделков.</i>	Мартовский лес	161
	Напутствие	161
<i>С. Поликарпов.</i>	Татьяна	163
<i>А. Пришелец.</i>	Счастье	164
	С нового листа	164
	Уходит пароход	165
<i>В. Приходько.</i>	Памяти отца	166
<i>А. Прокофьев.</i>	Мужество	167
	Нет в России города без славы	167
<i>Г. Пятков.</i>	Хризантемы	168
<i>П. Радимов.</i>	Ручей	169
	Дуб	169
<i>Ю. Разумовский.</i>	Порубщик	170
<i>Г. Регистан.</i>	Золотая пора	171
	Летнее	171
<i>Л. Решетников.</i>	Нижнеенисейский пейзаж	172
<i>Л. Решетов.</i>	Роща	173
	«В сказочные терема...»	173
<i>А. Рогачев.</i>	В дороге	175
<i>А. Рывлин.</i>	Голоса земли	176
	Земные, а не приземленные!	176
<i>Н. Рыленков.</i>	«Видно, таким уродился я...»	177
	«Есть в каждом ремесле своя основа...»	177
<i>М. Савельев.</i>	Табор	178
<i>Е. Савинов.</i>	Чайки	179
<i>Г. Санников.</i>	Из цикла «Путешествие»:	
	«Море Ирландское...»	180
	Облака	181
	И снова нет мечтам предела	181
<i>М. Светлов.</i>	Друзьям (Вступление к книге шаржей)	182
	Заключение к книге	182
<i>И. Сельвинский.</i>	Дорогу, космос: летит Земля!	183
	«У истории плохая память...»	184
	Весеннее	184
	В зоопарке	184
<i>Н. Сидоренко.</i>	«Не грусти, что вечереет...»	185
<i>В. Сидоров.</i>	«Весне еще зябко...»	186
<i>К. Симонов.</i>	Самый первый	187

<i>А. Ситковский.</i>	Сторожевые корабли	188
<i>М. Скуратов.</i>	Бабка Василиса	189
<i>Б. Слуцкий.</i>	Старики (из цикла): Да здравствуют долгожители! Преимущества старости	191 191
<i>Д. Смирнов.</i>	Грибы	192
<i>С. Смирнов.</i>	Дятел	192
	Ленин	193
	Слово свободы	194
	Звездному человеку	194
<i>И. Соловьев.</i>	Военный транспорт	196
<i>С. Сомова.</i>	Мукаррам	197
<i>В. Старков.</i>	В школе рабочей молодежи	198
<i>И. Строганов.</i>	Рута	199
<i>А. Стройло.</i>	«Мне хотелось бы...»	202
	«В шкафу висят неделями...»	202
<i>А. Сурков.</i>	Ночная улица в Риме	203
<i>Н. Тарасенко.</i>	Ископаемые	204
<i>Е. Тараховская.</i>	Памятник Ленину	205
	Поэзия	205
	Жаль, что бессмертья нет...	205
<i>А. Тарковский.</i>	В пути	207
	«Встали хлопцы золотые...»	207
<i>Л. Татьяничева.</i>	Снег	208
	Оборванное детство	208
	«Опять апрель...»	209
<i>Д. Терещенко.</i>	«Я люблю мороз скрипучий...»	210
	Земля	210
<i>Н. Тихонов.</i>	Грузии	211
	«Из давних в Грузии скитаний...»	211
<i>В. Туганов.</i>	Москва рабочая	213
<i>В. Туркин.</i>	Санька-целинник	214
	На полевых целинных станах	215
<i>В. Тушинова.</i>	Судьба России	216
	О непомерных прихотях души...	216
	«Шагаю хвойною опушкой...»	217
<i>Н. Ушаков.</i>	Вдоль Америки, вдоль Африки	218
<i>Вл. Федоров.</i>	Рысья шапка	219
<i>Вас. Федоров.</i>	«Мы постареем...»	220
	Морошка	220
	Гуси	221
<i>А. Филатов.</i>	«Серп и Молот»	222
<i>Б. Филиппов.</i>	Маяковский во Владивостоке	223
	Просьба	223
<i>В. Фирсов.</i>	О гордости	224
	Колхозное такси	224
	«Неярким светом...»	225
<i>Н. Флёров.</i>	Ясность	226
<i>И. Фояков.</i>	О Сибири	227
<i>Я. Хелемский.</i>	Из цикла «Свидание с Африкой» Африканка	228 228
	Гвинейцы изучают азбуку	229
	Газетные стихи	229
<i>Б. Цветаев.</i>	Кепки и косынки	231
<i>В. Цыбин.</i>	Мужицкая кость	232
	Снеги	232
<i>Ю. Чернов.</i>	Строители	234
<i>В. Шаламов.</i>	Гарибальди в Лондоне	235
<i>И. Шамов.</i>	Наступление весны	236
<i>Н. Шатилов.</i>	Танцы	237

<i>Б. Шаховский.</i>	Душа наступленья	238
	«Есть юнцы...»	238
<i>М. Шехтер.</i>	Призвание	239
<i>В. Щепотев.</i>	Каштан	240
<i>С. Щипачев.</i>	Над проектом Программы	241
	Не каждый стих зовет и греет	241
<i>Э. Яхнин.</i>	Генка с насосной станции	242

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

<i>Айренбак</i> (<i>Расо Синглтон.</i>) (Австралия) <i>Теодоро</i> <i>Ванегас Андраде.</i> (Эквадор)	Самый богатый человек в Руквуде	245
	Поэма о мире	246
	Июньская поэма	246
	Раненая родина	247
<i>Елисавета Багряна.</i> (Болгария)	Поэзия	249
	От матери	249
<i>Илья Барт.</i> (Чехословакия) <i>Михай Бенюк.</i> (Румыния) <i>Иньяцио Буттитта.</i> (Италия)	Обещание	250
	Материя и мечты	251
	Чтобы этот свет не погас!	252
	Я вернулся в Россию	253
<i>Жиралду Бесса Виктор.</i> (Ангола) <i>Антуан Витез.</i> (Франция)	Маримба	254
	Письмо солдата колониальной армии	255
	Моя дочь Жанна	255
<i>Антал Гидаш.</i> (Венгрия) <i>Мэри Гилмор.</i> (Австралия)	Таких нам не надо	257
	Последнее слово за ним	258
	Осенний лист	258
<i>Томас Мак-Грат.</i> (США) <i>Рене Денестр.</i> (Гаити) <i>Вилем Завада.</i> (Чехословакия) <i>Ежи Загурский.</i> (Польша) <i>Радован Зогович.</i> (Югославия)	Китаю	259
	Прощай, моя родина	260
	Безымянные	262
	Ветер с Нового моря	263
	Колокол без языка	264
	Ихтиологам, записавшим голоса рыб	266
<i>Доменико Кадорези.</i> (Италия) <i>Морис Карем.</i> (Бельгия)	Месяцы голода	268
	Свобода	269
	Серое и белое	269
	Старый король	270

<i>Сальваторе Квазимодо.</i> (Италия)	Хиросима	271
	Марафон	271
<i>Джек Линдсей.</i> (Англия)	Походом за мир идем к американской базе	272
<i>Десанка Максимович.</i> (Югославия)	Времена года (цикл):	
	Рождение любви	273
	Октябрь	273
	Зимний вихрь	274
	Бурный день	274
<i>Войтех Мигалик.</i> (Чехословакия)	Партии	275
<i>Руи ди Норонья.</i> (Мозамбик)	На пристани	276
<i>Остовар.</i> (Иран)	Поэзия	277
<i>Блас де Отеро.</i> (Испания)	На этой земле	278
	Следя за нравами	278
	Песня друга	279
	Почему, зачем	279
<i>Жак Превер.</i> (Франция)	У цветочницы	280
<i>Тадеуш Ружевич.</i> (Польша)	В тишине, которая так дорого досталась	281
	Поэтика	282
<i>Иван Скала.</i> (Чехословакия)	Октябрь 1917 года	283
<i>Абу Аль-Касим Саадалла.</i> (Алжир)	Прах	284
	Оливковые поля	285
<i>Хара Тамики.</i> (Япония)	В Хиросиме (цикл)	286
<i>Питер Темпест.</i> (Англия)	Баллада о голом человеке	287
	Телескоп	288
<i>Ангел Тодоров.</i> (Болгария)	Знамя	290
<i>Ги Фено.</i> (Бельгия)	Нью-Йорк	291
<i>Фаиз Ахмед Фаиз.</i> (Пакистан)	Раздумье	292
<i>Янош Фелдеак.</i> (Венгрия)	Я видел Ленина	293
<i>Агинальду Фонсека.</i> (Острова Зеленого Мыса)	Новая поэзия	295
<i>Назым Хикмет.</i> (Турция)	«Во мне есть дерево одно...»	296
<i>Морис Шугар.</i> (США)	Кризис потихоньку	297
<i>Чин Му.</i> (Китай)	Великая простота	298
<i>Йохан Якобсен.</i> (Норвегия)	Зимний шторм	300

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Сборник

М. «Советский писатель» 1961. 308 стр.

Редакторы *Е. А. Исаев, Г. А. Санников*
Художник *М. Ф. Лохманова*
Худож. редакторы *В. В. Медведев, Д. С. Мухин*
Техн. редакторы *И. Ф. Кузьмин, Р. Я. Соколова*
Корректоры *Ф. А. Рыскина, В. Н. Стаханова, И. А. Чайка*

*

Сдано в набор 7/VIII 1961 г. Подписано к печати 8/IX 1961 г.
А 08719. Бумага $70 \times 100^{1/16}$. Печ. л. $19^{1/2}$ (24,76). Уч.-изд. л. 15,74.
Тираж 18 000 экз. Заказ № 1091. Цена 89 коп.

*

Издательство «Советский писатель», Москва К-9,
Б. Гнезниковский пер., 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

89 коп.

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ